

Арктика и Север

Архангельск:
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
2012. № 5 (январь)

Арктика и Север. 2012. № 5 (январь)

Электронное периодическое издание

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 2012

© Редакция журнала «Арктика и Север», 2012

Выходит не менее четырех раз в год

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках. Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года.

Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 года.

Журнал зарегистрирован в Депозитарии электронных изданий ФГУП НТЦ «Информрегистр» (регистрационное свидетельство № 543 от 13 октября 2011 года) и ему присвоен номер государственной регистрации 0421200166.

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова». Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17. Электронный адрес журнала: <http://narfu.ru/aan>.

Главный редактор: Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Тел./факс: +7 (818-2) 68 34 47. E-mail: mba@pomorsu.ru, ylukin@atnet.ru.

Редакционный совет

Востряков Лев Евгеньевич
Глазычев Вячеслав Леонидович
Дергачев Владимир Александрович
Кефели Игорь Федорович
Котляков Владимир Михайлович
Кудряшова Елена Владимировна
Михальчук Илья Филиппович
Неелов Юрий Васильевич
Селин Владимир Степанович
Федоров Игорь Геннадьевич
Чилингаров Артур Николаевич

Редакционная коллегия

Вертешин Алексей Иванович
Дрегалю Александр Алексеевич
Зальковский Николай Павлович
Кудряшов Юрий Владимирович
Окунев Юрий Павлович
Соколова Флера Харисовна
Тоскунина Вера Эдуардовна
Ульяновский Виктор Иванович
Шрага Моисей Хаимович
Шубин Сергей Иванович
Федоров Павел Викторович

Все номера журнала находятся в свободном доступе на сайтах: <http://narfu.ru/aan/>, http://narfu.ru/aan/article_index_years.php, <http://arctic-and-north.com/>. Статьи журнала «Арктика и Север» размещены также в системе «Академия Google» и находятся по поисковому запросу «Арктика и Север». Информация для авторов опубликована на сайте САФУ: <http://narfu.ru/aan/author.php>. Плата с авторов, в том числе с аспирантов, за публикацию статей, других материалов не взимается; гонорары не выплачиваются. Редакция считает возможным публиковать статьи, теоретические позиции авторов которых представляются дискуссионными. Публикуемые материалы могут не отражать мнение редакции. Все рукописи рецензируются. Редколлегия сохраняет за собой право выбора наиболее интересных и актуальных материалов, которые публикуются в первую очередь.

Содержание

Рождественское интервью Патриарха Кирилла 7 января 2012 года на телеканале «Россия»	4
Социальная философия	
Комлева Е. А. Природоантропосоциальный феномен ядерной энергии	17
Лукин Ю. Ф. Арктические социальные фобии	31
Гореликов Л. А. Арктический проект в формировании глобального социума	62
Геополитика	
Зайков К. С., Нильсен Й. П. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне	71
Шубин С. И. Энергетику Севера в синергетику России	85
Экология Арктики и Севера, природные ресурсы	
Глянцева Ю. С., Зеленина И. Н., Чалая О. Н., Лифшиц С. Х. Вопросы экологического мониторинга и реабилитации нефтезагрязненных почв арктической зоны Якутии	97
Зеленина Л. И., Федькушова С. И. Прогнозирование и последствия изменения климата Арктического региона	109
Человеческий капитал	
Палкина О. А. Особенности внешнего дыхания у студенток в условиях Севера	114
История	
Егоров А. М. Героический вклад Пскова в защиту Русского Севера в эпоху «северных» войн кон. XVI – нач. XVIII вв.	117
Мартынов А. Я. Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья (о древнем освоении беломорских островов по археологическим данным)	137
Новые публикации	
Ершова Ю. В. Действия НАТО в Арктике и их влияние на милитаризацию региона	177
Summary	
Авторы	181
Аннотации, ключевые слова	182
Contents	185
Authors	186
Abstracts, keywords	187
Выходные данные	190

Рождественское интервью Патриарха Кирилла

7 января 2012 года на телеканале «Россия»¹

– Ваше Святейшество, добрый день. Это уже традиционное рождественское интервью нашему телеканалу. И в этот светлый праздник Рождества Христова в начале нового, 2012-го, года, думаю, было бы уместно попросить Вас подвести итоги года ушедшего. Что было главным для Вас, для церкви, для общества, какое событие Вы могли бы поставить на первое место и что стало определяющим?

Патриарх Кирилл:

– Это трудный вопрос, потому что на него нет объективного ответа. Каждый человек смотрит со своей точки зрения. А человеческая точка зрения, конечно, не соответствует взгляду Бога на человеческую историю. И поэтому только по прошествии времени, когда более контрастной становится картина, когда уходят полутени и серая краска исчезает, когда видно, где добро, а где зло, тогда люди дают более трезвые оценки происшедшему. Поэтому и мой взгляд на нынешний год будет, конечно, субъективным. И тоже с моей точки зрения.

Но я бы хотел сказать, может быть, вот о чем. Было много важных событий в политике, в экономике, в социальной жизни. Было много положительного и было то, что очень разочаровывало людей. Но если взглянуть на все это с религиозной точки зрения, то все эти события отражают некую динамику жизни. И вот эта динамика жизни заставляет меня лично о многом задуматься.

Что происходит с современным человеком? Мы реально становимся лучше? У кого-то есть ощущение, что мы, как народ, как личности, как семьи, что мы становимся лучше, крепче, сильнее, разумней? Мы с легкостью используем современные технологии, у нас возникает чувство всемогущества. У одних людей от того, что у них слишком много денег, у других – потому что они прекрасно овладели компьютерными технологиями и делают то, чего не

¹ Текст публикуется по: URL: <http://kp.ru/daily/25814.3/2793185/> (дата обращения: 09.01.2012). См. также видео: URL: <http://pravera.ru/index/rozhdestvenskoeintervjupatriarkhkirilla2012telekanalrossija17janvarja/0-238>.

могли делать в прошлом. А на самом деле это является могуществом или нет? От того, что мы называем ценностью, вот и зависит расстановка событий по шкале.

Для меня самым потрясающим событием было принесение Пояса Пресвятой Богородицы, которое всколыхнуло все наше общество, которое лишь только отчасти помогло увидеть людям уровень религиозности. Пояс месяц находился у нас. И, как подсчитали те, кто стоял рядом со святыней, есть определенное количество людей, которое может пройти в единицу времени. Физически больше пройти не может. Так вот, при максимальном наплыве людей в течение всего месяца, не смогло пройти больше 3,5 примерно миллионов, чуть меньше – между тремя и тремя с половиной миллионами. Ну, а если бы год был Пояс Пресвятой Богородицы, то это 40 миллионов. И вот пока вера живет в нашем народе, это самое сильное, самое светлое и самое вдохновляющее явление. Тогда мы не потеряем шкалу ценностей. Тогда нам никто не заморочит голову, и мы сами себе ее не заморочим. Тогда мы действительно сохраним способность жить. А когда человек сохраняет способность к Жизни с большой буквы, не к физиологической жизни, к жизни и культурной, и духовной, интеллектуальной, физической, вот тогда есть надежда. И поэтому принесение Пояса Пресвятой Богородицы дало мне великую надежду.

– В нашем обществе довольно сильны антиклерикальные настроения. И почему вдруг возник такой запрос на чудо?

Патриарх Кирилл:

– Есть миф о росте антиклерикальных настроений в обществе. У нас есть рост в процентном отношении – значительный рост – антицерковной и антирелигиозной составляющей в средствах массовой информации. Но это не отражает настроения людей. Это отражает лишь только следующее явление: вера и церковь становятся более видимыми, более значимыми для жизни людей. И встречают сопротивление тех, кто не чувствует веры в сердце, кто не связывает с верой в Бога своего будущего, даже среди тех, кто считает своей задачей бороться с религиозными убеждениями. Эти люди никуда ведь не улетучились, они присутствовали на протяжении долгих десятилетий в нашей жизни. Кроме того, современный потребительский образ жизни содействует формированию агностических настроений. Люди не задумываются о великом, о вечном, о святом, о добре и зле. Они думают о деньгах и о том, как их потратить.

И вот эти два фактора, с одной стороны – рудиментарная антирелигиозность советского времени, и плюс новый, вот этот потребительский контекст, они действительно в определенной части нашего общества формируют некое безразличие к религиозной идее. И в таком смысле эти люди становятся иногда питательной средой для распространения антирелигиозных убеждений. Чем и воспользовались люди, которые профессионально работали и работают в этой области. По тому, как пишут журналисты на религиозную тему, именно с такой точки зрения, видно, что это профессионалы, которые профессионально работают в области антирелигиозной пропаганды, как мы бы сказали в советское время.

Но вот есть что более, может быть, сложное. Это то, что действительно современный образ жизни как бы вытесняет Бога. Вы вот сказали о чуде. А что такое религия? Религия – это связь с Богом. Человек обращается к Богу и в ответ на это он получает нечто. Нечто про-

симое. И поэтому каждая молитва – это чудо. Если бы я не переживал это чудо в своей жизни, я бы никогда не надел рясу, я бы нашел, чем заниматься. Но только потому, что я с детства слышал и чувствовал, как Бог отвечает на мою молитву, я стал не просто верующим человек, глубоко верующим, – я всю свою жизнь этому посвятил.

И вот некоторые говорили: вот пошли к какому-то кусочку материи, это же язычество, это же суеверие. Но, во-первых, Слово Божье говорит нам о том, что через материальные предметы энергия этого параллельного мира передается в наш физический мир. Тень проходящего Петра апостола исцеляла больных. Платок, который держали в руках апостолы, исцелял больных. Это в Слове Божьем сказано. Поэтому даже самые рационально мыслящие христиане, самого крайнего такого протестантского толка, и то признают факт, что в Библии говорится о чуде. А в Ветхом Завете? Вся Библия – это священная история, в центре которой присутствует чудо. А иначе-то и быть не может. Потому что в ответ на молитву Бог дает нечто, что не может обеспечить реальность. И человек это воспринимает как чудо.

Поэтому нету сейчас никакого особого запроса на чудо. Как он всегда был, как он проистекал из религиозного чувства, так он и сейчас проистекает. Ничего нового не происходит. И через долгие-долгие годы, если Бог потерпит еще род человеческий и все мы будем существовать, или наши потомки, люди так же будут верить в Бога, призывать его имя и, получая просимое, исповедовать, что это чудо в их жизни.

– Ну вот сейчас события политической и общественной жизни будто бы уплотнились. Часть наших сограждан посчитала прошедшие выборы в парламент несправедливыми. И по стране прокатились акции протеста. Но самое многочисленное были в Москве. Причем люди, которые собирались и на Болотной площади, и на проспекте Сахарова, были абсолютно разных политических взглядов, но они были объединены одним лозунгом – «За честные выборы!». В конце года в самый разгар митингов Вы в своей проповеди призывали к сохранению согласия и гражданского мира. А ведь впереди у нас, пожалуй, самые ответственные и важные – президентские выборы. Что бы Вы сегодня могли сказать и власти придерживающим, и протестующим, как найти вот это взаимопонимание? Как можно протестовать, не подвергая опасности и не расшатывая фундамент общего нашего дома?

Патриарх Кирилл:

– Вот эта ваша последняя фраза является ключевой. У каждого человека в свободном обществе должно быть право выражать свое мнение, в том числе и несогласие с действиями власти. Если люди такого права лишаются, то это воспринимается как ограничение свободы. Это очень болезненно. Давайте вспомним то же самое советское время. Не было такого права. Оно декларировалось на бумаге, а реально – нет. В Новочеркасске люди вышли, сказали в свое время, что там плохо все, и зарплату задерживают. И что? Пролилась кровь. У людей не было такого права.

А сейчас есть такое право. И, конечно, этим правом люди пользуются. И если люди чувствуют наличие несправедливости, какого-то обмана, манипуляций и таким образом выражают свое мнение, то в этом самом выражении нет ничего такого, что сотрясает основы.

Для церкви этот вопрос очень чувствителен, потому что ведь наши прихожане и среди тех, кто был на площади, и среди тех, против кого выступала площадь. Поэтому слово церкви не может быть политизированным, оно не может быть несбалансированным в самом принципиальном смысле этого слова. Не в смысле ложных дипломатических балансов, а в смысле того, что слово церкви должно нести правду, которую примут все – и одни, и другие. И правда заключается в том, что ложь должна уходить из нашей жизни. Из политической, из экономической, из социальной.

Но позвольте мне теперь сказать то, что не может оставить безразличным ни одного, кто протестовал на площади, – из личной жизни. А разве среди протестующих нет, кто обманывает своего мужа или свою жену? Кто ведет параллельную жизнь? Кто нечистоплотен в бизнесе? Но если мы творим неправду в нашей личной, семейной жизни, в сфере нашей профессиональной, почему так горячо требуем, чтобы правда сохранялась где-то на макроуровне? А на микроуровне ее не должно быть? Вот церковь призывает к тому, чтобы на каждом уровне была правда. На уровне личности, семьи, трудового коллектива. На уровне политических партий. На уровне экономических корпораций. На уровне правительства. На уровне тех, кто возглавляет страну. Правда должна быть. Когда я говорил о Божьей правде, я и имел в виду правду – жизнь по совести. Ведь в конце концов понятие правды – это просто соответствие Божественным заповедям. Мы должны научиться жить по Божьей правде. То есть мы не должны лгать друг другу.

Второй момент, тот, о котором мы уже с Вами сказали, если что-то происходит, у общества должно быть право высказать свое недовольство. Но при этом должна быть мудрость определенная. Вот если бы демонстрации, предшествовавшие революции 1917 года, закончились выражением мирных протестов и за ними не последовала бы кровавая революция и братоубийственная война, то сегодня Россия имела бы больше 300 миллионов населения и либо была такой, как Соединенные Штаты, по уровню экономического развития, либо даже превысила эту страну. Мы не сумели. Мы не сумели тогда сохранить балансы и сохранить мудрость. Мы разрушили свою страну. А почему это произошло? А потому что, в общем-то, справедливые протесты людей очень ловко используются теми политическими силами, которые стремятся к власти. А радикальная смена власти – это всегда смена элит. Помните замечательные призывы наших демократов в конце советской эпохи: нужно разрушить номенклатуру; нужно отказаться от всех тех людей, которые ездят на черных «Волгах».

– Ну, конечно, шторы снять.

Патриарх Кирилл:

– Шторы снять. Вы помните? Ведь под этот лозунг тысячи выходили. Что произошло? Взяли власть и с черных «Волг» переселил на черные «Мерседесы».

– Поставили мигалки.

Патриарх Кирилл:

– И поставили мигалки. И разделили ресурсы страны. Я не оправдываю то, что было. Но я просто говорю о том, как легко соблазнить человека. То же самое ведь было в связи с революцией 1917 года. «Грабь награбленное!». И ведь пошли врывать в квартиры, разрушать

эти усадьбы. Спалили страну! А где это награбленное? Новая элита кое-что получила. А народ разве стал жить лучше? Вот задача заключается в том, чтобы протесты, правильным образом выраженные, приводили к коррекции политического курса. Вот это самое главное. Если власть остается нечувствительной к выражению протестов, это очень плохой признак. Признак неспособности власти к самонастройке. Власть должна настраиваться, в том числе и воспринимая сигналы извне.

Я никого не хочу учить, я просто хочу сказать, как я сам работаю. Я постоянно стараюсь слышать эти сигналы. И через Интернет, через переписку. И происходит постоянная, если вы могли заметить, самонастройка церковного аппарата. Может быть, недостаточная. Я отдаю себе отчет в том, что мы очень далеки от совершенства. Но вот эта обратная связь в церкви существует. Но она еще и существует потому, что священники исповедуют людей.

- А Вы читаете Интернет?

Патриарх Кирилл:

- Я, к сожалению, имею возможность очень мало сидеть у компьютера, но мои коллеги дают мне исчерпывающую информацию о том, что происходит в интернет-сообществе. А когда есть какая-то свободная минута, я смотрю. Я смотрю. Не могу сказать, что меня радует всё то, что я там вижу.

Мы должны учиться. Как церковь сейчас учится, так и власть должна сейчас учиться – воспринимать сигналы извне. И корректировать курс. Помню, замечательная вышла книга, не могу сейчас навскидку назвать имя, это был один известный американский экономист, который в начале 70-х годов, когда начался первый энергетический кризис, написал книгу «Корректива курса». Потому что мировая экономика больше не могла развиваться в тех условиях, которые сложились к середине, к началу 70-х годов. И я прочитал эту книгу. И вот первая мысль, которая мне тогда пришла в голову: как важно научиться корректировать курс. Корректурa курса.

Поэтому вот это главное послание власти и главное послание людям. Нужно уметь выражать свое несогласие, не нужно поддаваться на провокации и разрушать страну. Мы полностью исчерпали лимит разделений. У нас нету права больше на разделение. И власть должна через диалог и слушание общества корректировать курс. И вот тогда у нас все будет хорошо. Потому что ведь есть умные люди, образованные, достаточно энергичные, которые способны, я думаю, совместно работая и опираясь на широкую поддержку людей, правильно определять развитие страны и содействовать процветанию нашего общества. У меня вот такое глубокое убеждение. Я очень хотел бы это убеждение передать всем тем, кто нас сегодня видит и слышит.

- Мы все прекрасно помним, что еще в 2008-м Вы принимали участие в масштабном проекте «Имя Россия». И во многом благодаря именно Вам тогда на первое место вышел благоверный князь Александр Невский. С точки зрения дня сегодняшнего, того накала страстей, которые кипят порой на наших улицах, как Вы полагаете, какой сегодня нужен России лидер?

Патриарх Кирилл:

– Когда закончился весь этот раунд по выявлению героя, который стал «Именем России», то в одной из своих передач Никита Сергеевич Михалков, который защищал Столыпина и который, несомненно, был расстроен тем, что не Столыпин стал «Именем России», замечательно подвел результат всей дискуссии. Он говорит: «Я так еще раз подумал и пришел к выводу: если бы Александр Невский был президентом, он непременно взял бы Столыпина премьер-министром». Вот я ничего не хочу говорить, но мне кажется, что идеальные черты этих двух замечательных исторических персонажей должны бы быть примером в том числе и для власть имущих. Нужно ориентироваться на самую высокую планку. На ту, которая канонизирована в сознании нашего народа. Или которая глубоко почитается всем обществом.

А, собственно говоря, в чем должна проявляться в приоритетном плане власть высших должностных лиц? Ведь приоритеты в работе всегда связаны опять-таки со шкалой ценностей. Вот я думаю, что невероятно важным качеством, которое во многом будет определять и приоритет повестки дня, является чувство ответственности человек перед Богом. Если это верующий лидер, он ни на минуту не должен забывать о своей личной ответственности перед Богом. Это Бог его привел к власти – через людей, через какие-то механизмы. Но Бог допустил, что тот или иной человек воспринял эту великую ответственность. И Бог с него будет спрашивать не только за его личные грехи и прегрешения, но и за все то, что он сделал или не сделал для жизни народа.

Ну и, конечно, ответственность перед людьми. И вот здесь я бы хотел сказать о том, что является для России всегда самым, пожалуй, важным. Это чувство справедливости. Когда-то, обращаясь к такому международному сообществу, я сказал, что у каждой великой страны есть некий лозунг, с которым она могла бы обратиться к миру, а иногда и обращается к миру. Ну, например, лозунг Америки – демократия. И во имя этой демократии мы знаем, что происходит во всем мире. А какой бы мог быть лозунг России? Только один – мир и справедливость. Потому что для нашего человека справедливость – это невероятное важное измерение качества человеческой жизни. Вот если нарушается система справедливости в обществе, система начинает расшатываться.

Почему это происходит? Я глубоко убежден, от наших религиозных корней. Хотя нам сейчас некоторые и внушают, современное российское общество более индивидуалистично, чем любое другое. Это не так. От наших религиозных и культурных корней происходит это обостренное чувство справедливости. И каждый правитель должен это иметь в виду. Политическая программа партии, если эта партия имеет власть, должна это иметь в виду. Но что самое главное – практическая политика должна быть направлена на это.

– Ну так чего же не хватает?

Патриарх Кирилл:

– Не хватает многого. Позвольте, вам приведу один пример. Как-то недавно я включил телевизор, и по какому-то каналу, не помню уже, по какому, шел советский фильм. И там сцена в магазине. Покупатель и продавец. Продавец хамит, покупатель – несчастный человек сто-

ит. И вдруг меня осенило. А что это за картинка с философской точки зрения? Да ведь это отношения власти и безвластного. Кто в этой картинке имеет власть? Продавщица. Потому что власть – это способность свое навязать другому. Повлиять на человека так, чтобы осуществить свои умонастроения, свое целеполагание. Вот в этом, собственно говоря, власть-то и заключается. Когда воля одного господствует над волей другого. Или направляет волю другого. В советское время у нас власть имели продавщицы, завскладов или товаровед, как говорил классик сатиры, проводники в поездах, в ЖЭКах. Везде была власть. Что с системой произошло? Рухнула. Конечно, не из-за того только, что были продавцы у нас злые. Но потому что соприкосновение с властью вызывало у людей отторжение.

Что сейчас происходит? У нас что, с президентом народ общается, с министрами? У нас общаются с милиционерами, с управляющими компаниями ЖКХ. Те же самые ЖЭКи и ДЕЗы. У нас, к счастью, свободная экономика, кажется, более или менее решила проблему продавщиц. Но ведь опять у нас простого человека кошмарит вот этот уровень власти. Я использую это слово «кошмарить» не потому, что это слово из моего лексикона, а потому что это слово сейчас широко распространено, и люди понимают, о чем речь идет. Не нужно никаких определений. Вот если мы с этим кошмаром справимся на бытовом уровне, на уровне местных властей в первую очередь и, конечно, на уровне коррупции на более высоком уровне, ну тогда будет снята тема отношений человека и власти.

Я не могу давать социальных и политических рецептов, как с этим справиться. Хотя какие-то мысли у меня есть, как и у любого гражданина. Но как пастырь я скажу, что ничего у нас хорошего не будет, пока мы действительно не изменим свое умонастроение, пока у нас не будет другое сердце. Пока мы не научимся уважать и любить друг друга. Но вот эти слова церкви, они повисают в воздухе, хотя мы стараемся говорить громко, но не все нас слышат. Но это действительно основополагающие принципы устройства человеческой жизни. Почему? Да потому что Бог так захотел. Не мы с вами, не правители, не парламенты, – Бог захотел, чтобы человек был счастлив при соблюдении определенных условий общежития. Вот давайте соблюдать эти условия в меру наших сил. Мир преобразится так быстро, что мы даже и глазом моргнуть не успеем.

– Ведь действительно коррупция и взяточничество, которые пропитывают и понижают буквально все, это одна из самых острых и, пожалуй, опасных проблем нашего общества. Часто человек, который не хочет давать взятку или не хочет брать взятку, выглядит просто белой вороной. И вообще, он может ли противостоять в одиночку этой коррупции?

Патриарх Кирилл:

– Не только может – должен. Но не в одиночку, а вместе с другими. Вот для этого мы сегодня и, опять использую современное слово, переформатируем характер православного прихода. Из советской эпохи у нас, к сожалению, из приходской жизни ушла социальная работа, образовательная работа, культурная работа. Просто приход перестал быть общиной. Какая община, когда в храм ходить было опасно? Это вошло в плоть и в кровь людей. Люди в церковь приходят как в магазин – свечку купить, записочку написать, помолиться и уйти. Вот сегодня употребляются огромные усилия, чтобы приход стал общиной. Чтобы вот такие люди,

вставшие на путь твердого противостояния злу, могли найти в приходе своих единомышленников. Чтобы они могли вовлекать в это церковь, задача которой заключается в том, чтобы печаловаться, то есть бороться за права обижаемых людей. Приход может и должен стать вот этими очагами, опорными точками нравственного преобразования нашего общества.

Но для этого я обращаюсь ко всей нашей православной интеллигенции: пожалуйста, в воскресенье не спите слишком долго, приходите в храм. Приходите в храм для того, чтобы помолиться, для того, чтобы пообщаться друг с другом. Если в храме все заканчивается после литургии, обратитесь к настоятелю и скажите: а мы хотим посидеть, чаю попить. Он обязательно организует. Мы должны иметь действительно систему социальной солидарности. И когда все это связано с духовной жизнью, с высокими нравственными и жизненными принципами, когда все это оплодотворяется молитвой, тогда у человека появляется реальная способность и возможность сопротивляться злу и в личной, и в общественной жизни.

Кстати, когда накануне революции церковь и государство задумались о том, что нужно как-то реформировать общественную жизнь, то тогдашний премьер-министр Витте, человек либеральных взглядов, как известно, предложил митрополиту Антонию Вадковскому, который был тогда Петербургским митрополитом и первенствующим членом Священного Синода, подумать о том, как можно использовать систему православных приходов для реформирования России. И написали, начали писать прекрасный устав церковный. Но охранительная часть власти в лице Победоносцева, известного обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода, узнал об этих попытках, доложил государю императору, и Витте запретили вместе с митрополитом разрабатывать проект вот такого реформирования общественной жизни, который предполагал, что не политические партии, не протестные группы, а приходы становятся очагами общественной и социальной активности в обществе. Для того, чтобы эта активность служила на благо людям и на благо Отечеству. Думаю, что если бы эти планы реализовались, никакой революции в 1917 году бы не произошло. Дай Бог нам сегодня всем вместе реализовать эти планы, и тогда мы будем застрахованы от революций.

– Вы сегодня довольно часто вспоминаете и 1917 год, и предреволюционный период. С учетом накала страстей, сегодняшний день к какому периоду времени Вы бы могли отнести?

Патриарх Кирилл:

– Конечно, по накалу страстей это нельзя сравнить ни с предреволюционными месяцами и годами, предшествовавшими революции 1917 года, ни с тем, что происходило на излете перестройки, последнее многие из нас помнят хорошо. Но иногда из малого вырастает большое. И поэтому сегодня мое особое слово к нашему народу. Помнить, что мы исчерпали лимит конфронтации. Что мы исчерпали всякую возможность осуществлять революционную перестройку жизни нашего общества. Наш путь – это спокойное эволюционное развитие, в том числе через реальный диалог с властью, в том числе, когда необходимо, через внешнее выражение своего протеста. Но таким образом, чтобы не сотрясались основы государственной жизни, чтобы не останавливалась экономика, чтобы не разрушалась культура, искусство, образование, спорт, наука, все то, что мы разрушили в 90-е. А еще к этому армию давайте добавим.

Вот мы должны помнить, что у нас нету больше такого права. Но это не значит, что мы должны стагнировать. Мы должны развиваться, в том числе и через диалог, через столкновение мнений, через интеллектуальную борьбу, через взаимное убеждение. И я полагаю, что это достаточно сильные средства, особенно в наш просвещенный век, в век Интернета, для того, чтобы реально менять жизнь страны к лучшему.

– Церковь сегодня достаточно активно и быстро входит в жизнь простого человека. И, как я понимаю, болезни общества с этим тоже связаны. Из зримых проявлений – это быстровозводимые храмы, это возникновение новых епархий, рукоположение епископов, священников. Но как Вы полагаете, это все-таки естественное стремление расширить свое влияние или как-то изменить моральный климат общества?

Патриарх Кирилл:

– Да, конечно, изменить моральный климат общества. Вот нам иногда говорят: ну вот церковь стала свободной, а почему количество абортот не уменьшается? А почему количество разводов не уменьшается? Почему по этим показателям мы впереди планеты всей?

– Впереди Европы. На первом месте.

Патриарх Кирилл:

– Да, совершенно верно. Россия, Белоруссия, Украина, Молдова – четыре страны возглавляют этот печальный список. Это происходит потому, что люди, даже сохраняющие религиозные чувства, в обычной жизни часто никак к своему религиозному чувству не обращаются с тем, чтобы получить опору, поддержку, в том числе и в сфере мотивации своих поступков. А вот теперь вопрос. Начну с примера. Мог бы один политрук на 10 тысяч военнослужащих повлиять на моральное настроение армии? Риторический вопрос. Хотя в армии дисциплина. Направо, вперед, пошли в красный уголок, там можно проводить беседу. В среднем по России один приход приходится на 10 тысяч человек, так же, как и один священник. Можно с этого батюшки, который приходится на 10 тысяч крещеных людей, спрашивать улучшение статистики в сфере разводов, абортот, наркомании, алкоголизма? Это хорошо, что такая средняя цифра – за счет провинции. А в городе Москве почти на 40 тысяч. А в некоторых районах – на 100 тысяч. Мы живем в безбожном городе. Центр у нас имеет вот эти прекрасные старинные храмы, а новостройки – вообще никаких религиозных символов.

Вот почему сегодня увеличение количества храмов – это не попытка, как некоторые критики говорят, собирать больше денег, и не попытка осуществлять какую-то клерикализацию общества и клерикально влиять на политику. Из того, что я сказал, вы видите, нету такого стремления и желания – вообще влиять на политику. Есть только стремление и желание нести нравственный посыл обществу, в том числе и в адрес власти. А вот что необходимо? Необходимо для того, чтобы приходы действительно становились общинами, действительно становились центрами социальной, духовной, культурной активности людей? Центрами, где бы оттачивалась солидарность, взаимная поддержка людей? Но для этого община должна

быть ограничена разумным количеством людей. Вот поэтому мы и пошли по пути создания новых храмов.

Лозунг такой: «Архиерей и священник должны быть ближе к народу!» А как это сделать, если один храм на 10 тысяч? Ну не будет же архиерей по улицей ходить вместе с батюшками и, подобно некоторым сектантам заезжим, предлагать свои религиозные услуги. В первую очередь нужно увеличить количество приходов и количество священников. Для того, чтобы это произошло, нужно иметь больше епархий. Проехав по Сибири и по Дальнему Востоку, я, вы знаете, был поражен, как мало приходов, как мало священников. На сотни километров.

– В Сибири особенно.

Патриарх Кирилл:

– В Сибири особенно. 127 приходов на Красноярский край. А Красноярский край – это половина Европы. Поэтому необходимо было сделать, ответить на эту реальную потребность в рамках, опять-таки скажу нецерковным языком, макроадминистративной системы. Нужно было сверху создать систему, которая бы помогла достичь той цели, к которой мы стремимся. Чтобы больше людей могло посещать храм и менять свою душу, воспитывать свое сознание, очищать свое сердце. А в условиях современной жизни вообще очищение человека от греха является непременным условием здоровья, подобно тому, как человек, который в шахте работает, он, покидая шахту, должен помыться. Вот современный человек, даже работая с информацией, соприкасается с такой грязью, что ему время от времени нужно помыться. Нужно почувствовать покой, мир душевный, подумать о вечном. И вот храм и приход дают такую возможность.

– Наверное, состояние общества зависит и от того, как чувствует себя отдельно взятая семья. И Вы уже затронули тему большого количества разводов. Действительно, печальная картина. В православии о семье говорят как о малой церкви. Другие скажут, что это ячейка общества. Но возможно, что в эти минуты, когда мы с вами говорим, решается чья-то судьба. Кто-то стоит на пороге разрыва. Что Вы как пастырь и как Предстоятель можете сказать тем людям, которые сейчас, в эти минуты решают, быть или не быть вместе?

Патриарх Кирилл:

– Кризис семьи – это кризис любви. А без любви человек жить не может. Когда мы разрушаем семью, мы разрушаем любовь. Любовь и удовольствие – это не синонимы. Очень часто нам что-то не нравится в семейной жизни, что-то становится некомфортным, как говорят опять-таки современные люди, и, устремляясь к достижению какого-то комфорта, благополучия, мы идем через то, чтобы разрушить свою собственную семью. Этого делать нельзя. Это очень трудно понять современному человеку, но Бог этого не пожелал. Некоторые скажут: а что же делать, если любовь прошла? Любовь проходит в том случае, когда сами люди любовь разрушают. Но если эти радостные, сердечные отношения, которыми овеваны первые годы совместной жизни, оба – и муж, и жена – пестуют, поддерживают, лелеют, охраняют, то

это чувство сохраняется до гроба. Но если начинается взаимный обман, параллельная жизнь, то все разрушается. Путь разрушения семьи – это не путь к человеческому счастью.

Конечно, бывают исключения, и я не хочу говорить, что в ста процентах случаев. Есть исключения. Не будем сейчас о них говорить. Потому что в таком случае каждый скажет: я и есть исключение. Будем говорить о том, что нужно сохранять семью, потому что это крепость, это дом, это место, где рядом с тобой родные люди, близкие, способные быть и в радости, и в горе. А для того, чтобы было так, нужно все время возрастать в любви. А в любви невозможно возрастать без самоотдачи друг другу. Я об этом часто говорю. В каком-то смысле любовь всегда должна сопровождаться способностью пожертвовать собой ради другого человека. И, если это происходит, если один научился жертвовать ради другого и другой или другая ему отвечает, то люди возрастают в любви. И вот тогда ни о каких разводах и речи не идет. Я очень желал бы нашим соотечественникам научиться хранить любовь с первого дня совместной жизни. С тем, чтобы как можно меньше наших семей стояло перед этой страшной проблемой – разделения, особенно тогда, когда существуют дети и когда от этого страдают не только муж и жена, но и несчастные детишки.

– Что касается единства веры и Русской Православной Церкви, в самом начале своего патриаршества Вы говорили о необходимости сохранять единство Русской Православной Церкви. И ни государства, ни границы, ни политики не могут разделять эту церковь. Речь, конечно же, идет о нашем духовном понимании такого пространства как Святая Русь. Вы много ездили в этом году и были на Украине. Как обстоят дела сейчас? Есть ли угроза нашему единству?

Патриарх Кирилл:

– До сих пор, к сожалению, на Украине существуют раскольнические группировки. И церковь наша старается делать все для того, чтобы раскол был преодолен. И сейчас мы молимся и постоянно обращаемся к нашим братьям, чтобы, употребляя, конечно, с обеих сторон необходимые усилия, преодолеть это разделение. Но разделение на Украине ведь продиктовано не религиозными соображениями. Это некая историософия определенной части украинского общества, которая крепко замешана была в том числе и на протестных настроениях позднесоветского и постсоветского периода. И желание разделить церковь в соответствии с национальными границами – это тоже некое последствие вот этих политических потрясений.

Но ведь что происходит вообще в истории человеческого рода? Границы постоянно меняются. Есть периоды создания империй, периоды распадов, потом периоды новых интеграционных процессов. Так что, церковь так должна идти постоянно в хвосте этих событий и постоянно менять себя и свои границы, всю свою систему в соответствии с тем, что происходит на политической карте, например, в Европе? Очень поучительно посмотреть на европейскую карту, допустим, XVIII века, XVII века и XXI века. Но что было бы с церквами и с церковью, допустим, католической, если бы происходило разделение по всем этим границам? Вот то же самое и в нашей части мира. Поэтому церковь не идет вслед за политическими переменами, вслед за переменами границ. Но этот требует от церкви очень большой открытости, преодоления всякого узко понимаемого национального начала. И, с одной стороны, цер-

ковь должна поддерживать национальную культуру и национальное самосознание людей, с другой стороны, она должна делать всегда это все в контексте христианского универсализма. Только тогда мы избежим национализма – грубого, радикального и жесткого, и только тогда церковь может быть матерью для всех. Когда человек любой национальности видит в церковном послании этот христианский универсализм. Вот это и есть построение церковной жизни в соответствии со священной традицией, которая присутствует в христианстве. И русская церковь остается верна этой традиции. И мы будем делать все для того, чтобы никакие местные, местечковые, сиюминутные, политические, националистические и прочие предпосылки и идеи не раздирали единство церкви. Потому что разделение есть горе. Разделение есть минус. А единство – всегда плюс.

– Говоря о современности, я, конечно же, вспоминаю 2007 год, когда Вы в Киеве вышли на Крещатик и обратились к молодежи о том, что должна быть единая Святая Русь. Мы сегодня с вами разговариваем в таком месте, в Свято-Даниловом монастыре, который располагает к таким неспешным размышлениям. Но на самом деле человек современный буквально сгибается под тяжестью той информации, которая на него обрушивается ежеминутно. Иногда он даже захлебывается в том объеме информации. Скажите, можно ли человеку современному сохранить себя в этом бурном, иногда не самом чистом потоке информации?

Патриарх Кирилл:

– Можно и нужно. Я думаю, что очень важно иметь опять-таки вот эту систему ценностей каждому из нас. Льюис сказал замечательные слова: «Когда целишься в небо, попадаешь в землю. Когда целишься в землю, попадаешь в никуда». Вот если у человека остается всегда приоритет духовного, то даже поглощенный современным информационным потоком, он на ментальном уровне остается способным отсеивать этот информационный поток. У него есть некая матрица, на которую эта грязь не попадает, а если попадает – быстро отскакивает. Вот эта способность к самосохранению культурной идентичности, к сохранению религиозной своей идентичности, своего духовного самосознания является непременным условием выживания человека в современных условиях. Иначе вот этот информационный поток нас всех смывает, переформатирует, превратит в перекасти-поле. Это очень большая угроза для всей человеческой цивилизации.

Ну и кроме того, религиозная жизнь помогает человеку очень остаться самим собой. Вот мы говорили о храме. Наши мегаполисы с этой суетой, с этой навязчивой рекламой, с огромным количеством шумов, с огромным количеством стрессов. Человек входит в храм, где нету ни шумов, ни стрессов, тишина и покой. Просто несколько даже минут постоять, свечечку поставить, помолиться, как можешь. Просто подумать, просто остановиться. Это все имеет очень большое значение для понижения этого градуса кипения, этой температуры нашей повседневной жизни. Кто-то может сказать – это терапия. Да, потому что человек состоит из души и из тела. Все наши духовные проявления имеют свою физико-химическую основу. Это наш организм. Одно связано с другим. Душа не будет нуждаться в воздействии на нее физических факторов – зрительных, обоняния, осязания, вкуса и так далее, – когда

она покинет тело. Тело и душа нерасторжимы. И поэтому даже внешний покой, созерцание икон, музыки, это уже помогает человеку. Ну а если не только внешнее, но и внутреннее, если молитва и духовное сосредоточение, это действительно сила, которая способна удержать человека от многих стрессов современной жизни.

– Ну и, пожалуй, еще один вопрос, который я сегодня не могу не задать. Сегодня, в праздник Рождества Христова, с каким пожеланием Вы хотели бы обратиться к нашим зрителям и как пастырь, и как Предстоятель Русской Православной Церкви, да и просто как авторитетный человек, который действительно пользуется уважением в обществе?

Патриарх Кирилл:

– Ну, я уже многое сегодня сказал в надежде, что буду услышан теми, кто нас видит и слышит. А в заключение я бы хотел сказать следующее: храните веру в сердце. Умейте или старайтесь научиться подыматься над суетой нашей жизни. Обращаться к небу. Пред Богом задавать самому себе неудобные вопросы о том, как я мыслю, что и как говорю и как поступаю. Вот это и есть религиозная жизнь человека. И каждый на своем опыте почувствует, что осуществление этого пожелания принесет несомненно реальную пользу каждому. На этом основывается жизнь миллионов и миллионов людей, которым так дорого это духовное измерение, что они за него не отдадут никакие сокровища мира. Я бы очень хотел, чтобы как можно больше те, кто нас сегодня слышит, на своем опыте все это прочувствовали и поняли. И пусть Господь хранит наших телезрителей, страну нашу в предстоящем нам движении по историческому пути. И пусть 2012 год будет годом Божественной милости.

– Спасибо, Ваше Святейшество. И всего Вам самого доброго.

Патриарх Кирилл:

– Благодарю Вас.

Социальная философия

УДК [539.172+17.023.36(208)](045)

Природоантропосоциальный феномен ядерной энергии

© **Комлева** Елена Владимировна, научный сотрудник института философии и политологии Дортмундского технического университета (Германия). E-mail: elena.komleva@tu-dortmund.de.

Идентифицированы основные понятия. Выполнены пионерные для России комплексные исследования антропосоциальной компоненты феномена ядерной энергии. Феномена, без которого жизнь на Земле исключена. Исследования доведены до прагматично-

го образа SAMPO.

Ключевые слова: ядерная энергия, человек, социум, материальная и духовная культура.

Natural-anthropo-social phenomenon of nuclear energy

© **Komleva** Elena, the scientific research worker of the Institute of Philosophy and Political Science, Technical University of Dortmund (Germany). E-mail: elena.komleva@tu-dortmund.de.

Abstract

Identified the main concepts. Performed pioneering researchers for Russia, antropo-social complex components of the phenomenon of nuclear energy. Phenomenon without which, life on Earth is excluded. Researchers have brought to the pragmatic way of SAMPO.

Keywords: nuclear energy, man, society, material and spiritual culture.

*Вот мое предназначенье – сесть спокойно у воды
и свести в одно сеченье жизнь песчинки и звезды.
Привести к одной системе сердце солнца и свое.
И услышать, как в весенней роце иволга поет.
И увидеть, как бездонно небо, – не вмещает грудь!
Посолить краюшку хлеба, съесть ее и...
Снова в путь.*

Т. Полежаева
«Эхо полевых сезонов». Стихи. Архангельск

В ходе более чем десятилетних исследований на базе десяти российских и зарубежных университетов и институтов сформирована научно-прагматическая позиция, прочувствованы задачи и получены некоторые результаты. Полезно, несомненно, оконтурить понятийное пространство применительно к природным, антропным и социальным аспектам ядерной энергии, предложить рабочие версии главных понятий.

Феномен ядерной энергии. Облик феномена ядерной энергии (энергии управляемых и неуправляемых ядерных и термоядерных реакций) многообразен. Материально и принципиально он формируется как природными (известными и неизвестными человеку), так и антропогенными сущностями. В простом перечислении «первого приближения» – это звезды, космические излучения, часть тепла недр и естественная радиоактивность Земли, природные ядерные реакторы. А также ядерное оружие, ядерное сдерживание и нераспространение, гражданская ядерная энергетика, атомные военные и гражданские, подводные и надводные суда, наземные и подземные ядерные объекты различного назначения. Кроме того, это источники энергии длительного пользования для освоения космоса, научные приборы и средства технологического контроля и воздействия в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, радиоактивные отходы со сроком хранения в сотни тысяч лет. Известные (и неизвестные как отдельная часть) природные и антропогенные ядерные сущности представляют, хотя и в разной степени, сферу интеллектуальных и практических интересов и действий людей, связаны «эфиром» людского внимания.

Антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии. Это все положительные и негативные, естественного и искусственного происхождения проявления и эффекты ядерной энергии в жизни людей, которыми ядерная энергия посредством различных систем символов так или иначе уже идентифицируется социумом в своем ментальном пространстве. Все наши задачи и проблемы, надежды и заботы, удачные или неудачные мысли и практические действия, с которыми она напрямую или косвенно связана. Все явления человечества, которые зависят от ядерной энергии. Все явления человечества, от которых зависит «бытие» ядерной энергии в контакте с человечеством. Все явления человечества, которые развиваются во взаимосвязи с феноменом ядерной энергии. Связи, зависимости и взаимодействия, в космологическом смысле бывшие большей частью по крайней мере по отношению к периоду существования живой материи, практически всегда, но особенно отныне, с возникновением ядерной техносферы, – вечные и важные составные части среды существования людей. И наша естественнонаучная и техническая, философская и религиозная, духовно-гуманитарная на основе других и разных видов социального знания рефлексия их, а также наше изменение их. Другими словами, антропосоциальная компонента ядерного феномена – это, соответственно материально-духовной дихотомии человека, комплексное материально-духовное бытие человека в условиях ядерной вселенной и ядерного социума.

Социоядерный антропный принцип – это требование таких рефлексии и действий, чтобы в будущем антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии формировалась в совокупном светско-религиозном «поле» лучшего духовно-гуманитарного и рукотворного наследия человечества, была адекватной ему и позитивно участвовала в генерировании новых пластов материальной и духовной культуры, чтобы «ядерный человек» был гуманным и позитивно «культурогенным». Другими словами, это требование оптимизации «параметров антропосоциоядерной вселенной» с позиций блага человека, посредством гуманизации и гуманитаризации интеллектуальной и практической деятельности в ядерной сфере.

Феномен ядерной энергии в прошлом, настоящем и будущем был, есть и будет чрезвычайно важным для людей. Ядерная энергия крепкими узами связана с человечеством. И

человечество ощутило себя единым и хрупким сущим впервые перед ядерной опасностью. Техногенные ядерное благо или ядерная опасность для человечества – большей частью все же от человека и социума. И то, и другое – «плоть от плоти» разума, души и рук человеческих. Это формирует обратную связь – влияние человека такого как есть и каким будет на возможные последствия ядерных явлений. Суперглобальному значению, негативным вызовам и позитивным возможностям ядерной энергии должны соответствовать адекватные по усилиям, комплексности и полноте, активности и постоянству подходы и действия при осмыслении, сдерживании или адаптации к реальным условиям человечества этих свойств феномена. А также серьезные вопросы о готовности людей к принятому разумом и сердцем сосуществованию с ядерной энергией сейчас и в будущем.

Ядерный феномен по праву стал предметом внимательнейшего изучения философии, политологии, экономики и экологии. Попал в поле зрения других наук, религии, духовного творчества и общечеловеческой культуры. И это пристальное внимание имеет перспективу существовать века. Двух немецких философов в контексте генеральной методологии можно считать ключевыми фигурами при обращении к теме. Это К. Ясперс и Э. Кассирер. Первый (в основном работой [1], см. также ее фрагментарный перевод и анализ в [2]) задавал мотивацию и путь к поиску антропосоциоядерных ракурсов, а также определению масштаба научной проблемы. Второй (серией работ о философии человеческой культуры и символических форм, которые подробно представлены в [3, 4]) «подсказывает» социокультурный характер и инструментарий познания на этом пути.

Существует тенденция в русле духовно-гуманитарного понимания глобальных проблем к восприятию амбивалентного феномена ядерной энергии во всей доступной на сегодня его полноте. Целесообразно усиление интегральной в содержательных смыслах общего познавательного опыта, поли- и междисциплинарной относительно наук о человеке и обществе и вненаучных знаний о человеке, системной и деятельностно-ориентированной совместной рефлексии человеческой цивилизации и ядерной энергии. Рефлексии, объединяющей их существование и взаимодействие в виде относительно внешних друг для друга объектов и то обстоятельство, что ядерное есть неотъемлемая часть феномена человечества.

Можно обозначить основные связи ядерной энергии с другими важными в судьбе человечества явлениями – бытийные контуры антропосоциальной компоненты ядерного феномена. На основе «логических цепочек», следуя известной общечеловеческой идее всеединства и единения в многообразии, различные грани которой интерпретированы многими философами, естествоиспытателями, писателями и политиками, предложен образ-схема связного множества антропосоциоядерных комбинаций, современных «окрестностей» ядерной энергии. Пространства ассоциативных связей, явных, случайных и смысловых совпадений или как бы совпадений, взаимоотношений, соотношений, сопряжений ее и других глобальных явлений. Как правило, в социальных аспектах взаимодействие в каждой «цепочке» двояко направленное. Образ «континуума» проявлений ядерной энергии и антропосоциальных совокупного феномена «окрестностей» и ядерной энергии способствует обобщению и объединению узкоспециализированных «ведомственных» подходов к рефлексии, переходу количества

в качество, скачку мысли к пониманию необходимости широкого и глубокого антропосоцио-ядерного «смотрения» и комплексно интегрированных действий.

Некоторые примеры «логических цепочек», характеризующих прямые или опосредованные связи, зависимости, взаимодействия, соотнесения, сопряжения между ядерной энергией (ЯЭ) и другими важными для человека и человечества явлениями:

- ЯЭ – материя, энергия, пространство, время – вселенная – мировоззрение в целом;
- ЯЭ – Солнце – естественные процессы в гео- и биосферах – жизнь на Земле;
- ЯЭ – эсхатологический потенциал – реальное «качество» человека и общества;
- ЯЭ – оружие массового поражения – знания массового поражения;
- ЯЭ – уран, торий, подземные объекты, ядерные отходы – геология, горное дело;
- ЯЭ – Фукусима – запуск и саморазвитие катастроф;
- ЯЭ – катастрофы на АЭС, АПЛ и предприятиях ядерных материалов – экология;
- ЯЭ – радиоактивные отходы – отходы жизнедеятельности в целом;
- ЯЭ – амбивалентность – информационные, био- и другие технологии – человек;
- ЯЭ – ядерные сообщества (NEA, FNCA) – международные экономические союзы;
- ЯЭ – ядерная деятельность – нефть и газ – экономические и политические приоритеты;
- ЯЭ – апологеты и оппоненты – образование и просвещение;
- ЯЭ – ядерная этика – культурные и религиозные традиции.

Данный список таких «цепочек» крупных мировоззренческих и приоритетных интеллектуально-прагматических проблем, тем, задач, действий и тому подобных граней социума, конечно же, лишь как частная выборка ограниченно отражает фактическое антропосоцио-ядерное пространство и открыт для продолжения. Здесь это, прежде всего, иллюстрация идеи о необходимости комплексного подхода к изучению феномена ядерной энергии в увязке с широким спектром научных тем, практических задач и рефлексивных, с помощью разнообразных символов и образов, возможностей человечества.

Намечены подходы к усилению Human Dimension, гуманистических и гуманитарных начал и мотиваций в антропосоциальной компоненте феномена ядерной энергии, позиций своеобразного антропного социоядерного, или антропосоциоядерного принципа. Плодотворно обращение к аналогу широко известного классического *антропного принципа*, значимого и непротиворечивого одновременно для важнейших социокультурных парадигм – естественнонаучной, философской и религиозной. Социоядерный антропный принцип усиливает перспективы синтеза единой светско-религиозной социоментальной (дополнительно к технологической) и совокупной прагматической платформы относительно ядерного феномена. Она ох как нужна сейчас, когда, например, после Фукусимы, как и после Чернобыля, вновь резко упадут «акции» ядерной энергетики.

Мною в разных публикациях (в частности, см. список далее) подробно показаны примеры некоторых фрагментов рассматриваемой антропосоциальной компоненты, их светские и религиозные, философские, экономические и историко-политологические аспекты. А также информационные, коммуникационные, ментальные и экологические модусы современного ядерного социума. И методологические пути, инструментарий их совместного осмысления,

известные из истории и оконтуренные для будущего. В ракурсе антропосоциоядерных вызовов и надежд, негатива и позитива обозначен рефлексивный потенциал мировоззренческих систем (философия, религия), наук о человеке и обществе, духовного творчества (искусство, литература, миф) и морально-нравственных традиций. Обозначен также потенциал в процессе информационно-аналитической социально-ядерной деятельности.

При этом в своих работах мне часто приходилось отталкиваться от антропосоциоядерного опыта Японии. Это довольно «накатанный» многочисленными исследователями путь (в основном применительно к ядерным ударам 1945 года), а также от опыта России и Японии. От потенциала связки в таком контексте не только конкретных исторических событий, но и духовно-гуманитарного наследия двух стран. Работы других авторов касательно такого тандема мне не известны, а самой вряд ли удалось сделать нечто большее, чем, надеюсь, обозначить контур «тропинки».

Вот лишь некоторые аспекты духовно-гуманитарных рассматриваний. Россия и Япония как основные «поставщики» исходных трагических фактов для философского и общегуманитарного осмысления ядерного феномена. Как страны, вместившие ЧерноХироФукуБыль. Особые социальные группы человечества – hibakusha и чернобыльцы, а теперь и ядерные камикадзе/самураи. Ядерные образы, в том числе художественной литературы (например, [5]). Хиросима – толчок к переоценке перспектив человечества и религиозных концепций (J. Garrison [6] и др). А. Куросава, который рассматривает значение атомной бомбы и гражданской ядерной энергетики в эсхатологических ракурсах ядерного разрушения Японии: через образы «Фуджи в красном», разноцветных радиоактивных облаков (аналогов мрачных облаков в аду), концентрических зон поражения вокруг эпицентра взрыва в Хиросиме (аналогов кругов ада по Данте).

В The Hiroshima Peace Institute, университетах, мемориальном комплексе и других учреждениях Хиросимы международные и междисциплинарные исследования направлены на интегрирование опыта Хиросимы и Нагасаки в стратегии глобального мира. О таком общечеловеческом потенциале Японии писали многие. В частности, еще R. J. Lifton [7] вскоре после второй мировой войны. Возможно, так распорядилась история, чтобы Япония в будущем имела право активно и в качестве лидера осмысливать социальные последствия применения ядерной энергии и побуждать к этому другие страны, другие народы разного вероисповедания. После Фукусимы значимость этой японской миссии несомненно усилится.

Может быть, если смотреть шире, России и Японии суждено совместно «выковать» хотя бы контуры морально-нравственных и политических ориентиров ядерной жизни, сверяясь, в том числе, и по Достоевскому? Создатели фильма «В Японию на поиски... России» (координатор К. Юка, студия Дальневосточного университета при поддержке МИД Японии) уверены, что Япония и Россия могут помочь друг другу в познании самих себя и мира.

В практическом плане ядерные связи двух стран также наличествовали. Назову лишь несколько примеров. Япония помогала утилизировать АПЛ Тихоокеанского флота РФ. Она получила право работать по урановым рудам в Якутии. Россия и Япония соучаствуют в проекте ИТЭР. Теперь страны по высшему уровню ядерных катастроф объединены Чернобылем и Фукусимой. Россия предложила Японии оборудование для очистки радиоактивной воды,

дозиметры и средства индивидуальной защиты людей. Однако, по факту, на Фукусиме при ликвидации известных последствий больше используют средства западного происхождения. Видимо, японские специалисты загодя, во время благополучия на своих АЭС, учли российскую практику по поводу сейсмических ограничений при выборе площадок для станций. Однако не полно вжились в логику и опыт ошибок и достижений первых, самых трудных недель работы чернобыльских ликвидаторов. Логика и опыт, которые неоднократно описаны [8]. Если бы чернобыльский трагический опыт был усвоен сполна, вряд ли бы, в частности, на Фукусиме так долго и настойчиво заливали водой разрушенные реакторные здания, что было неэффективно в смысле их охлаждения, но привело к значительному радиоактивному загрязнению прилегающих акватории и территории. Лишь более чем через месяц со дня катастрофы руководителями работ было объявлено о необходимости разработки (еще только разработки!) альтернативных охлаждению водой новых мер. При грозном призраке эскалации беды из-за дополнительных воздействий на «распотрошенные» активные зоны характерных для региона ливней и ураганов, повторных землетрясений и цунами. Кроме того, хотя Фукусима с первых дней стала не только трагедией Японии, но и общечеловеческой заботой, по всему миру многие специалисты-ядерщики, метеорологи, медики и экологи, включая российских, были обеспокоены недостаточными объемами профессиональных данных о ситуации, предоставляемых японской стороной.

Несколько штрихов к характеристике того, насколько открыты гуманитарным исследованиям японские ядерщики. На конференции с названием «Ядерные энергетические системы для будущих поколений и глобальной устойчивости GLOBAL 2005», проходившей в Японии при значительной доле японских участников, за узкие рамки специфических проблем вышел лишь мой доклад «Ядерная энергия: социально-гуманитарные аспекты». Это одно из отражений того факта, что в мировом ядерном энергетическом сообществе, как и в японском, разрабатывается идеология устойчивого энергетического развития на будущее. Но преимущественно отраслевая идеология развития естественных наук, техники и технологии.

Для налаживания интерактивных форм исследований и формирования сети партнеров мною (тогда в качестве сотрудника одного из институтов Университета объединенных наций, UNU) была опубликована в Интернете и разослана более чем по 90 адресам в Японии анкета с вопросами о роли и формах осмысления феномена ядерной энергии. Некая попытка «философской социологии». Реакция на анкету, надо сказать, была незначительной. Одна мурманская журналистка, отказавшись отвечать на вопросы, честно объяснила: «Тут же надо думать!» Из Японии поступило всего два отклика. Один из них очень примечателен. Высокого уровня сотрудник Nuclear Technology and Education Center of Japan Atomic Energy Research Institute писал, что долго сомневался, правильно ли будет, если примет участие в анкетировании. Он мотивировал свое желание ответить, прежде всего, уважением к бренду, который я представляла, и тем обстоятельством, что в силу своих профессиональных интересов имел потребность и опыт контактов с UNU. И оценивает пользу этих контактов весьма положительно. Кроме того, задумавшись над вопросами анкеты, в частности, по поводу антропо-социальной компоненты, он пришел к неожиданной для себя мысли. По его словам, удивив-

тельно, но почти ничего не известно о комплексном классифицированном предметном обсуждении ядерной энергии, за исключением вопросов, связанных с ядерной бомбой.

Для сравнения: в работе [9] сделан вывод, что ядерное сообщество Финляндии, Швеции и Норвегии в целом достаточно позитивно относится к генерируемым извне интересам к нему. В частности, на мою, как рядового сотрудника одного из северных университетов Финляндии, просьбу помочь при внешнем анализе особенностей их информационной деятельности откликнулись 100 % респондентов крупных ядерных фирм. Российские ядерщики, по факту, так же слабо открыты независимым гуманитарным исследованиям, как и, скорей всего, их японские коллеги.

Полезно осмысление антропосоциальной компоненты феномена ядерной энергии международными усилиями в поле образа SAMPO: в контексте смыслов региональных Scandianavian (or Slavic, Saida, Severodvinsk, Spitsbergen, Saamen, Syktyvkar, Solikamsk, Siberian, Streltsovsky, Selenge, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich, Sosny) Atomic Mission (the Proliferation's Oikumene) и общечеловеческого Special Anthropoc Mission (the Power (Prometheus) Obedience). Методология образа SAMPO соответствует духу инициативы Президента Российской Федерации (2006 год) по Глобальной ядерной инфраструктуре и разрабатываемой РАН и Росатомом [А. А. Саркисов. URL: http://www.fcr-radbez.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=355&Itemid=386] для Севера России идеологии интеграционного подхода к проблемам ядерных отходов. После Фукусимы обостряются споры по главному вопросу ядерных технологий – хранения выведенных из оборота гражданских и военных ядерных материалов, а также возможен возврат интереса к небольшим подземным АЭС. Методология учитывает явное стремление западных стран повысить контроль над легкодоступными углеводородами Ближнего Востока и Африки. Она может быть составной усиливающей частью региональных и общероссийских программ создания технологической платформы «Инфраструктура Арктики». В условиях, когда независимые оценки ([10, 11]; участники телепередачи «В фокусе» на канале РБК от 9.03.11 и 23.03.11) показывают отсутствие стабильной и позитивной тенденции относительно развития нефтегазового бизнеса в Арктике, а также на примере проектов «Сахалин-1, 2» [12] приводят к выводу, что надежды на привлекательность освоения шельфа и для экономики сопряженного региона не всегда сбываются.

Смысловое наполнение образа SAMPO начинают серьезно обсуждать. Одна из моих статей отражена в официальном библиографическом списке материалов к рассмотрению законопроекта Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии». Другая опубликована в материалах ярмарки инновационных проектов АТОМЭКО-2008. Думаю, продолжение обсуждений последует, так как, например, специалисты Кольского научного центра РАН предложили построить подземное ядерное хранилище в горле Кольского залива (Сайда-Губа – «подбрюшье» Североморска и Мурманска) [13]. Выпестовать своеобразный «аппендикс первого столетия» самого крупного города в Заполярье. Второй вариант такого объекта (Дальние Зеленцы) предлагается учеными «под боком» у будущей инфраструктуры Газпрома и полигона, где погиб «Курск». Необходимо напомнить, что в Японии (2011 год) внешних воздействий

с катастрофическими последствиями не выдержали не только реакторы, но и хранилища отработавшего ядерного топлива.

Ситуацию «подогревает» решение Б. Обамы вопреки действующему «Акту о политике в отношении ядерных отходов» через 22 года с начала строительства и после затрат в 9 миллиардов долларов прекратить реализацию проекта «путеводной звезды», прототипа многих подобного рода строек – национального хранилища высокоактивных материалов Yucca Mountain. Как и «постфукусимское цунами» решений о закрытии АЭС (например, в Германии), логическим продолжением которых следует считать меры по демонтажу станций с наработкой больших объемов дополнительных отходов, а также появившиеся раньше в условиях глобализации мировой экономики идея и проекты интернационализации последней стадии обращения с ядерными отходами, их надежной изоляции от биосферы.

Возникают конкретные вопросы «как?» и «где?». Особенно после вступления в силу (конец 2010 года) американо-российского Соглашения № 123, открывающего странам возможность «обмена» ядерными материалами. Возможно, логику ответа по одному из вариантов подскажет статья В. А. Перовского с красноречивым названием «Где взять радиоактивные отходы для Сайды?». Автор показывает многократную избыточность возводимых (при лоббировании уже Германией) в Сайда-Губе мощностей по переработке отходов, если ориентироваться только на поставки Северного и Ледокольного флотов [URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2838>].

Россия давно и активно стремится позитивно соответствовать новым возможностям в рамках концепции международных долговременных хранилищ подземного типа на своей территории. Хранилищ третьего (высшего) уровня, дополняющих систему хранилищ федеральных и региональных. Вариантами площадок размещения международных хранилищ, наиболее официально «продвинутыми», без нового комплексного анализа и дополнительных обоснований, традиционно для ядерной отрасли «состыкованными» с объектами наследия «холодной войны», являются пока площадки вблизи Красноярска, Челябинска и границы с Китаем и Монголией (Краснокаменск). При этом преобладает выбор площадок в зонах палеовулканов (как и в случае Yucca Mountain). А применительно к Краснокаменску интерес проявлен к эксплуатирующемуся и крупнейшему в России рудному полю на уран. Хотя доминирующие площадки уже «назначены», даже лояльный к ним анализ (ИГЕМ РАН) геологической ситуации на базе чрезвычайно слабой разведки закончился признанием, что Россия находится на начальной стадии программ реализации такой концепции и принимать решения о пригодности площадок преждевременно [14]. В Казахстане и Украине планируют подобные объекты на территории, соответственно, Семипалатинского полигона и Чернобыльской зоны.

Важно помнить, что военно-промышленные ядерные объекты СССР, к которым теперь в России «привязывают» международные подземные ядерные хранилища, размещались (прятались в глуши) примерно 60 лет назад в полной конфронтации с Западом вообще не по геологическим критериям, не считая урановые горно-обогатительные предприятия. Но и в этом случае первоначальные геологические задачи коренным образом отличались от таковых при обосновании места нахождения хранилища. Безопасность же хранилищ в течение тысяч лет детерминирована, прежде всего, качеством породных массивов (механическая устойчи-

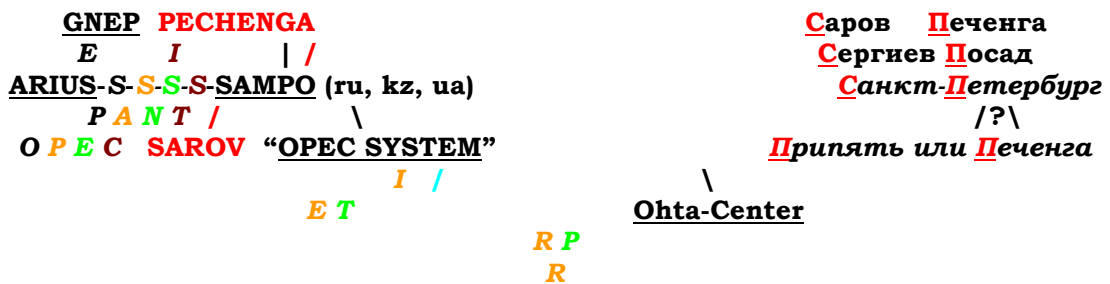
вость и способность изолировать радионуклиды), а также комплексом геологических, геофизических, гидрогеологических и геохимических условий их длительного существования. Да и социально-политическая обстановка «на дворе» совсем другая. Применять в новое время и для новой задачи прежний подход – ошибка. Поэтому первые (возможно, и ключевые) аргументы в этом вопросе должны быть за международной геологией, должны базироваться на результатах международных комплексных геологических проектов.

После уроков Фукусимы в стенах Национального ядерного университета МИФИ сформирован важный посыл: первоочередным считают ядерно-геологический симбиоз на международной основе. «Задача заключается в том, чтобы установить для площадки АЭС соответствие между уровнем природных рисков и объемом мер, необходимых для обеспечения должной степени безопасности. При этом такая оценка должна быть дана на основе единой общепризнанной методики (которую также еще предстоит создать) группой квалифицированных экспертов при обязательном соблюдении принципа интернациональности ее состава. В то же время упомянутая методика должна содержать критерии безусловной непригодности какой-либо площадки (или даже региона) для сооружения и эксплуатации атомной станции» [А. Б. Коддобский. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mirnyi-atom-posle-tsunami-15187>]. И еще: «Строительство АЭС не следует оставлять на усмотрение отдельных стран. Нужна какая-то глобализация, универсализация... Может быть, в некоторых случаях даже стоит задуматься о международных проектах» [URL: <http://www.voanews.com/russian/news/After-Fucusima-2011-03-30-118918714.html>. См. также: URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3016>].

Добавлю, что позиция интернационализации еще более актуальна при выборе площадки и создании ядерного хранилища. Например, японская катастрофа не прошла бесследно и для шведов. Известнейший проект шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, предусматривающий строительство подземного национального ядерного хранилища вблизи АЭС Оскарсхамн и разрабатываемый три десятилетия, приостановлен в марте 2011 года. Надзорная инстанция уже объявила о созыве международной экспертной комиссии, которая проверит, как именно будут утилизировать отходы под землей. Видимо, строительство подземного шведского хранилища может быть отложено на неопределенный срок [URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14939212,00.html>]. А проект SKB – мировой лидер в своей «нише» наряду с Yucca Mountain и финской разработкой – во многом сопряженной со шведской версией.

На Северо-Западе России проектировщики Росатома (Минатома) последовательно предлагали в качестве изолирующей геологической среды многолетнемерзлые известняки полигона Новой Земли и залежи солей Республики Коми. Кстати, в Ухте работает известный в радиоэкологии геолог В. А. Копейкин, имеющий серьезные наработки применительно к геохимическим барьерам защиты от распространения радионуклидов, возглавлявший несколько самых тяжелых лет Рабочую группу Мингео СССР в Чернобыле. Возможно, и это обстоятельство в череде других обусловило «дрейф» интереса Росатома от Новой Земли к геологическим структурам Коми. Альтернативой официальным площадкам Росатома Дальним Зеленцам и Сайда-Губе является Печенга.

Еще раз вспомним о геологических критериях выбора площадок. Несомненно, они существуют на национально-отраслевом уровне. Но что же это за такие бесчеловечные и удобные лишь для отдельных граждан критерии, которые позволяют проектировать ядерное хранилище на тысячи лет для условий потенциально-мирового болота Новой Земли или строить АЭС и хранилища (Фукусима и другие) в регионе проявления самых разрушительных сил природы? Скорей всего, наиболее разумными критериями являются шведско-финские. Необходимо в связи с SAMPO отметить доминирование принципа нераспространения ядерных материалов, преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров, но и международных энергетических проектов. На схеме: слева – взаимосвязи базового концепта SAMPO, справа – исключительно религиозный контекст с дополнением футурологических мотивов относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга:

Одним из авторов работ, способствовавших отмене на довольно высоких стадиях реализации некачественных, с научной точки зрения, но бывших приоритетных проектов подземных ядерных хранилищ Yucca Mountain и Новой Земли, является новосибирский геолог и спелеолог с украинскими «корнями» Ю. В. Дублянский [Juri Dublyansky. URL: <http://www.uibk.ac.at>]. Уникальная ситуация: его общая эрудиция и знания в сфере инженерной геологии и гидрогеологии, низкотемпературных гидротермальных процессов, изотопных исследований дважды значимо повлияли на формирование решений ведущих ядерных стран относительно места размещения природно-техногенных, с элементами самоорганизации, объектов, безопасно функционировать которые по нормативам должны не менее десяти тысяч лет. А косвенно – возможно ожидать отложенное влияние этих факторов и событий на общечеловеческое будущее ядерной проблематики. Он, кроме того, нелицеприятно охарактеризовал стиль собственных геологических обоснований таких объектов российскими и американскими ядерными ведомствами и финансирования ими независимых оценок. Нет пока, к сожалению, подобных Ю. В. Дублянскому по объективности, профессионализму и опыту работы с иностранными партнерами людей, которые проявили бы интерес к организации и выполнению на международной основе анализа жизнеспособности, замещающей вакуум после закрытия упомянутых проектов, гипотезы SAMPO (ru, kz, ua). Хотя бы ее естественнонаучной составляющей.

Следует сказать, что в породах Печенги, где возможна материализация одного из вариантов SAMPO (в виде подземной АЭС или хранилища), российскими и норвежскими геологами найдены окаменелые образцы древнейших, возрастом более 2 миллиардов лет, микро-

организмов (*Pechengia melezhiki*). Микроорганизмов, сформировавших на Земле важнейшие условия для будущей биологической эволюции (развитие на кислородной основе) вплоть до высших форм. Эти сохранившиеся до нас окаменелости возможно, видимо, считать признаком региональной геологической долговременной стабильности, столь необходимой ядерным объектам. Своеобразным талисманом-оберегом. А сочетание открытия *Pechengia melezhiki* с САМРО – символом трансформации и преемственности энергетики жизни.

С другой стороны, вулканологи [15] обосновывают наличие в глубинах Печенги позитивных для изоляции ядерных материалов процессов современного минералообразования. На «ядерный» потенциал этой структуры обращали внимание сотрудник ВНИПИЭТ В. А. Перовский, мурманские геологи-производственники (Н. И. Бичук, В. Г. Зайцев, Г. С. Мелихова и др.), специалисты Петербургского университета А. С. Сергеев и Р. В. Богданов, а также руководители Геологического института Кольского НЦ РАН (Ф. П. Митрофанов), Кольской сверхглубокой скважины (Д. М. Губерман) и Ярославской экспедиции сверхглубокого бурения «Недра» (Л. А. Певзнер), равно как и шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, МНТЦ и The UNESCO International Geological Correlation Programme [16–20]. Не добрые ли это знаки, учитывая, что, по преданиям, в свое время в «пещерах» «утеса из меди» Печенги было создано Сампо «Калевалы»? И не подсказка ли это к объединению на этой площадке усилий, и не только геологов? При «перезагрузке» на Печенгу финансирования от Yucsa Mountain, Новой Земли и других подобных проектов, не имеющих социокультурных оснований и не выдерживающих испытания временем. Чтобы надежно экранировать источник электроэнергии (в случае подземной АЭС) или (в случае хранилища) искусственные, комплексно насыщенные газами гидротермы, неизбежно возникающие в породах, в которых надолго размещены высокоэнергетичные материалы.

Любопытно еще одно «родство» – геополитическая симметричность по контуру размежевания России с соседями. Площадка «Печенга» расположена у северо-западной, площадка «Краснокаменск» – у юго-восточной границы РФ. С одной стороны, соответственно, потребности, как минимум, Европы, а с другой – Японии, Южной Кореи и Китая. Кроме того, не получилось порознь у США, СССР и Японии обойтись без национальных ядерных катастроф. Велик риск террористического инициирования таких катастроф для ряда стран Западной Европы, учитывая их воинственную политику в южных, богатых углеводородами регионах. Видимо, свершившиеся и потенциальные «неприятности» – еще один довод для объединения усилий и повышения эффективности надзора, что, например, имеет наибольшие предпосылки реализации при создании международных подземных ядерных хранилищ на стыке стран в труднодоступной для несанкционированных посещений местности. Присоединиться к идее создания таких хранилищ было бы полезно, например, Беларуси, Литве, Украине и Казахстану.

Применительно к антропосоцио-ядерной сфере изучено состояние дел в политических и научных институтах ООН. Выполнен анализ методологии исследований The United Nations University и The Hiroshima Peace Institute. Целесообразно рассматривать далее социальные и антропные аспекты ядерной энергии по сетевому принципу – в UNU (лидер-координатор) и других университетах единой «сети сетей». На духовно-гуманитарной, рационально-иррациональной методологической базе, отвечающей максимально полной реализации концепта и ракурсов суммарного знания о человеке и обществе, – с позиций принципов гражданского общества. Для содействия выработке адекватных задач развития человечества научных (гуманитарных и естественнонаучных), технических и политических рекомендаций в связи с необходимостью мониторинга ядерной и сопряженных с ней сфер цивилизации и ядерного общественного сознания, влияния на их эволюцию с целью сделать ядерный мир безопасным, долговечным и комфортным. Для успешного интеллектуального поиска и практического укоренения генерирующих оптимальное будущее антропосоциоядерных начал.

Основные публикации автора по теме:

1. Комлева Е. В. Ядерное человечество и Ф. М. Достоевский. URL: <http://rulit.org/read/860/>, <http://proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2373>.
2. Комлева Е. В. Человечество и ядерная энергия: попытка социокультурного осмысления. Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.) / М-во культуры РФ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств»; сост. Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул. Челябинск, 2010. С. 50–54.
3. Комлева Е. В. Антропосоциоядерный дискурс и духовное наследие Ф. М. Достоевского // Мәдениет жаршысы. – 2010. – № 5. – С. 27–31.
4. Комлева Е. В. Антропоцентричность ядерной энергии / Тезисы доклада. Конференция «Язык, культура, общество». М., 2009.
5. Комлева Е. В. Социоядерный антропный принцип и геоядерная прагматика // Минеральное сырье Урала. – 2008. – № 5. – С. 44–47; Экологический вестник России. – 2009. – № 1. – С. 39–42; Ядерное общество Казахстана. – 2008. – № 1 (12).
6. Комлева Е. В. Развитие ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы // Экологический вестник России. – 2008. – № 8, 9. – С. 41–47, 36–40.
7. Комлева Е. В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофизический журнал. – 2008. – № 2, Т. 30. – С. 3–31. Диплом за 1 место в Международном конкурсе по полярным исследова-

- ниям, посвященном Международному полярному году 2007/2008 г. (декабрь 2007 г., Санкт-Петербург).
8. Комлева Е. В. Ядерный Мурман // Национальные интересы. – 2007. – № 4 (51). – С. 55–59.
 9. Комлева Е. В. Цивилизация и ядерная энергия: их соосмысление в ООН для мира и управления устойчивым развитием // Философия науки. – 2007. – № 2 (33). – С. 3–45.
 10. Комлева Е. В. Ядерные отходы, газовые месторождения и безопасность Севера Европы // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. – 2007. – № 3. – С. 104–111.
 11. Комлева Е. В. Духовно-гуманитарное окормление ядерно-нефтегазовой России // Энергетическая политика Украины. – 2006. – № 1.
 12. Комлева Е. В. Ядерная энергия: о мере человечности // Вестник аналитики. – 2005. – № 2. – С. 68–85.
 13. Комлева Е. В. Ядерная энергия: социально-гуманитарные аспекты, международная конференция «Ядерно-энергетические системы для будущих поколений и глобальной стабильности GLOBAL 2005», 9–14 октября 2005 г. / Тезисы доклада. Цукуба, Япония, 2005.
 14. Комлева Е. В. Социально-философские проблемы развития ядерной техносферы в России // Философия науки. – 2004. – № 3 (22). – С. 121–134.
 15. Комлева Е. В. Ядерная энергия глазами гуманитария // Росэнергоатом. – 2004. – № 2. – С. 20–23.

Литература

1. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen: politisches Bewusstsein in unserer Zeit. Munchen, 1958. – 506 p.
2. Комлева Е. В. Ядерные проблемы социального сосуществования // Север промышленный. – 2009 (октябрь). – С. 40–43.
3. Комлева Е. В. Феномен ядерной энергии и пространство символических форм // Философия науки. – 2008. – № 3. – С. 77–114.
4. Комлева Е. В. Социоядерные начала или начала социоядерного бытия. URL: <http://www.dialog21.ru/biblio/komleva.htm>.
5. Treat J. W. Writing Ground Zero: Japanese Literature and the Atomic Bomb. Chicago&London, 1995. – 487 p.
6. Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London, 1982. – 238 p.
7. Lifton R. J. Death in life: the survivors of Hiroshima. London, 1967. – 594 p.
8. Комлев В. Н., Конухин В. П. Радионуклиды и минералы – сосуществование в природных и техногенных условиях. Апатиты, 1992. – 146 с.
9. Комлева Е. В. Информационная поддержка решений в радиоэкологии // Вопросы радиационной безопасности. Журнал ПО «Маяк». – 2001. – № 4. – С. 52–55.
10. Криворотов А. К. Северный шельф перед лицом глобальной нестабильности // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения-2010. Апатиты, 2010. С. 40–45.

11. Череповицын А. Е., Жуков А. М. Стратегический анализ возможностей и угроз освоения углеводородных ресурсов Западной Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения-2010. Апатиты, 2010. С. 61–69.
12. Штокман // Север промышленный. – 2011. – № 1. – С. 4–5.
13. Мельников Н. Н., Конухин В. П., Наумов В. А. и др. Научные и инженерные аспекты безопасного хранения и захоронения радиационно опасных материалов на Европейском Севере России. Апатиты, 2010. – 305 с.
14. Лаверов Н. П., Величкин В. И., Пэк А. А. Радиогеоэкологические проблемы начального и завершающего этапов ядерного топливного цикла // Безопасность окружающей среды. – 2010. – № 4. – С. 26–33.
15. Белоусов В. И., Рычагов С. Н., Комлев В. Н. и др. Печенгская глубинная и другие гидротермальные системы: новый взгляд на изоляцию ядерных материалов от биосферы // Уральский геологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 131–153.
16. Перовский В. А. О возможности приповерхностного хранения реакторных отсеков АПЛ, ВНИПИЭТ, 1995 / Нилсен Т., Кудрик И., Никитин А. Доклад объединения «Беллуна» «Северный флот. Потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона». 1996. С. 138.
17. Комлев В. Н., Бичук Н. И., Зайцев В. Г., Мелихова Г. С. О перспективности площадок северо-западной части Мурманской области для размещения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива / Тез. докладов конференции «Радиационная безопасность: радиоактивные отходы и экология». Санкт-Петербург, 1999. С. 24–25.
18. Сергеев А. С., Богданов Р. В., Комлев В. Н. Оценка геологических формаций северо-западного региона России как среды размещения подземного хранилища радиоактивных отходов / Тез. докладов конференции «Радиационная безопасность: радиоактивные отходы и экология». Санкт-Петербург, 1999. С. 88–89.
19. SKB&NEDRA Technical Report 92–39. 1992. – 116 p.
20. Project-408 in the framework of the UNESCO International Geological Correlation Programme.

Рецензент – А. А. Дрегалю,
доктор философских наук, профессор

УДК 1:316+316.62:616.09-008.441.1(1-922)(045)

Арктические социальные фобии

© **Лукин** Юрий Федорович, профессор, доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор института управления и регионологии СА-ФУ имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск). Автор 14 монографий: «Великий передел Арктики» (2010), «Новая Архангельская летопись» (2008), «Глобальный социум самоуправляемых общин» (2006) и др. Тел./факс: +7 (818-2) 68 34 47. E-mail: mba@pomorsu.ru, ylukin@atnet.ru.

Данная статья представляет собой первый опыт философского осмысления арктических фобий как социального явления. Фобии рассматриваются здесь не просто как навязчивые страхи или опасения отдельного человека, а как длительные

угрозы, тревожные ожидания социальных общностей и групп, имеющие отношение к арктической проблематике и требующие их концептуального анализа. Делается попытка определения социальных фобий, их классификации; содержательно исследуются мировоззрение Homo Sapiens и страхи современных россиян. Раскрываются полифобия арктической природной среды, арктические социально-культурные фобии, страхи перед HAARP, изменениями климата; русофобия с полярным перформансом.

Ключевые слова: социальные фобии, классификация, мировоззрение, городские страхи, арктические фобии, HAARP, русофобия, полярный перформанс.

Arctic social fears

© **Lukin** Yrii, professor, Doctor of Historical Sciences, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of Institute of Management and regional studies of NArFU named after M. V. Lomonosov, REC "Institute of the Arctic" (Arkhangelsk). The author of 12 monographies: "Great repartition of Arctic regions" (2010), "New Arkhangelsk annals" (2008), "Global society self-government of communities" (2006), etc. Tel./fax: +7 (818-2) 65 05 22. E-mail: mba@pomorsu.ru, ylukin@atnet.ru.

Abstract

This article presents the first experience of philosophical understanding of the Arctic phobias as a social phenomenon. Phobias are here considered not like as obsessive fears or apprehensions of the individual, as well as long-term threat, anxiety, expectations of social communities and groups related to Arctic issues and requiring their conceptual analysis. We try to make an attempt to identify social phobias, their classification of content studied philosophy Homo sapiens, and fears of modern Russians. It is opened polifobiya of the Arctic environment, Arctic social and cultural phobias, fears of HAARP, climatic changes, with the polar Russo phobia with Arctic performances.

Keywords: social fears, classifications, point of views, urban fears, arctic fears, HAARP, Russophobia, polar performance.

Социальные фобии можно считать одним из самых сильных и закрытых проявлений чувств людей в процессе человеческого существования после чувства любви и чувства собственности.

Полифобия «страны ледяного ужаса»

Уже в этимологии самого концепта «Арктика» заложен страх перед медведем, особенно белым медведем, как большим и сильным зверем, что не могло не найти отражения в общественном сознании. Концепт «Арктика» исторически и философски связан с созвездием Большой Медведицы. Греческое «arktikos» означает «северный», «arctos» – «медведь». Название «Арктика» этимологически происходит от греческого «ἄρκτος», что и переводится на русский как «медведь». Не случайно образ России на Западе ассоциируется с русским медведем.

Философское осмысление социальных фобий на материалах Арктики, во многом, и сегодня, в двадцать первом веке от рождения Христова, остающейся Terra Incognita (терра инкогнито) – неизведанной землей, мало известной и понятной в полной мере современному человеку, представляется актуальной и востребованной сегодня задачей. Хотя здесь точнее было бы говорить не о земле («терра») в прямом смысле, не о земной суше, а о большом водно-территориальном приполярном пространстве, Северном Ледовитом океане, значительное время в году покрытом льдом. Арктика как особый циркумполярный мир глобального социума включает морские водные пространства, северные моря и прибрежные земные материковые территории Аляски (США), Гренландии (Дания), Исландии, Канады, России, Норвегии, Финляндии, Швеции, заселенные людьми различных национальностей, их социально-этническими общностями. Этнокультурный ландшафт Арктики, отличаясь многообразием этносов и культур, всё же движется в направлении формирования единой мультициркумполярной цивилизации, мультикультурализма. Социальные арктические фобии, в основе которых лежит отражение в общественном сознании и общении между людьми единой суровой окружающей арктической среды, способствуют в какой-то степени формированию общей северной цивилизационной идентичности.

Основная цель философского подхода к арктической проблематике заключается в том, чтобы понять содержание духовно-интеллектуального, культурно-цивилизационного пространства Арктики с позиций человеческих ценностей, полярного духа, толерантности, социальных фобий, а не сводить все к экономике, утилитарно-индустриальному извлечению углеводородных ресурсов со дна северных морей. Научно-интеллектуального осмысления требуют такие понятия и процессы, как:

- особенности возникновения и эволюции социальных фобий в Арктике, включая её историческое, философское, геополитическое, геоэкономическое, социальное, геокультурное (духовно-интеллектуальное, креативное, духовно-цивилизационное) пространство в человеческом измерении;
- арктические (полярные, циркумполярные) фобии как предмет исследований, их классификация по источнику возникновения и содержания (социальные = природные + человеческие);

- русофобия как реакция зарубежных политиков, ученых, СМИ на российские научные достижения, проводимую арктическую политику, на всё «русское»;
- военно-политические арктические фобии России, США, Норвегии, Канады, Швеции, Финляндии, Дании, Исландии и других стран, их отражение в философии, политике, общественном мнении;
- изменения климата, экологические проблемы как источник устойчивых фобий населения не только циркумполярных государств, но и всего глобального социума;
- проблемы идентичности, мультикультурализма, социально-бытовые фобии, их отражение в обыденном сознании, ментальности «Nordman» как социокультурного типа человека.

Арктические социальные фобии в самом общем виде могут классифицироваться как *полифобия*, или наличие многих фобий (страхов). Всё неизведанное, непознанное арктической Terra Incognita вызывает у людей страх, перерастающий затем в социальные фобии. Освоение сурового, громадного арктического пространства всегда требовало личного мужества, человеческой солидарности и порядочности. Те путешественники, полярники, моряки, которые боялись за свою жизнь больше, чем другие, и совершали подленькие поступки на основе различных личностных фобий перед суровой природой Арктики, не пользовались уважением в своей социальной среде. История освоения Арктики полна человеческих трагедий, жестоких испытаний, выпавших на долю многочисленных полярных экспедиций в акватории северных морей. Отдельные из них стали широко известными и внесли свою лепту в формирование образа Арктики как малодоступного, сурового пространства, безжалостно уносящего жизни людей.

Арктика – это ярко выраженный регион «талассократии», власти воды, моря и льда, страна ледяного ужаса, как назвал её Ф Нансен. Применительно к Арктике представляется возможным исследовать ряд уже давно известных науке социальных фобий перед суровой природной средой. Арктическими можно считать *талассофобию* – страх моря, морских путешествий в Северном Ледовитом океане в сочетании с *аквафобией*, *гидрофобией* – страхом воды, плавания. Только на Севере может встречаться *аурафобия* – боязнь северного сияния, завораживающих многоцветных сполохов, охватывающих полнеба, от которых невозможно отвести взгляд. *Астрофобия* характеризуется боязнью звезд и звездного неба. Арктические просторы кажутся бесконечными, и они служат причиной проявления у людей *кенофобии* – боязни пустоты, открытых пространств.

К числу социальных фобий перед арктической средой также относятся *кионофобия* (хионофобия) – боязнь снега; *криофобия*, проявляющаяся в боязни холода и льда. В Арктике высоко ценится тепло жилища, убежища от стужи и морозов, низких температур. Страх перед холодом (криофобия) заставлял моих земляков думать прежде всего о сохранении тепла, строить деревянные, небольшие дома с маленькими оконцами, низкими потолками. Такой же минимализм характерен для любого чума, яранги, юрты, других типов северных жилищ. Вот почему несколько неожиданной показалась мне вначале инициатива Матвея Чупрова (Нарьян-Мар) ежегодно отмечать 28, 29 февраля День холода в Арктике. Затем в «Полярной антологии» мне встретилась надпись на одной из древнекорейских стел «Народ несет печать зи-

мы, она неизъяснима», скрытый смысл которой попытался понять православный священник и поэт Константин Кравцов, родившийся в Салехарде. И вслед за ним я могу повторить: «Слова эти кажутся мне неизъяснимыми, как неизъяснима печать зимы, которую несет народ» [1, с. 33].

Сверхзадача Дня холода сугубо прагматическая и заключается в привлечении внимания общественности, власти, бизнеса к основным проблемам Российской Арктики. Холод для нас – это естественная среда жизни, среда обитания всех живых существ в Арктике. Именно арктический холод является одной из главных основополагающих частей климата на нашей планете. Таким общедоступным и простым способом можно привлечь внимание жителей России к «настоящему чуду», которым является Арктика. Изучение и защита арктических регионов, северных морей, флоры и фауны Заполярья и, главное, уникального климата в этом регионе требуют всестороннего подхода. Холод – это то, что нас всех объединяет. Ведь в холод люди стремятся быть ближе друг к другу, чтобы согреться, дарить тепло. А в жару все, наоборот, стремятся в тень. Сегодня много говорят о борьбе с глобальным потеплением. Но надо не бороться с потеплением, а защищать холод, так считает Матвей Чупров (URL: <http://ria.ru>).

Суровый климат действительно сближает людей, делает более теплыми чем на юге человеческие отношения. На Юге ценится земля. На северах земли, тундры, тайги, воли, простора много, а людей мало, поэтому общение здесь становится подлинной человеческой роскошью и зимой и в любое другое время года. День холода в Арктике может способствовать такому позитивно конструктивному общению и развитию арктических коммуникаций.

5 ноября 2011 года в Нарьян-Маре состоялось народное голосование в поддержку Дня

холода. В этот день в центре Нарьян-Мара был установлен настоящий ненецкий чум, где и принимались доводы «за» и «против». Избирательную комиссию возглавлял Дед Мороз, членом избирательной комиссии был северный олень по кличке Гриша, а секретарем – Снегурочка. 80 % участников народного праздника проголосовали тогда за холод и 20 % за тепло.

Холод не всем нравится и это понятно и вполне объяснимо, оппозиция есть всегда и везде, во все времена и у всех народов. Голосование проходило открыто, честно и никаких нарушений замечено не было, как и последующих митингов в защиту оппозиционного тепла тех, кто не принимал участия в этом голосовании, но не приемлет холода в принципе.

Агентство «РИА-Новости» в Санкт-Петербурге провело 23 ноября 2011 года пресс-конференцию, посвященную Дню холода в Арктике. Все участники пресс-конференции единодушно поддержали идею праздника, и дискуссионным стал лишь вопрос о том, как этот праздник назвать – Днем холода, Днем Арктики, Днем народов Арктики или же Днем полярника. Отмечалось, что слово «холод» не самое удачное название, т. к. с холодом ассоциируется «холодная война», охлаждение людей друг к другу. Предполагается, что этот день будет привлекать внимание российской и мировой общественности к тем народам, которые живут

в Арктике, к проблемам, которые у них возникают, к вопросам экологии, образования в Арктическом регионе (URL: <http://narfu.ru/university/news/25580/>). Такую инициативу уже поддержали Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй» и объединение народа коми «Изватасъяс».

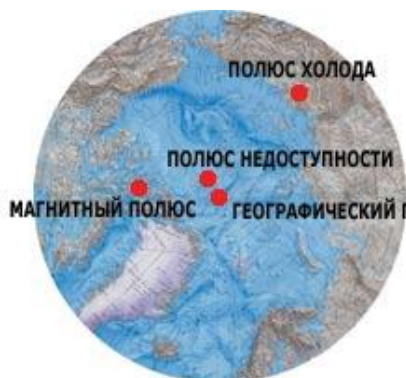
Редакция журнала «Арктика и Север» и вновь созданный центр “Arctic partnerships centre” также публично заявили о полной и безоговорочной поддержке инициативы Матвея Чупрова о проведении Дня холода в Арктике. Осуществляя информационное спонсорство над данным проектом, мы будем регулярно публиковать материалы на эту тему на нашем сайте и в журнале. День холода в Арктике будет отмечаться в САФУ имени М. В. Ломоносова 29 февраля 2012 года (URL: <http://narfu.ru/university/news/28887/>).

В Арктике вызывает страх не только холод. Арктический бассейн в любое время года покрыт дрейфующими ледяными полями. В результате неравномерного дрейфа льды местами разводит и образуются пространства открытой воды – разводья; в других местах, напротив, льды сжимает, и они, ломаясь, образуют хаотические нагромождения – торосы. В окраинных северных морях зимой плавучий лед примерзает к берегам неподвижным ледяным припаем. Летом припай разрушается и взламывается. Бывают годы, когда взломленные льды далеко отходят от берега, освобождая путь морским судам, а иногда они совсем не отходят или отходят недалеко, затрудняя мореплавание. Таким образом, почти вся акватория СЛО, целиком расположенная к северу от Полярного круга, большую часть года покрыта льдом. Благодаря своему географическому положению Северный Ледовитый океан получает гораздо меньше солнечной энергии, чем другие океаны, расположенные в более низких широтах. Следствием этого является настолько низкая температура его поверхностных вод, что весь океан круглый год почти полностью скован льдом, за небольшими исключениями.

Совсем не случайно поэтому норвежский полярный исследователь Фритъоф Нансен называл Арктику «страной ледяного ужаса». В 1893 году на своем небольшом корабле «Фрам» он вошел в паковые льды к северу от побережья Сибири, надеясь достичь Северного полюса вместе с дрейфующими льдами. Однако оказалось, что траектория этих льдов прошла в 480 км от полюса, и тогда Нансен покинул «Фрам» и направился к полюсу пешком. Он дошел до восьмьдесят шестого градуса четырнадцати минут северной широты и повернул назад. Корабль же, скованный льдами, дрейфовал три года. 21 июля 1893 года «Фрам» пришвартовался к обширной льдине приблизительно в 500 км к северо-западу от острова Котельный. Продрейфовав во льдах через весь Арктический бассейн, судно 19 августа 1896 года благополучно вышло на открытую воду недалеко от северо-западного берега Шпицбергена. Экспедиция выполнила широкий комплекс физико-географических наблюдений и установила, что в высоких широтах Арктики вопреки распространенному мнению расположено не мелкое море, а глубоководный океанический бассейн – глубокое Полярное море, как называл его Нансен. Экспедиция Нансена является примером мужественного преодоления опасностей и страхов перед арктической суровой ледяной реальностью.

В Арктике наблюдается много неожиданных для восприятия обычного человека природных явлений, процессов, вызывающих удивление, восторг, а нередко и страх перед их необъяснимой, на первый взгляд, сущностью. Важнейший признак Арктики – полярная ночь

и полярный день. В Мурманске – исходном пункте Северного морского пути – полярная ночь длится 40 суток, полярный день – 58; на мысе Челюскина – самой северной точке материка – продолжительность полярной ночи 107 суток, полярного дня – 123; на Северном полюсе полярная ночь и полярный день длятся приблизительно по полгода.

В общественном сознании укоренилось мнение, что в Арктике находится один Северный полюс. На самом деле в Арктике не один, а 4 полюса: первый – географический Северный полюс, второй полюс – магнитный. Третий полюс называется «полюсом недоступности», он лежит в центре ледяного массива, площадь которого достигает 3 млн кв. км. Четвертый полюс – «полюс холода», окруженный январской изотермой – 49° [URL:

http://www.arktika.ru/rule.phtml?menu=snip &pub=6&page=rule6_10.htm].

В Арктике можно наблюдать эффект «ледового неба», который образуется в результате отражения света, идущего от ледовой поверхности. Ориентируясь на «ледовое небо» можно выбрать путь в море, свободный ото льда, или избежать встречи с айсбергами. Самый большой айсберг был зафиксирован по длине 385, а по ширине – 111 км, что по площади равно половине Словении и трем Люксембургам. Однако всё же главная опасность, подстерегающая и современных мореплавателей, – боязнь попасть в ледовую ловушку, оказаться в тисках ледового сжатия и быть раздавленным могучей силой арктических льдов. Фобии ледового сжатия и другие страхи перед «ужасной» арктической природной средой сливаются в сознании людей в настоящую симфонию арктической полифобии, становятся массовыми, – всё это находит своё отражение в культуре, жизни социумов.

Несомненно, что какой-то части населения приарктических государств, как и любого другого региона глобального социума, присуща социофобия – боязнь общества, или людей вообще, трудно преодолимый внутренний страх перед любыми контактами с внешней социальной средой. Это – перманентная иррациональная боязнь исполнения каких-либо общественных действий, например, публичных выступлений либо действий, сопровождающихся даже непроизвольным вниманием со стороны посторонних лиц. Человек, подверженный социофобии, опасается пользоваться транспортом, местами общепита, общественным туалетом, ему трудно заниматься чем-либо при любом внешнем наблюдении со стороны. Насколько типичным является такое поведение для коренных народов циркумполярного мира? Какое значение имеет толерантность на бескрайних северных просторах, где так мало людей и так много земли, воды и неба? У меня нет готовых ответов на эти и другие вопросы, логически вытекающие из содержания исследуемой проблематики. Возникает необходимость разобраться с концептуальными основами социальных фобий, их типологией.

Концептуальные подходы, типология

Вероятность возникновения навязчивых страхов существует у многих людей, и поэтому фобии довольно распространенное явление в любом социуме. В США, где забота о душевном здоровье граждан превратилась в навязчивую идею, количество больных разными

фобиями оценивалось, например, в 50 миллионов человек. При этом, согласно статистике, только около 10 процентов случаев, о которых сообщают, становятся пожизненными фобиями [URL: http://www.bienhealth.com/articles/phobia_list/]. В России больных, может, и не меньше, но кто их считал? При национальной переписи населения подобных вопросов о наличии фобий у людей никто не задаёт и задавать не будет. Да и сами переписи в век информационно-коммуникационных технологий всё больше становятся анахронизмом, пережитком даже не прошлого, а позапрошлого столетия, когда не было научно-технических возможностей вести электронный реестр всего населения страны и постоянный учёт персональных данных любого человека. Аудит, оценка фобий затрудняется не только отсутствием достоверной статистики, но и главным образом потому, что многие человеческие страхи кажутся вполне оправданными и на них в обыденной жизни просто не обращают внимания. Разве не опасно летать на самолете в грозу или путешествовать по льду в полярную ночь в высоких широтах Арктики? Конечно, опасно. Эти и другие фобии становятся в общественном мнении как бы вполне естественным состоянием человека. Природные фобии – более открытый предмет для обсуждения с родными, коллегами, соседями, чего нельзя сказать о некоторых видах специфических социальных страхов, имеющих чаще всего интимный, приватный характер. К тому же никто особенно и не стремится рекламировать свои личные фобии, часто оставаясь наедине со своими внутренними переживаниями.

Концептуально фобия (от греч. *phobos*, *phobia* – страх, боязнь) понимается как возникающее у людей чувство непреодолимого навязчивого страха. Согласно определению американской психиатрической ассоциации, фобия – иррациональное и чрезмерное опасение какого-либо объекта или ситуации. Обычно такой ничем не мотивированный, иррациональный страх в Арктической зоне появляется как реакция на те или иные природные и общественные процессы, ситуации, факторы, явления, предметы. Часто фобия проявляется как ощущение опасности для самого человеческого бытия, для жизни человека. Арктическое пространство в этом отношении представляет вполне реальную угрозу. Признаки фобии могут появиться, когда человек даже просто философски размышляет о предмете своих страхов, анализируя те или иные стороны жизнедеятельности в суровых условиях Севера. Общие признаки, связанные с фобиями, включают не только медицинские показания (головкружение, одышка, тошнота), но и духовно-психологические ощущения нереальности происходящего, навязчивые философские мысленные образы. В некоторых случаях эти симптомы могут перерасти в тотальное состояние тревоги, ужаса, отчаяния, сформировать перманентные установки личности. Как следствие этих признаков, некоторые люди начинают социально изолироваться или проявлять повышенную гиперактивность, что, в свою очередь, приводит к серьезным трудностям в повседневной социальной жизни в условиях северных социумов.

Социальные арктические фобии представляют, по моему мнению, более или менее устойчивые страхи и опасения, проявляющиеся у личности (персоны), больших и малых социальных групп населения в процессе социальной жизнедеятельности во всех сферах общества в арктическом многоликом пространстве на протяжении какого-либо отрезка времени. Механизм сознательного регулирования социальных взаимоотношений основан на системе норм, критериев, стандартов поведения, контроля. Сбой социального механизма, отсутствие

и нарушение правил игры нередко ведут к возникновению не только индивидуальных и групповых фобий, но и различного рода конфликтных ситуаций и процессов. Социальные фобии можно считать одним из самых сильных и закрытых проявлений чувств людей в процессе человеческого существования после чувства любви и чувства собственности. Любовь, собственность и постоянный страх потерять всё это во многом определяют содержание бытия человека в современном мире, его экзистенциальные состояния, включающие и фобии (страх, ужас, жуть, депрессия, тоска и т. д.). При этом необходимо понимать, что между простым страхом и навязчивым существует различие, что необходимо какое-то время для трансформации одних модификаций страха в другие, для осознания своего состояния и его оценки другими людьми. При фобии сам человек, как правило, понимает, что его боязнь ничем не обусловлена и даже бессмысленна, но при этом не перестает бояться. Многие люди почему-то панически боятся арктического холода, полярной ночи, ледяных торосов, яркого света, полётов самолетом, открытого или закрытого пространства. Есть даже такой вид, как «фобофобия» – боязнь обзавестись какой-нибудь фобией. Такие навязчивые состояния врачи, психологи оценивают как психопатические отклонения. Но как оценивать подобные состояния, если они становятся отклонением не на уровне отдельной личности, а нормой поведения большой или малой социальной группы? Возможна ли оценка арктических социальных фобий в философии, социальных науках об обществе как девиантного поведения? Ответ на этот простой вопрос, видимо, требует аудита и оценки не просто содержания самих человеческих страхов, но, в первую очередь, анализа и прогноза негативных последствий, возможностей и угроз, а также масштабов проявления фобий на уровнях социальной общности, политических институтов, государства, международных организаций, предметно связанных с арктическим пространством.

Методологически фобии достаточно глубоко и всесторонне уже давно исследуются в психологии применительно к личности, к реагированию на социальные ситуации. При этом применяются не только психодиагностические технологии, но и методы других отраслей научного знания. Так, О. А. Сагалакова в своей диссертации использовала экспертный анализ специальных источников, психодиагностические методы (тест на определение личностной тревожности Спилбергера-Ханина, модифицированный тест социофобии М. Либовица, Томский опросник ригидности Г. В. Залевского, тест ММРП), опросник социофобии (ОСФ), метод фокус-групп, экспертный опрос, методы математической статистики (многомерное шкалирование и ранжирование, корреляционный и регрессионный анализ, кластерный анализ, факторный анализ, расчеты по Т-критерию Стьюдента), сбор и обработку данных [2, 2005].

Механизм исследования арктических фобий социальных групп основан на выявлении у них социально-значимых признаков, обладающих такими основными чертами, как взаимодействие, принадлежность, объединение совместных усилий, общность групповых ценностей и норм поведения, толерантность. Фобии не как состояние, поведение отдельного человека, а как хроническая боязнь социально значимых ситуаций находят выражение в политике, экономике, философии, социологии, социальной работе, в общественном мнении, коммуникациях. К достаточно распространенным групповым фобиям можно отнести, например, постоянные страхи перед возможностью возникновения мировой войны, всепланетарной

ядерной катастрофы, негативными последствиями глобального потепления, перед угрозой войны за природные ресурсы в Арктике или в другом регионе Земли, голодом, бедностью, международными финансово-экономическими кризисами.

Идентификация постоянных страхов, опасений социальных групп проводится путем составления более или менее строгой системы упорядоченного распределения, объединения фобий в классы по признакам их сходства и различия. Применяя системный подход можно классифицировать групповые арктические фобии по основным сферам жизнедеятельности социума: социальные, экономические, политические, культурные. В качестве подклассов можно выделить также религиозные, экологические, философские, арктические, космические, этнические, городские и другие группы человеческих фобий. Социальные фобии в *узком смысле* имеют отношение только к социальной сфере жизнедеятельности социума (услуги, образование, медицина, быт, уровень и качество жизни). В *широком смысле* более или менее постоянные навязчивые страхи людей можно исследовать, употребляя понятие «социальные фобии» применительно ко всему обществу в целом.

Социально-экономические, политические, культурные фобии проявляются содержательно как на уровне каждого из живущих в этом мире, так и на уровне общества, государства, арктического региона, часто в неявном, скрытом виде. В сфере экономики у многих людей проявляется постоянный страх перед утратой собственности, финансовыми потерями, угрозой кризиса, дефолта, инфляции, перед ростом цен, коррупцией; боязнь лишиться работы и стать нищим. Государство опасается финансово-экономических кризисов, дефолта, массовых забастовок и других акций протеста, снижения темпов экономического роста, качества жизни населения. Социальные фобии, страхи и опасения людей практически лежат в основе всех конфликтов. Ещё Ф. Бэкон (1561–1626) видел причины социальных конфликтов в бедственном материальном положении народа. Сколько в государстве разоренных, столько готовых мятежников. Ошибки в управлении, произвол государя также конфликтогенны и вызывают тревогу, опасения, постоянные страхи людей, протест и сопротивление.

Страх остаться за бортом жизни, как свидетельствует опрос, проведённый Eurobarometer, доминирует среди опасений жителей Северной Европы. Безработицы боятся 58 % шведов, 51 % финнов, 38 % датчан [3, 2010]. В 70–80-е годы XX века проблему занятости решали за счет развития общественного сектора, создания курсов переквалификации, досрочного отправления на пенсию ветеранов и вливания денег в кризисные отрасли. Безработица считалась главным врагом общества, и государства боролись с ней, как могли. В настоящее время ситуация изменилась, снижение уровня социальной защищенности в условиях финансового кризиса в Европе ведёт к нарастанию страхов среди населения, социально-экономические фобии стали проявляться у значительной части населения.

Политические фобии находят своё выражение в навязчивых опасениях политиков утратить власть, в пессимистических ожиданиях общества о возможности возникновения войны за арктические ресурсы, в страхе государства потерять свою территорию, утратить государственный суверенитет. Власть всегда сопряжена с самыми различными опасениями населения, с использованием механизмов формирования страха через законы, их исполнение, силовые структуры, санкции. Измерить уровень страхов общества можно, применяя апроби-

рованные методы социологических исследований, анализа, различные математические и статистические методики и другие приёмы.

Повсеместно и масштабно в современном мире проявляется страх перед международным терроризмом, нередко трансформирующийся в *социально-религиозные фобии*. Конфликтное противостояние западных и восточных цивилизаций наряду с другими причинами сегодня нередко проходит именно по религиозному признаку, разъедает души людей, вызы-

вает их навязчивые страхи. Религия в идеале должна служить единению, а не быть причиной вражды, ненависти, появления фобий. К сожалению, реализуя свои миссии по распространению терпимости, любви, ответственности, милосердия, равенства, справедливости институты мировых религий (церковные организации) на протяжении многих столетий использовали и такие конфликтные методы, как религиозные войны и погромы, крестовые походы, джихады, инквизицию и гонения с ужа-

сающими результатами, вызывающие постоянный страх. Не в этом ли кроется историко-генетическая причина появления современных фобий на религиозной почве? Пытаясь преодолеть устойчивые фобии, существующие в отношении церковных организаций, римский папа Иоанн Павел II (1920–2005) призывал ввести церковь в третье тысячелетие «без грехов». Чтобы очистить свою совесть, католики покаяться за семь главных грехов: 1) религиозные войны, крестовые походы и костры инквизиции; 2) церковные расколы; 3) презрение, акты враждебности и умолчания; 4) насильственная евангелизация Америки; 5) дискриминация женщин, некоторых рас и наций; 6) проявления социальной и экономической несправедливости; 7) отход от духа Евангелия. Несомненно, что каждый из этих грехов исторически являлся источником проявления личностных и масштабных групповых фобий. У римского папы Иоанна Павла II пока не нашлось последователей в других церковных организациях, в том числе и в православии, где до сих пор не преодолён существующий раскол между Русской Православной (РПЦ) и Русской Древлеправославной (РДЦ) церквями. События на Ближнем Востоке в 2011 году, в Египте, Ливии и других странах снова показали всю остроту т. н. «исламского фактора», обнажили цинизм закулисных игр США, Великобритании, Франции в стремлении использовать мусульманские движения для достижения своих геополитических целей.

Культурные фобии, связанные с материальной и духовной культурой, артефактами, имеют как личностный, так и общественный характер. Культура сама по себе уже включает социальные фобии как навязчивые состояния, чувства (установки, отношения, эмоции), а также символические объекты, веру, обряды, ритуалы не только отдельных индивидов, но и социальных общностей. Носителями навязчивых социально-культурных страхов и опасений в циркумполярной, евразийской цивилизациях могут быть самые разные социальные слои и группы, население города и села, мужчины и женщины, взрослые и дети.

Среди самых распространённых социальных фобий во многих культурах отмечается страх перед так называемыми «черными пятницами», берущими своё начало в скандинавской мифологии. Основатель Центра управления стрессом и Института фобий (США), психо-

лог из Северной Каролины Donald Dossey даже дал название этому явлению – paraskavedekatriaphobia (параскаведекатриафобия). Дональд Досси полагает, что боязнь пятницы тринадцатого связана с древними, не связанными друг с другом, негативными ассоциациями с числом 13 и пятым днем недели. Потом эти две фобии соединились друг с другом, создав сверхнебезучий день. Боязнь «пятницы тринадцатого» берет начало из сканди-

навских мифов, когда к 12 богам, пировавшим на Валхалле, присоединился 13-й незванный гость – зловердый Локи. Оказавшись на пиру, Локи сделал так, чтобы слепой бог темноты Ходер застрелил Балдера Красивого, бога радости, стрелой с наконечником из омелы. Балдер умер и стемнело на всей земле. Это был плохой, несчастный день. С тех пор число 13 считается зловецим. Иисус Христос был предан Иудой также в пятницу, на Тайной вечере, где вместе с ним было тринадцать человек. Поэтому обычно этот день в общественном сознании связан с негативными последствиями, со страхом перед неудачами, несчастными случаями, утратами. По

данным Д. Досси, почти в 80 % многоэтажных домов в США нет тринадцатого этажа. Во многих аэропортах нет тринадцатого выхода на посадку. А в больницах и гостиницах часто нет тринадцатой палаты или номера [4, 2004]. Профессор Richard Wiseman (University of Hertfordshire, Великобритания), известный своими исследованиями в области психологии обмана, удачи и паранормальных явлений, по результатам опроса в 2003 году выяснил, что примерно треть опрошенных им человек по репрезентативной выборке (2068 человек) ассоциируют число 13 с неудачами. Такие люди, показал он, чаще склонны бояться пятницы тринадцатого и потому более подвержены несчастным случаям [5, 2004]. По некоторым оценкам, только в США за один такой день экономика несет ущерб в \$ 800–900 миллионов за счет отмененных полетов и несовершенных дел. Боязнью пятницы тринадцатого в США страдают от 17 до 21 миллиона людей [URL: <http://science.km.ru/magazin/view.asp?id=E332D76FA6104954AC11F2DA17560BB3>].

Пример с фобией «черных пятниц» демонстрирует, что методологически в качестве критериев оценки арктических социальных фобий можно использовать: во-первых, значительные масштабы, степень распространения навязчивых страхов в обществе (миллионы людей); во-вторых, социально-экономические, политические последствия такого рода состояний (экономический ущерб, деловая и политическая пассивность).

Предметным содержанием как индивидуально-личностных, так и групповых фобий часто становится *проблема жизни и смерти* как одна из самых актуальных вечных проблем в философии. Философская мысль о взаимозависимости жизни и смерти очевидна, банальна и стара, как само человечество. «Ещё родиться не успеет человек, а смерть уже над ним стоит хозяйкой» [Бхартрихари, VII в. // Философия древности и средневековья. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 178]. Всеу на свете приходит конец – это одна из наиболее самоочевидных жизненных истин, так же как и то, что мы боимся этого конца и, тем не менее, должны жить с сознанием его неизбежности и своего страха перед ним. Многие философы считали смерть самым важным событием, видели смысл наслаждения жизнью именно в готовности оставить

её (стоики, Цицерон, Сенека). В менеджменте взгляды о конечности всего живого нашли отражение в концепции Ицхака К. Адизеса о жизненном цикле организации. Даже в известных сочинениях Козьмы Пруткова встречаются такие афоризмы: «Первый шаг младенца есть первый шаг к его смерти», «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней подготовиться» [Сочинения Козьмы Пруткова. Костромское книжное изд-во, 1958. С. 127].

Возведенная в ранг философской концепции мысль о смертности, бренности, конечности человеческого существования ведет к представлению о тщетности всяких человеческих усилий. Особенно это проявляется в суровых арктических условиях. Л. Е. Балашов в своих работах концептуально обосновывает тезис о том, что борьба с испугом, страхом, отчаянием является непременным условием выживания в экстремальных условиях. Страх смерти и отчаяние – эти эмоциональные абсолютизации смерти вредны, опасны, пагубны для человека. Множество потерпевших кораблекрушение гибнет задолго до того, как физические или физиологические условия, в которых они оказываются, становятся действительно смертельными. Жертв морских фобий убивает не голод, не жажда, их убивает страх. Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир; когда две доски пола уходят у него из-под ног, одновременно с ними уходит все его мужество и весь его разум. У галлов в ходу была поговорка: «Не умирай, пока живешь». В этой поговорке выражено требование живых, здоровых людей сопротивляться смерти до последнего вздоха [6, 2005].

Самое непосредственное отношение к теме статьи имеют строки из стихотворения известного поэта *Александра Блока* о полярном круге, где можно всё забыть:

Всё на земле умрёт – и мать, и младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.
Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда – и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.
И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи.

Русский поэт начала XX века А. Блок с горечью и тоской писал о бессмысленности человеческого бытия:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.
Умрешь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:

Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Образные поэтические фобии А. Блока о жизни и смерти имеют какой-то мистический философско-социальный смысл [7, с. 24, 123 и др.]. Блока можно назвать одним из самых ярких поэтов социально-природных фобий – ветра и ночи, темноты за окном, жизни и смерти, отчаяния и любви, страшного мира.

Философско-концептуальное обоснование феномена, содержания и структуры социальных страхов мы находим в трудах известного немецкого философа *Мартина Хайдеггера* (1889–1976), исследовавшего вечные проблемы бытия и времени, метафизику Ницше и другие темы [URL: http://www.heidegger.ru/sobranie_new.php]. Хайдеггер рассматривал феномен страха с позиций экзистенциализма в трех аспектах: 1) перед-чем страха; 2) устрашенность; 3) о-чем страха; а также различал понятия «страх», «жуть», «ужас» и другие модификации страха [8]. Социальные отношения регулируют страхи отдельного индивида и не позволяют им трансформироваться в масштабные социальные фобии. Личностные фобии коррелируются социальными нормами, этикетом и моралью. Что пристойно делать, как себя вести, а что не пристойно, нельзя делать – эти и другие правила поведения людей формируются на основе общих, присущих большой социальной группе, человеческих ценностей и этики.

Мировоззрение и страхи современного Homo Sapiens

Для уяснения содержания и механизма проявления арктических, как и вообще всех социальных фобий очень важно понять мировоззрение современного Homo Sapiens. Ответ на вопрос И. Канта «что такое человек?» пора наполнить соответствующим современным содержанием эпохи постмодерна, в том числе и в России. Кто он – человек XXI века, северный человек циркумполярного мира? Какую часть в восприятии мира занимают социальные фобии? Или современный человек никого и ничего уже не боится, ни во что не верит?

Понятие мировоззрения является одним из ключевых понятий в философии. Без этого концепта невозможно обойтись и при изучении проблемы арктических социальных фобий. Разнородные блоки знаний, убеждений, мыслей, веры, чувств, настроений, стремлений, надежд, страхов, соединяясь в мировоззрении, предстают как более или менее целостное понимание людьми мира и самих себя. Государство, наука и религия, культура, практика и личный опыт каждого человека оказывают полифакторное влияние на формирование мировоззрения, его состояние в тот или иной длительный отрезок времени. Мировоззрение человеческих сообществ, социальных групп, личностей исторически всегда изменяется, перманентно отвечая на возникающие вызовы времени. Думаю, что общие убеждения, принципы познания, ценности, идеалы и нормы жизнедеятельности становятся парадигмой интеллектуального, эмоционального и духовного настроения той или иной эпохи, в которой всегда присутствуют явные заблуждения, социальные фобии, дефицит научных знаний, аномия.

Социальную философию современного Homo Sapiens как человека разумного, в той или иной степени подверженного иррациональным страхам, можно сформулировать несколькими основными утверждениями, в зависимости от этого классифицируя отдельные типы людей. В контексте данной статьи мною употребляется понятие «homo», хотя правильнее было бы говорить о личности – «person», прошедшей процесс социализации среди себе

подобных и обладающей социально значимыми качествами и общечеловеческими ценностями. Homo Sapiens – это человек социальный, персона, личность, что отличает его от ферральных людей. Как социокультурный тип современного Homo Sapiens можно исследовать в этом контексте и «северного человека» – Nordman, выделяя общие и особенные черты его менталитета, социальные отличия образа жизни от других людей [9, 2011]. Мною выделяются несколько авторских типов современных людей, качественные характеристики которых в той или иной мере присущи Northern Person Арктики и Севера.

1. *Homo filled with Fears* – человек, наполненный страхами. Окружающий нас мир (природа, социум, Арктика, космос, океан) полон постоянных опасностей и угроз. Человек не всегда находит рациональное объяснение проявляемым перед внешней средой страхам и ищет их причины в самом себе или уходит в мистику, религию, находит защитные механизмы в философском или бытовом, личностном объяснении своего поведения и окружающих его людей. Может и прав французский философ-экзистенциалист Альбер Камю (1913–1960), рассматривавший жизнь как иррациональный абсурдный процесс, не имеющий смысла и закономерности. Если верить статистике, 20 % россиян хоть раз да обращались к услугам людей, которые якобы имеют связь с потусторонними мирами, видят будущее и все знают о прошлом. Сколько из них остались довольны, а сколько просто потеряли деньги – сказать трудно. Но гадалок, потомственных ясновидящих и подобных «профессионалов» с каждым годом становится всё больше. Сейчас количество целителей в стране достигло 800 тысяч человек, а врачей насчитывается только 620 тысяч¹.

2. *Homo Active or Passive* – человек активный (протестующий) или пассивный. Человек пассивный часто ощущает себя слабым и беспомощным в этом мире, не может в полной мере противостоять враждебности внешней арктической среды, утраченности по М. Хайдеггеру, безысходности по А. Блоку. Но, с другой стороны, существует прямо противоположное представление о могуществе человеческого разума, всеисилии активного человека, его господстве над природой. Такой дуализм в восприятии опасностей окружающего мира определяет поведение личности, является источником его социальной активности или пассивности, покорности судьбе, формирования мистицизма, суеверий, фобий. Индикаторами политической активности Homo Active можно считать участие в голосовании на выборах, членство и деятельность в политических партиях и других общественных объединениях, другие позитивные критерии. Охлократия, или власть толпы, протестное участие в митингах, используемые в последнее время технологии так называемых «цветных революций» (сила толпы, активность небольшой суперактивной группы людей, открытое наглое манипулирование, большая ложь, использование социальных сетей, ИКТ) становятся предтечами хаоса, перманентной нестабильности, абсолютизируя жизнь по понятиям (моральным, религиозным, культурным), но не по закону. И во многом поэтому сами по себе становятся источником социальных фобий, особенно в нашей несчастной России, пережившей две революции 1917 года, гражданскую войну, горбачевскую бессмысленную перестройку 80-х годов, распад Советского Союза и лихие 90-е ельцинские годы в двадцатом столетии от Рождества Христова.

¹ Гадалкам и колдунам перекроют кислород. 29.09.2010. На днях в Госдуме в первом чтении был рассмотрен законопроект, запрещающий рекламу оккультных услуг. URL: <http://www.pravda.ru/accidents/factor/29-09-2010/1051510-extra-0/> (дата обращения: 27.11.2010).

3. *Homo Taking Pleasure in a Life* – человек, получающий удовольствие от жизни. Смыслом, целью жизни, счастьем, миссией современного поколения во многом становится получение удовольствия, кайфа. Даже мысль о предстоящих отдыхе, развлечениях, веселье, возможных удовольствиях, приятностях, кайфе, балдеже, как говорится в быту, «греет душу» человека, мотивируя его преодолевать свои страхи, возможные угрозы для жизни, боли, скорби, разочарования и стойко переносить все невзгоды и трудности бытия. Вне зависимости от богатства, статуса и положения в обществе, большие и малые жизненные трагедии и горе необъяснимо посещают всех людей (богатые тоже плачут). Однако многие при этом продолжают надеяться, что все изменения в жизни ведут к лучшему (что не делается – всё к лучшему). Счастье или несчастье каждого *Homo Sapiens* определяются состоянием его души и тела, накопленным человеческим капиталом (образование, профессиональные компетенции, здоровье), уровнем сознания и имеющегося личного интеллекта. Человек, получающий удовольствие от жизни, внутренне готов к новым лишениям и приобретениям, открывающимся возможностям и возможным утратам. Сильные и слабые стороны деятельности, возможности и угрозы составляют в менеджменте матрицу SWOT-анализа, применимого к личному анализу жизнедеятельности любого из нас. В психологии получила распространение «наука о наслаждении» – «ребефинг» (от англ. rebirth – родиться вновь) и техники «vivation». Практики ребефинга пробуждают природную способность получать удовольствие от жизни, учат жить в гармонии с собой и окружающим миром, помогают строить свою судьбу в соответствии со своими мечтами, осознавая и интегрируя внутренние страхи, конфликты и ограничивающие убеждения. Ещё один концепт – «flash mob» – исследуется как спонтанное собрание разных людей в условленном месте, в условленное время, живые, развлекательные, короткие акции с участием десятков, а то и сотен людей, мгновенная толпа. Главная задача flash mob – посмеяться и получить удовольствие от жизни, а также поставить в тупик окружающих. В российской психологии термин *pleasureseeker* (от англ. – искатель удовольствий) практически не применяется, вместо него используется выражение «искатель острых ощущений», обозначающее человека, склонного к риску и получающего от этого адреналин [URL: <http://planetahr.ru/publication/1444>]. Как видим, тема получения удовольствий от жизни всесторонне исследуется в самых разных проявлениях и ипостасях, что находит отражение в Интернете, литературе, СМИ. В меньшей степени проявляется интерес к тому, что всё же вызывает угрозы и страхи у современных людей, получающих удовольствие от жизни в Российской Арктике, на Севере.

4. *Homo Solidary*. Человеческая солидарность часто зависит от социальной ситуации. Окружающие нас люди бывают враждебны или индифферентны по отношению друг к другу. Вместе с тем они могут проявлять солидарность в самых неожиданных ситуациях. Социальное в реальной жизни нередко уступает эгоистическому, как бы пасует перед индивидуализмом. Границы проявления человеческой солидарности, человеческого поведения сужены проявляемым эгоизмом и инстинктом самосохранения, особенно в суровых условиях Севера и Арктики. Имеются и другие объяснения поведения личности в условиях социального взаимодействия. Возникает проблема определения границ проявляемой человеческой солидарности и в нечеловеческих условиях, и в комфортной, благоприятной социальной среде. Иногда

люди больше боятся себе подобных и нередко собаку считают самым лучшим другом. Каковы причины таких фобий? Насколько распространены страхи и доверие людей друг к другу в Арктике? Ответы на эти и другие вопросы помогли бы лучше понять мировоззрение и поведение современных «the Person Filled with Fears». Солидарность и самоуправление – генетическая основа человеческого бытия. Особенно важную роль играет солидарность в условиях громадного арктического пространства, коррелируясь в настоящее время с необходимостью сообща осваивать его природные ресурсы. Арктическая солидарность становится той базой, на которой возможно строить арктические партнёрства.

5. *Homo Aloof in the Hostile World – отчужденный человек во враждебном мире* (“expressionism”). Сегодня вполне реально существует тотальное отчуждение человека от собственности, работы, власти, природы, людей друг от друга. На современном этапе развития глобального социума в XXI веке проблема отчуждения стоит еще острее, чем в эпоху К. Маркса, когда речь шла только об отчуждении человека от собственности. В XX веке Россия, Куба, Китай, Вьетнам и десятки других социалистических стран сделали попытку преодолеть данный феномен отчуждения в экономике путём уничтожения частной собственности и перехода к общественной. На практике это привело лишь к возникновению и функционированию в политической сфере жизнедеятельности тоталитарного политического режима и к усилению отчуждения людей в массовом порядке от власти. В результате мы получили современный век как время всеобщего тотального отчуждения человека от всего и вся – от собственности, власти, культуры, других людей. Античеловеческая направленность террористических актов в XXI веке, постоянная угроза каждому из нас оказаться в любом месте Земли заложниками террористов вообще обесценили человеческую жизнь и стали источником возникновения самых массовых социальных фобий. Только Арктика манит ещё небольшую часть людей своей призрачной первозданной чистотой и свежестью.

На смену отчужденному труду на уровне личности всё явственнее приходит *информационное отчуждение*. В условиях постмодернизма и господства ИКТ символы, идеи, образы, интеллект, знания и информация, сами тексты становятся предметом ничем не прикрытого манипулирования, постоянным источником социальных фобий, принимая при этом нередко иррациональный смысл в восприятии их человеком. Окружающий человека мир постмодернизма становится виртуальной реальностью, которая формирует устойчивые страхи у части людей, живущих в этом мире и слабо представляющих себе другие картины социума, чем те, которые навязываются агрессивной рекламой, телевидением, СМИ, Интернетом, другими информационно-коммуникационными каналами. Многие люди просто не понимают современных текстов, их модернистского смысла, интуитивно используют свой понятный язык, жаргон своего поколения, социального окружения, что находит своё отражение в лексике на митингах, в социальных сетях (вплоть до мата, брани, клеветы и лжи). Этот феномен, кстати говоря, довольно четко проявился во время манипуляций с митингами в России после выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 года. Тогда мало кого интересовала реальная ситуация с итогами голосования. Главное заключалось в том, чтобы объявить прошедшие выборы изначально нечестными и тем самым вызвать иррациональный по сути протест в обществе против власти.

Проблемой постмодернистского отчуждения современного человека озабочены не только философы и социологи, но и писатели, журналисты, драматурги, режиссёры. Ужас заблуждений висит тяжким грузом не только на персонажах современных пьес, но и на самих авторах. Вся реальность бытия XXI века предстаёт перед нами как социально-философское пространство бесконечных и разнообразных фобий современного человека, больного аномией, безверием, цинизмом и практицизмом, жадностью. Куда ни оглянешь, вокруг ситуация вакуума, пустоты, отсутствия доверия, трансформации основ социальной жизни; все символы распяты, все ценности утрачены. Происходит явное обесмысливание бытия, дегуманизация сознания и общества, кризис культуры, мифологизация исторического прошлого. Человек в массе своей всё больше ощущает страх, свое бессилие и униженность перед коммерческими, капиталистическими основами современного социума с его бесконечной гонкой за прибылью, властью денег, перед бюрократическими институтами власти и управления, коррупцией как на уровне государства, так и на уровне региона, локального сообщества, своей организации, где он работает, учится. Порядочность, честь, милосердие, достоинство, уважение человека воспринимаются (к счастью, ещё не всеми) как пережитки прошлого, которым нет места в глобальном социуме XXI века. Стремительно нарастают маргинальность, одичание, бессилие перед всеобщим насилием. Страшно, что трагедия в Куцевской (04.11.2010) – это типичная народная жизнь в России XXI века, срез системы всего жизнеустройства российского общества, где происходит сращивание криминала, власти, бизнеса, где все молчат и всего боятся. Наличие постоянных страхов населения перед локальными бандами распространяется уже на региональный уровень. Общество стремительно теряет морально-этические ограничители, а власть продолжает демонстрировать свою беспомощность в критических ситуациях. Не страшно ли жить постоянно в таком социуме, когда «беспредел» становится тотальным явлением, а закон отдыхает где-то там, в Тьмутаракани, что и становится причиной социальных фобий?

Проблемы и источники существующих в современной России фобий затрагивались и в ходе междисциплинарного семинара по теме «Куда ведет кризис культуры?», организованного Игорем Клямкиным, вице-президентом фонда «Либеральная Россия» [10, с. 7–9]. В ходе дискуссии, отмечая концептуальное содержание «Русской системы» в культурном измерении как мифологического комплекса, Андрей Пелипенко подчеркнул, что в глубинной основе всякого мифа лежит страх хаоса, который в условиях России превратился в тяжелейший невроз культурного сознания [10, с. 58–59]. Речь при этом шла даже не о внешних, социальных проявлениях хаоса: от варварской «волюшки вольной» до мародёрства и погромов. Субъект «Русской системы» боится, прежде всего, хаоса внутреннего, необузданной стихии раскультиривания, идущей от ужаса пресловутого «бессмысленного и беспощадного» русского бунта. Пелипенко рассматривает психологическое природнение к хаосу в ходе бунта как начальный акт ритуального обновления мира, отвергая бессмысленность русского бунта.

Избави нас, Бог, от такого перманентного обновления, разрушений до основания. Мирный, ненасильственный переход власти всегда является исключением, чем правилом, если рассматривать его не как одномоментный акт символического захвата здания какого-либо парламента, а как период времени, необходимый для реального обновления, для стаби-

лизации ситуации, перехода от хаоса к другой легитимности. Такой вывод вытекает из всех тех событий, свидетелями которых мы были в 2011 году (Египет, Ливия и др.). В каждом таком бунте в XXI веке продолжают гибнуть люди, льется кровь, а в конечном итоге всё общество теряет динамику, отбрасывается назад, в прошлое, и к власти приходят новые диктаторские поколения, грабя свою же страну. Даже Джин Шарп, автор книги «От диктатуры к демократии», отмечал, что «после свержения диктаторов наступает очень опасный период с огромным количеством политических ошибок из-за отсутствия ответственных. И это дает возможность некоторым людям решить, что они теперь могут стать диктаторами. И они будут добиваться этой цели, используя при этом слова о свободе и демократии» [11, 2011]. Участие в такого рода якобы ненасильственных акциях приводит лишь к исчезновению или ослаблению страха, традиционных социальных фобий. Люди перестают бояться, считает Д. Шарп. Бояться чего, кого? Самих себя? Власти, полиции, закона? Хотелось бы надеяться, что речь в данном случае идёт не о нравственных и духовных ценностях. Хотя не исключается и это. Охлократия стихийного всплеска протеста порождает хаос, анархию и цинизм.

В профилактике социальных фобий, возникающих в процессе конфликтных ситуаций, важное значение имеет исследование причин возникающих страхов. Чего больше всего боятся современные россияне? Если задать подобный вопрос какой-нибудь бабушке, получившей воспитание ещё в советские времена, ответ будет достаточно предсказуемым: «Лишь бы не было войны». Какие бы трудности не возникали, как бы плохо люди не жили, самыми страшными для них всегда остаются война, смерть близких людей, бессилие что-либо изменить, безысходность. Всё остальное можно преодолеть, пережить. Это русская защитная реакция в ответ на потрясения, революции и войны XX века, русский ответ на социальные фобии. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), больше всего россияне в начале XXI века опасались масштабных терактов, экологических катастроф и преступности [12]. Если посмотреть динамику общественных настроений, то страхи общественные всё больше вытесняются страхами частного, личного порядка. За 15 лет (2007–1992) заметно сократилась доля респондентов, для которых самым страшным были голод, война, массовая резня, физическое насилие. На первые места вышли такие страхи, как боязнь потерять близких (28 %), старость, болезнь, беспомощность (11 %), страх произвола властей (8 %), возросло число тех, кто «ничего не боится» (с 1 до 7 %)². По результатам исследования, которое провел Институт социологии РАН в сентябре 2008 года, безусловным лидером российских опасений стал рост цен на товары и услуги (63 %). Людей тревожило усиление алкоголизма и наркомании (47 %), кризис системы ЖКХ и рост платежей (46 %), низкий уровень жизни значительной части населения (42 %), сокращение доступа к бесплатной медицине и образованию (36 %), рост преступности, в том числе среди детей и подростков (26 %), коррупция и засилье бюрократии (24 %) [13].

Очень болезненно воспринимается главное противоречие современной России – между бедными и богатыми. По результатам исследования «Чего опасаются россияне?», проведённого ИС РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ в сентяб-

² Чего боятся россияне: пресс-выпуск ВЦИОМ. 30.05.2007 // URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8292.html?no_cache=1&cHash=4baff3bd6d (дата обращения: 25.04.2009).

ре 2008 года, почти каждый второй респондент (47 %) обратил на это внимание социологов³. Исследования показали, что со времен дефолта 1998 года сократилось число тех, кто в форс-мажорных ситуациях «пойдет на баррикады» с оружием в руках (с 9 % в 1999 до 3 % в 2008 гг.). Зато почти втрое больше людей (уже не 4, а 11 %) готовы были протестовать в рамках легальных возможностей (стачки, суды, пикеты, голодовки и пр.).

Социологические опросы показывают, что с ощущением тревожности живет добрая половина городских обитателей страны. Представляется чрезвычайно важным и актуальным в научном плане проведение междисциплинарных исследований с целью получения достоверной картины мировоззрения, ценностей и культуры современного Homo Sapiens – человека разумного, его менталитета, а также составление карт региона, страны, показывающих пространственное распространение социальных фобий среди населения России в сравнении с другими странами, в том числе в Арктике и на Севере страны. *Карта социальных фобий России* позволит лучше понять реальную жизнь народа. Зная страхи россиян, их фобии не трудно сделать прогноз о самых важных потребностях населения, его социальных, демографических групп и вести в этих направлениях профилактическую деятельность. И самое главное поможет определить выход из общей кризисной ситуации в экономике и социальной сфере, реализуя стратегические задачи по упрочению стабильности, уверенности в завтрашнем дне, борьбе с нищетой и бедностью, за повышение качества жизни, благосостояния всех россиян на уровне государства, региональных социумов, муниципальных образований, самоуправляемых общин, организаций всех типов.

Социальные фобии в Арктике и на Севере России имеют свою специфику, тесно связанную с огромным многофакторным пространством, включающим сушу и море, с очень суровыми условиями для жизни людей и особенностями человеческой деятельности.

Страхи перед НААРР, изменениями климата

В зависимости от того, что вызывает страх среди людей в Арктике, можно выделить фобии: а) природные (боязнь молний, воды, штормов, льдов, северного сияния, ураганов и других явлений окружающей природной среды); б) биологические (страх перед белыми медведями, волками и другими животными); в) ситуативные (боязнь ледового сжатия, полярной ночи, северного сияния, полётов в Арктике и т. п.); г) экологические.

Среди населения многих стран чрезвычайно распространены *экологические фобии* перед загрязнением окружающей среды и изменением климата, боязнью радиоактивного заражения, возникновением чрезвычайных ситуаций, геофизической войной. Получают распространение, особенно после жаркого лета 2010 года в России, в разных слоях общества климатологические страхи перед глобальным потеплением и его последствиями, возможной войной с применением климатического (геофизического или ионосферного) оружия в области искусственного влияния на климат и погоду. Какие для этого существуют основания и на-

³ Рабочая группа ИС РАН: руководитель исследования, член-корреспондент РАН М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш, Л. Г. Бызов, И. В. Задорин, В. В. Петухов (соруководитель), Н. Н. Седова, Н. Е. Тихонова. Научный редактор – Н. И. Покида. Научный консультант – глава представительства Фонда им. Эберта в РФ доктор Р. Крумм. Исследование проведено по общероссийской квотной выборке, охватившей 1750 респондентов от 18 лет и старше в 12 территориально-экономических районах РФ (согласно районированию Росстата), а также в Москве и Санкт-Петербурге. Соблюдались общероссийские параметры квот по полу, возрасту, социально-профессиональной принадлежности и типу поселения.

сколько они обоснованы – ответить на этот вопрос трудно, но, как говорится, дыма без огня не бывает. Ещё весной 1997 года в Гаконе, штат Аляска (62°23'N, 145°8'W), был запущен американский научно-исследовательский проект по изучению полярных сияний «HAARP» – High Frequency Active Auroral Research Program, или Программа активного исследования авроральной области «Северное сияние». Авроральные течения – это потоки заряженных частиц из космоса, солнечного ветра, «дующего» вдоль линий магнитного поля Земли, вызывающие в полярных широтах северные сияния.

Проект стоимостью \$ 250 миллионов был запущен тогда в рамках контракта Управления военно-морских исследований с фирмой BAE Systems, которая является одной из крупнейших мировых оборонных корпораций на множестве разнообразных направлений и генеральным подрядчиком Министерства обороны США по программе HAARP. Весной 2006 года было официально объявлено о том, что строительство HAARP – фантастического комплекса XXI века – успешно завершено и начинается его активное использование.

Отдельные ученые, общественные деятели, политики и организации выражают серьёзную озабоченность, что HAARP может быть использован для деструктивной деятельности. Некоторые специалисты утверждают, что это не просто исследование полярного сияния или солнечного ветра, а попытка создания *многофункционального интегрального оружия* глобального масштаба, воздействующего на всю околоземную среду. Такое глобальное оружие воздействует на все слои атмосферы и может вызывать искусственные северные сияния, выводить из строя радиолокационные станции, космические спутники и ракеты. Как *метеорологическое оружие*, HAARP способен провоцировать масштабные бедствия: проливные дожди, ведущие к катастрофическим наводнениям, туманы над аэродромами, опустошительные ураганы, смерчи и бури, снегопады или затяжные засухи на территории противника с целью подрыва его экономики на уровне целого государства – неурожай, голод, материальные убытки.

Рис. 1. Проект ХААРП // Neutrino: научный Интернет-журнал.
 URL: <http://neutrino.mk.ua/roboti/proekt-chaarp/2> (дата обращения: 29.01.2011)⁴

С помощью HAARP можно не только манипулировать погодой, но и вести геофизическую войну – прожигать в верхней оболочке атмосферы озоновую дыру любого диаметра над любым государством, вызывать сильные магнитные бури, землетрясения, таяние льдов в полярных широтах и даже провоцировать тектонические подвижки. При определённых параметрах накачки можно воздействовать на психику всего живого, в первую очередь человека, вызывая массовое безумие, агрессию или, наоборот, апатию и депрессию, а это уже *психотронная война*. Естественно, что в той или иной степени такая информация способствует распространению климатических фобий в начале XXI столетия от Рождества Христова.

⁴ Это огромное антенное поле площадью 60 км², представляющее собой исполинский ионосферный радиоизлучатель. Антенная решетка концентрирует импульсы коротковолнового излучения на тех или иных участках ионосферы, разогревая их до образования ступков плазмы – плазмоидов. Совокупная мощность радиоизлучателей HAARP превышает мощность естественного излучения солнца в диапазоне 10 мегагерц на 5–6 порядков, то есть в 100000–1000000 раз. Кроме антенн имеются радар некогерентного излучения с антенной двадцатиметрового диаметра, лазерные локаторы, магнитометры, командно-вычислительный центр, мощные компьютеры для обработки сигналов и управления антенным полем.

Суть существующих опасений сводится к следующим моментам. 1) HAARP может быть использован в военных целях так, чтобы в выбранном районе была полностью нарушена морская и воздушная навигация, блокированы радиосвязь и радиолокация, выведена из строя бортовая электронная аппаратура космических аппаратов, ракет, самолетов и наземных систем. В произвольно очерченном районе может быть прекращено использование всех видов вооружения и техники. Интегральные системы геофизического оружия могут вызвать масштабные аварии в любых электрических сетях, на нефте- и газопроводах [14]. 2) Энергия излучения HAARP может быть направлена на манипулирование погодой в глобальном масштабе [URL: http://www.fosar-bludorf.com/archiv/schum_eng.htm]. В одном из патентов, который использовался для разработки HAARP-антенн, прямо говорится о возможности изменения погоды для нанесения ущерба экосистеме или её полного разрушения. 3) HAARP может применяться как психотропное оружие. Вполне возможно погрузить в сон целые населенные пункты или привести жителей в состояние такого эмоционального возбуждения, что они прибегнут к насилию друг против друга; наводить луч радиовещания прямо в мозг людей так, что они подумают, будто слышат голос Бога или кого-либо, кем представится ведущий этой радиотрансляции. 4) Возможно использование технологии направленного луча смерти для разрушения любых целей на огромных расстояниях; для наведения невидимого луча даже на отдельных людей, вызывая рак и другие смертельные болезни, причем так, что жертва не будет и подозревать о губительном воздействии. Ядерная бомба представляется в общественном мнении после чтения такого рода информации детской хлопучкой по сравнению с новыми средствами массового поражения, которые ныне рождаются за стенами секретных научных лабораторий США и испытываются на военном полигоне в Гакконе.

Защитники проекта HAARP выдвигают, в свою очередь, контраргументы, что количество энергии, излучаемой комплексом, является ничтожно малой по сравнению с энергией, получаемой ионосферой от солнечной радиации и грозových разрядов. Возмущения в ионосфере, вносимые излучением комплекса, исчезают достаточно быстро. Эксперименты, проведенные на обсерватории Аресибо, показали, что возврат участка ионосферы в первоначальное состояние происходит за то же время, за которое его нагревали. Нет никаких серьезных научных обоснований для таких возможностей применения HAARP, как уничтожение всех видов вооружения, сетей электроснабжения, трубопроводов, глобальное манипулирование погодой, массовое психотропное воздействие [URL: <http://www.chelemendik.sk/808757116.html>].

Однако тревоги, периодически перерастающие в страхи и фобии населения перед HAARP, всё равно остаются. «Мировому сообществу программа HAARP преподносится лишь как научно-исследовательская, которая якобы направлена на поиск путей улучшения радиосвязи. Но в программе есть военная составляющая, и она главная. США поставили себе цель – в ходе этих работ создать геофизическое оружие. Они уже близки к этой цели. Околосферное пространство – атмосфера, ионосфера и магнитосфера Земли – в ближайшее время, через год-два, может быть модифицировано, то есть изменено. Созданы и действуют пять излучателей различной мощности для целенаправленного воздействия на среду обитания людей радиоволнами высокой частоты. Три из них находятся на Скандинавском полуострове, в Тром-

сё. Один, самый мощный, – на Аляске. В ближайшее время планируется строительство еще одного излучателя – на острове Гренландия. Этот будет мощнее аляскинского в три раза», – утверждал ещё в 2002 году бывший тогда председателем Комитета по обороне Государственной Думы РФ генерал армии А. И. Николаев⁵ [15].

Система HAARP не уникальна. В США есть 2 станции – одна в Пуэрто-Рико (недалеко от обсерватории Аресибо), вторая на Аляске (недалеко от города Фэйрбэнкс). Обе эти станции имеют сходные с HAARP активные и пассивные инструменты. В Европе также установлены 2 комплекса мирового класса по исследованию ионосферы, оба находятся в Норвегии: более мощный радар EISCAT (European Incoherent Scatter Radar site) расположен недалеко от города Тромсё, менее мощный SPEAR (Space Plasma Exploration by Active Radar) – на архипелаге Шпицберген. Такие же комплексы расположены: в Джикамарка (Перу); в Васильсурске (Сура), в Апатитах (Россия); недалеко от Харькова (Украина); в Душанбе (Таджикистан). Первичной целью всех этих систем является изучение ионосферы, а так же большинство из них имеет возможность стимулировать небольшие, локализованные участки ионосферы. Но HAARP отличается от этих комплексов необычной комбинацией исследовательских инструментов, которая позволяет управлять излучением. Мощности излучения: HAARP (Аляска) – до 3600 кВт; EISCAT (Норвегия, Тромсё) – 1200 кВт; SPEAR (Норвегия, Лонгйир) – 288 кВт. HAARP использует остронаправленные передающие антенны типа фазированная антенная решётка, способные фокусировать всю излучённую энергию на небольшом участке пространства.

Информация о климатическом (геофизическом, ионосферном) оружии несомненно может стать причиной широкого распространения арктических социальных фобий. Однако и умолчание, сверхсекретность о возможных негативных последствиях проводимых научных исследований могут породить не менее масштабные страхи среди населения, в том числе арктических стран, учитывая, что подобные комплексы располагаются не только на Аляске, но и в Норвегии (Тромсё, Шпицберген), Гренландии, России (Сура).

Русофобия с полярным перформансом

Не имея возможности получения ответов на все поставленные вопросы при исследовании арктических социальных фобий, считаю важным остановиться на одной давней «болезни», проявляемой по отношению ко всему русскому, в смысле российскому, и явно обострившейся после известной российской экспедиции на Северный полюс в 2007 году. Эта полярная экспедиция, которую возглавил А. Н. Чилингаров, вызвала тогда в мире небывалый ажиотаж, гордость одних и зависть других, самые различные международные оценки: от приклеивания ярлыка «шоу» до объявления чуть не нового витка «холодной войны», «битвы за Арктику» и тому подобных определений. Многие люди пытались найти свой собственный смысл, наблюдая в прямом эфире телевидения все подробности полярного перформанса⁶. Кто-

⁵ URL: http://www.universalist.ru/prensa/stat5_1.htm (дата обращения: 21.11.2010). Николаев Андрей Иванович – депутат Государственной Думы ФС РФ второго и третьего созывов, генерал армии, бывший командующий пограничными войсками России, директор Федеральной пограничной службы РФ; член Совета Безопасности РФ в 1994–1997 гг.

⁶ Перформанс (англ. performance – представление, спектакль) – один из видов современного искусства; представление, ориентированное на аудио-визуальное восприятие. Это синтез всевозможных направлений: театра, музыки, спецэффектов, игры, исполнения трюков, элементов шоу, китча. Перформанс

то отмечал подлинный героизм и мужество отечественных и зарубежных акванавтов⁷, впервые в истории человечества побывавших на дне Северного Ледовитого океана, и испытывал огромное чувство гордости за свою Russia, кто-то злорадствовал, делать, мол, больше нечего. Появились интервью, публикации под заголовками: «Российские ученые впервые в истории погрузились в батискафах «Мир» на дно Северного Ледовитого океана», «У России высокие шансы на самостоятельное освоение арктического шельфа», «Россия застолбила территорию. Впервые в истории батискафы опустились более чем на 4000 метров на самой северной точке планеты», «Арктические глубины покорились России» и др.

Отдельные зарубежные дипломаты вместо того, чтобы поздравить Россию с великим научным достижением в полярных широтах, увидели угрозу со стороны русских и попытались всячески уменьшить эффект российской полярной экспедиции. Сведение реальных достижений российской науки до уровня шоу здесь, скорее всего, прикрывает внутреннее чувство русофобии – предвзятое, подозрительное, неприязненное отношение ко всему, связанному с Россией.

Впервые термин «русофобия» ввёл в оборот известный русский поэт Ф. И. Тютчев (1803–1973), противопоставляя этому концепту панславизм. Однако русофобия как боязнь всего русского, патологический страх перед Русью, русами имеет давние исторические корни, уходящие в глубь тысячелетий. Извечные негативные фантазии, страхи, фобии по отношению ко всему русскому трансформируются сегодня в системное неприятие современной России, в том числе в Арктике – прародине индославян [16, с. 9–10, 87–103], к многотысячелетней истории суперэтнуса русов, автохонных проторусов и прарусов [17, с. 450]. Известный славист, доктор исторических наук С. В. Алексеев, раскрывая предысторию славянских государств, подчеркнул, что прошлое славян к пятому столетию н. э. насчитывало не одно тысячелетие [18, с. 26]. Может быть такая древняя история и вызывает перманентные многовековые фобии?

Проявления русофобии в XXI столетии можно классифицировать по сферам применения на несколько групп, пластов:

- a. социально-бытовая русофобия проявляется в культурно-социальных отношениях между людьми, в быту, туризме, конфликтных ситуациях реальной жизнедеятельности;
- b. политическая русофобия – на уровне внешней политики отдельных государств, в международных отношениях, в деятельности некоторых политических партий и общественных объединений, в таможенной и миграционной политике;
- c. культурная русофобия как неприятие российской культуры и цивилизации в целом, так и отдельных её достижений в науке, искусстве; создание имиджа, образов медведя, казаков, матрёшек, красных звезд и других, вызывающих негативные эмоции;

предоставляет зрителю возможность выйти из роли пассивного наблюдателя-потребителя («Это я уже видел, хочу чего-нибудь новенького!») и примерить на себя роль творца (в том числе, творца «смысла»). URL: <http://www.slovari.yandex.ru>, <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang/p/perfomans.html>, <http://www.povod.org/service/svadba/performance.doc> (дата обращения: 28.11.2010).

⁷ Акванавт – исследователь, совершающий в специальном аппарате плавание под водой на больших глубинах. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/ojegov/1/akvanavt.html> (дата обращения: 28.11.2010).

- d. национальная, этническая фобия – представление о русских как о «варварах», неполноценной расе (фашизм), отсталой нации и отсюда фобии перед непредсказуемостью поведения русских, их нецивилизованностью;
- e. фобия как конкуренция между Россией и Западом, страх перед экономическим потенциалом, громадной территорией, богатой природными ресурсами, «новой энергетической империей» (зависимость Европы от поставок из России нефти, газа);
- f. другие фобии в разных сферах жизнедеятельности.

Абсурд русофобии глубоко укоренился в политике прибалтийских и других государств. Обострение русофобии в общественном мнении Запада особенно стало заметным после полярной экспедиции Артура Чилингарова в 2007 году и водружения на дне Северного Ледовитого океана, в районе Северного полюса, флага России. Перед участниками экспедиции ставилась тогда задача детально изучить строение дна океана в приполюсном районе, а также провести ряд уникальных научных исследований. 24 июля 2007 года экспедиция отправилась из Мурманска к Северному полюсу на научно-исследовательском судне «Академик Фёдоров» и атомном ледоколе Мурманского морского пароходства «Россия». 2 августа 2007 года в точке Северного полюса были совершены погружения в двух аппаратах «Мир». В экипаж аппарата «Мир-1» входили депутат Государственной Думы РФ Артур Чилингаров⁸, доктор технических наук, пилот батискафа Анатолий Сагалевич, кандидат юридических наук, депутат Государственной Думы РФ Владимир Груздев.

Рис. 2. 2 августа 2007 года. URL: <http://www.rgo.ru/2010/08/artur-chilingarov-vo-slavu-rossii/>

Экипаж аппарата «Мир-2» составляли: кандидат географических наук Михаил Слипечук, гражданин Швеции, почётный полярник России Фредерик Паулсен, гражданин Ав-

⁸ Чилингаров Артур Николаевич – доктор географических наук, член-корреспондент РАН (с 2008) и РАН (с 1994), заслуженный метеоролог Российской Федерации (2005), президент Государственной полярной академии. Депутат Государственной Думы ФС РФ. Спецпредставитель Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике. Герой Советского Союза (1986), Герой России (2008). Член редакционного совета электронного научного журнала «Арктика и Север».

стралии Майк МакДауэлл. «Мир-1» начал погружение в 9²⁸ по московскому времени и в 12⁰⁸ достиг дна океана на глубине 4261 м. «Мир-2» начал погружение в 9⁴⁷ и в 12³⁵ достиг дна на глубине 4302 м на расстоянии 500 м от «Мира-1». Аппараты отобрали пробы грунта и воды и благополучно завершили всплытие. В 13⁴⁶ оба аппарата начали всплытие, в 18⁰⁸ поверхности достиг «Мир-1», в 19¹⁵ – «Мир-2». Во время этого погружения человек впервые в истории освоения Арктики достиг дна океана под Северным полюсом. Там командой аппарата «Мир-1» был установлен флаг Российской Федерации, сделанный для долговечности из титанового сплава. Глубоководные обитаемые аппараты «Мир-1» и «Мир-2», поднявшиеся с четырехкилометровой глубины, доставили наверх не только образцы арктической морской фауны, но и пробы грунта, призванные доказать, что хребты Менделеева и Ломоносова, располагающиеся на океанском глубоководье, являются неотъемлемой частью евразийской континентальной платформы. Детали данной экспедиции здесь имеют важное значение, так как необходимо отметить, что экспедиция носила научно-исследовательский характер, было два экипажа, и в погружении участвовали не только русские, но и зарубежные акванавты.

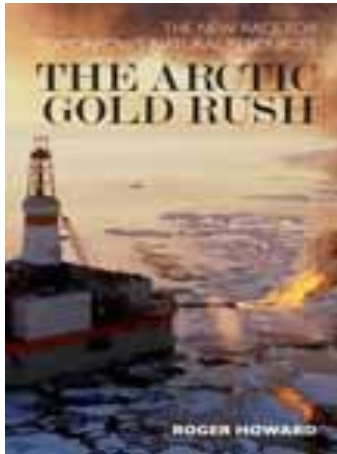
Появление российского флага на арктическом шельфе сильно взволновало тогда граничащие с Арктикой страны и ведущие мировые СМИ. Крайне негативно оценили установку российского флага на дне океана на Северном полюсе США. «Я уж не знаю, что они там установили на дне океана – металлический флаг, резиновый или простыню. В любом случае это не дает претензиям русских на океанический шельф законные основания. США относятся к этим претензиям

весьма скептически», – заявил представитель госдепа США Том Кейси, комментируя 3 августа 2007 года итоги российской экспедиции «Арктика-2007». «Если бы даже они пошли и раскрасили подводные хребты в цвета флага России, то и в этом случае я не думаю, что это бы хоть на йоту что-то изменило» [BBC, 03.08.2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx? DocsID=792832&print=true>]. Еще большее эмоциональное раздражение выразил глава МИД Канады Питер Маккей: «Это не XV век. Вы не можете проехаться по миру, просто поставить свои флаги и сказать: «Мы берем эту территорию». Угрозы суверенитету Канады в Арктике нет. Мы совсем не обеспокоены этой миссией – по существу, это лишь шоу, устроенное Россией» [CTV, 02.08.2007. URL: <http://grani.ru/Economy/m.125661.html>]. В мире заговорили о громком пиаре и недопустимых амбициях русских. Оценивая реакцию госдепа вообще можно было прийти к выводу, что США восприняли установку российского флага на дне океана на Северном полюсе чуть ли не как объявление войны за Арктику.

Возникают вопросы: почему научная полярная экспедиция вызвала столь значительный международный резонанс, в большей степени негативный со стороны циркумполярных государств? Почему это российское «шоу», полярный перформанс по западной терминологии,

так обеспокоили зарубежных дипломатов? Может быть, самое разумное объяснение в том, что это была вполне ожидаемая реакция на установку российского флага на дне Северного Ледовитого океана как проявление застарелой болезни – русофобии. Речь при этом не шла о научных результатах экспедиции, а в основном об её политических последствиях.

С сожалением приходится констатировать, что политизация арктического пространства, отражаясь в СМИ, несёт мощный заряд арктической русофобии. Большой взвешенно-

стью отличаются научные публикации. Война за арктические природные ресурсы (нефть и газ) маловероятна, как считает, например Roger Howard, автор, специализирующийся на международных отношениях [19]. Но его книгу «The Arctic Gold Rush: The New Race for Tomorrow's Natural Resources» можно рассматривать и как пример отражения русофобии на Западе в связи с полярной экспедицией А. Н. Чилингарова в 2007 году. R. Howard пишет о том, что место, где два российских исследователя (Anatoly Sagalevich, Artur Chilingarov) надеялись сделать историю и драматично захватить внимание внешнего мира, было холодное и со-

вершенно неотразимое. До каждого отдаленного горизонта они могли видеть только замороженный, бесплодный пейзаж, который, казалось, пылал блестяще ниже яркого солнца и светло-голубого неба. Нигде в этой ледяной пустыне не было никакой формы жизни или движения, только тишина и всеобъемлющая изоляция. Это не было простым подвигом. В таких чрезвычайных температурах происходит замораживание машин, сбой жизни инструментов, и возвращение их назад, на поверхность было бы еще более трудным из-за движущихся ледяных плавающих льдин. Если бы они были не в состоянии найти точное пятно, где начали погружение, то субмарины были бы неспособны сломать лед выше их, и команда оказалась бы перед медленной, агонизирующей смертью, поскольку подача воздуха медленно заканчивалась. Но команда была идеально квалифицирована, чтобы предпринять такую опасную миссию⁹.

Отдав должное подвигу, совершенному в таких опасных условиях, R. Howard всё же считает эту экспедицию провокацией, способствующей распространению страхов перед Россией. В качестве одного из аргументов он ссылается на патриотические утверждения А. Чилингарова «Russia is a great polar empire», что Россия есть большая полярная империя. Оценивая российскую полярную экспедицию как часть тщательно запланированной операции, подтверждающей требование России на часть региона, который, казалось, никому не принадлежал, R. Howard считает установку российского флага чисто символической акцией и совершенно справедливо подчеркивает, что установка флага в любой части мира не дает никакой стране права управлять этим. Здесь он близок к оценке полярной экспедиции как перформанса, переходящего в арктические фобии. Ведь даже такая символическая акция вызывает у некоторых людей худшие страхи о русских, сомнения о захвате большей части Арктики для себя. Причиной страхов, по мнению R. Howard, являются риторика некоторых по-

⁹ Roger Howard допускает при этом неточности в составе экипажей «Мир-1» и «Мир-2» при погружении на дно СЛО, совсем не упоминает о Фредерике Паулсене, Майке МакДауэлле и других участниках погружения.

литических лидеров и провокации, такие как подводные экспедиции, сделанные российскими субмаринами в августе 2007 года, которые способствовали распространению страхов о том, что Арктика может быть будущим полем битвы за нефть и природный газ [19, с. 64].

Нам, живущим в России, очень трудно понять, почему необходимо считать провокацией крупнейшее научное достижение нашей страны. Полет Ю. Гагарина в космос, если следовать такой логике, тогда тоже надо считать провокацией XX столетия? Заметим при этом, что подобные фобии действительно реально распространены в западном общественном мнении. И тут ничего не поделаешь, так как русофобия давно уже стала характерной чертой менталитета большинства западных политиков, журналистов и других социальных групп.

R. Howard пишет также о страхах сокращения природных ресурсов в мире, особенно нефти; о возможном сценарии brutальной, горькой и кровавой конфронтации между конкурирующими международными силами, которые отчаянно пытаются приобретать уменьшающуюся в мире поставку природных ресурсов. Однако необходимо подчеркнуть, что всё же центральным аргументом книги «The Arctic Gold Rush» является утверждение автора о том, что военный сценарий в Арктике менее вероятен, чем в другом месте, что события августа 2007 года вряд ли будут прелюдией к будущей войне за ресурсы в Арктике. По его мнению, не исключена опасность случайной войны из-за существующих проблем с территориальными притязаниями, собственностью в Арктике. В любом случае, у правительств есть другой путь, более эффективный и менее дорогостоящий, чем использование военной силы, которым они могут получить доступ к редким предметам потребления.

«Очень боятся на Западе и нового кризиса, связанного с эксплуатацией Северного морского пути. Изменение климата открывает Северный морской путь для европейских потребителей, и это также может дать России средство шантажа Запада», – пишет Roger How-

ard в своей статье о следующем Суэцком кризисе [20]. Он отмечает, что Северный морской путь вдоль арктического побережья России из Южной Кореи через Берингов пролив становится доступным в условиях глобального потепления и может стать свободным ото льда в течение большей части года. Этот маршрут свяжет Европу с бумом азиатских рынков, сократив расстояние и время в пути через Су-

эцкий и Панамский каналы на целую треть. Грузоотправители, клиенты выиграют от снижения цен. Однако далее R. Howard начинает нагнетать страхи о том, что Россия может заблокировать суда недружественных стран. «Политическая цена активного Северного морского пути, однако, не может быть столь привлекательной», – подчеркивает R. Howard. Москва играет от этой коммерческой линии в Северном Ледовитом океане двумя различными способами. С одной стороны, это могут быть потенциально непомерные доходы за транзит, тонко

замаскированные под «ледокольную плату», даже если такое сопровождение является необходимым для судов. Но, что еще более важно, русские могли бы потенциально использовать прохождение как политический козырь, угрожая блокировать или затруднять движение судов недружественных государств. Появление Северного морского пути или даже сама его перспектива, добавят, по выражению R. Howard, значительную «политическую огневую мощь» на вооружение Кремля. Вместе с повышением цен на нефть и газ, ожидаемых в течение следующих нескольких лет, это может быть рецептом для усиления политического веса России. Далее в статье проводится аналогия с Суэцким каналом, когда Гамаль Насер, национализировав канал, ввёл огромные транзитные сборы и право блокировать доставку грузов. Энтони Иден был встревожен тогда тем, что Насер держал свой «палец на нашем дыхательном горле». Конечно, русские лидеры не будут иметь так много рычагов: в отличие от Суэцкого канала нефть Ближнего Востока никогда не достигнет западных рынков через Северной морской путь. Реальное сравнение заключается в том, что контроль Москвы над СМП может изменить его дух, позволит запутывать соседей так же, как при национализации компании Суэцкого канала. Именно в этом смысле Северный морской путь может стать следующим Суэцом», – резюмирует R. Howard.

Подобную позицию Запада можно назвать с полным основанием новой арктической фобией перед открывающимся Северным морским путём. Ждут своего исследователя и другие зарубежные публикации, связанные с Арктикой и Севером, в которых имеется немало интересных выводов, наблюдений. Чарльз Эммерсон, автор книги «The Future History of the Arctic», например, очень тонко подметил: «В Арктике авантюризм неотделим от высокой политики» [21]. Арктика особенно уязвима для быстрого изменения из-за резкого климата, – считают Richard Sale, Eugene Potapov, авторы книги «The Scramble for the Arctic: Ownership, Exploitation and Conflict in the Far North» [22, с. 11].

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что данная статья представляет первый скромный опыт социально-философского осмысления арктических фобий как социального явления. Фобии рассматриваются здесь не просто как страхи или опасения отдельного человека, а как длительные угрозы, тревожные ожидания социальных общностей и институтов, социально-этнических групп, имеющие прямое или опосредованное отношение к арктической проблематике. Арктика всё ещё остается для многих людей неизвестной и опасной землей, источником многих фобий. Её справедливо называют «страной ледяного ужаса». Здесь социальные фобии, вызванные природными явлениями, накладываются на отношения между людьми и коррелируются с вечной проблемой выживания всего человечества, в той или иной степени отражая глобальную проблематику. Можно выдвинуть гипотезу, что арктические социальные фобии нередко становятся массовыми и охватывают большие социальные группы, социальные институты во многих странах мира. В той или иной степени постоянные страхи и опасения присущи всем современным цивилизациям, не исключая циркумполярную.

Рамки статьи не позволяют всесторонне рассмотреть все проблемы проявления и понимания арктических социальных фобий. Поэтому в самом первом приближении к изучению данной проблемы возможно было остановиться лишь на отдельных концептуальных положе-

ниях, имеющих отношение к арктической проблематике социальных фобий и требующих их дальнейшего социально-философского анализа. Тема арктических социальных фобий только начинает изучаться и автор надеется, что её исследование будет продолжено.

Литература

1. Кривцов Константин. Цвет мерзлоты // Полярная антология. – М.: Изд. «Паулсен», 2010. – С. 33.
2. Сагалакова О. А. Социальная фобия: психосемантический анализ алгоритмов эмоционально-когнитивного реагирования на социальные ситуации: Дис. канд. психол. наук: 19.00.04. Томск, 2005. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/161827.html> (дата обращения: 27.07.2010).
3. Пеннанен Вероника. Новые рубежи: североевропейский журнал. – 2010. – № 5 (68). – С. 6.
4. Dossey Donald. Тринадцатой пятницы боятся с древности. URL: <http://science.km.ru/magazin/view.asp?id=E332D76FA6104954AC11F2DA17560BB3> (дата обращения: 06.03.2011).
5. Wiseman Richard. Как поймать удачу. – Минск: изд-во «Попурри», 2006. URL: <http://buildyourself.ru/articles/4-sekreta-udachi.html> (дата обращения: 27.11.2010).
6. Балашов Л. Е. Жизнь, смерть, бессмертие. 2-е издание, испр., дополненное, с приложениями. – М., 2005. URL: <http://hpsy.ru/public/x2195.htm> (дата обращения: 22.08.2010).
7. Блок А. Собр. соч. в шести томах. Т. 3. Стихотворения. 1907–1916. – М.: Огонёк, 1971. – С. 24, 47, 49, 52, 62, 63, 100, 123, 173, 177, 322 и др.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt> (дата обращения: 22.08.2010).
9. Дрегалю А. А., Ульяновский В. И. «Nordman»: пролегомены к социально культурной типологии // Арктика и Север. – 2011. – № 1. – С. 14-34. URL: <http://narfu.ru/aan/>.
10. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов/ под общей редакцией И. М. Клямкина. – М.: Новое издательство, 2011. – 538 с.
11. Джин Шарп: ненасильственная революция. Автор руководства по ненасильственному протесту рассказал, как важно поверить в себя и победить страх. URL: <http://www.voanews.com/russian/news/Non-Violent-Revolt-Gene-Sharp-02-18-2011-116511263.html> (дата обращения: 31.12.2011).
12. Сапогова Е. Чего боятся россияне // URL: http://wciom.ru/archives/thematic-archive/info-material/single/3715.html?no_cache=1&L%5B0%5D=0&cHash=8d17f403ae (дата обращения: 25.04.2009).
13. Добрынина Е. Синица в руках, буреветник в небе: Социологи выяснили, чего всерьез боятся россияне и так ли страшен для них кризис // Российская газета. – 2008. – 22 декабря.
14. Можаровский Г. С. Американское геофизическое оружие – HAARP. URL: <http://siac.com.ua/index.php?option.=1075&Itemid=59> (дата обращения: 29.01.2011).

15. Вострухин В. Вашингтон готовит глобальное оружие против всех и глобальный теракт против своего населения // Правда. – 2002. – 9 сентября.
16. Гусева Н. Р. Русский Север – прародина индославов. – М.: Вече, 2010. – 304 с.
17. Петухов Ю. Д. История древних русов. – М.: Вече, 2009. – 464 с.
18. Алексеев С. В. Славянская Европа V-VIII веков. – М.: Вече, 2009. – 528 с.
19. Howard Roger. The Arctic Gold Rush: The New Race for Tomorrow's Natural Resources. London: First published, 2009. – 259 с.
20. Roger Howard. The next Suez (23.09.2009). URL: <http://www.thefirstpost.co.uk/53899,news-comment,news-politics,the-northeast-passage-could-enable-russia-to-blackmail-europe> (дата обращения: 29.01.2011).
21. Эммерсон Ч. Чего Москва хочет в Арктике // The Financial Times. URL: http://rus.ruvr.ru/by_source/1563279/index.html (дата обращения: 01.05.2010).
22. Sale Richard, Potapov Eugene. The Scramble for the Arctic: Ownership, Exploitation and Conflict in the Far North. London: Frances Lincoln Ltd, 2010.

Рецензент – А. Н. Соловьева,
доктор философских наук, профессор

УДК 11+13+008+327+316(42+722)

Арктический проект в формировании глобального социума

© **Гореликов** Лев Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национальной металлургической академии Украины. Автор более 160 научных публикаций. *Приоритетные темы исследований:* социальная философия, философия истории, онтология и теория познания, методология научного познания, социокультурная антропология, этнология. Контактный телефон: +38 063 990 68 39. E-mail: lev_gorelikov@mail.ru.

В статье исследуются духовно-нравственные и объективно-исторические основания формирования глобального социума в содержании мировой целостности. Раскрывается историческая логика в развитии мирового социума как возвышение общественной практики от требований природной необходимости к стратегии творческой, вселенской свободы. Обосновывается ведущая роль арктической цивилизации в гуманистической консолидации человечества.

Ключевые слова: *глобальный социум, духовное творчество, национальная идея, вселенский гуманизм, арктическая цивилизация, мировая целостность.*

Arctic project on the development of global society

© **Gorelikov** Lev, Ph.D. of Philosophy, professor of the department of social and humanitarian disciplines of the National Metallurgical Academy of Ukraine. The author more than 160 scientific publications. *Priority research topics:* social philosophy, history philosophy, ontology and the knowledge theory, methodology of scientific knowledge, socio-cultural anthropology, ethnology. Contact Phone: +38 063 990 68 39. E-mail: lev_gorelikov@mail.ru.

Abstract

The article investigates the spiritual, moral and historical grounds of objectively formation of a global society in the world content integrity. Expands the historical logic of the development of world society as the rise of social practice from the requirements of natural necessity to creative strategies, universal freedom. Substantiates the key role of the Arctic in a humanistic civilization and consolidation of humanity.

Keywords: *global society, spiritual creation, the national idea, the universal humanism, Arctic civilization, the world's integrity.*

Наступившее столетие будет переломным в формировании человечества как единого планетарного социума, как общества всемирной Культуры. Современный человек должен преодолеть власть внешней необходимости и постичь в природной и социальной действительности не границу личной свободы, а объективную предпосылку ее высшего выражения. В XXI веке на смену техногенной цивилизации должна прийти духовно-творческая форма организации общественной жизни на основе гуманизации образования, универсализации

общественного интеллекта и генерализации в общественной практике императивов социо-природной гармонии. Важную роль в гуманизации и гармонизации жизни мирового сообщества XXI века призвана сыграть Россия как центральное звено в духовном сопряжении культур Запада и Востока.

Всемирная драма человечества очерчивается своими мировоззренческими переломами. Судьбы народов сокрыты в духовных истоках их исторической деятельности. В XX веке человек вознесся на небывалую высоту производственного могущества. Этот же век показал и чудовищную разрушительность неразумного применения данной мощи, засвидетельствовав в глобальных проблемах современности, что односторонние знания несут не только созидательный смысл, но и безумие хаоса. Остановить распад бытия можно лишь предельной концентрацией духовной энергии человека, посредством полного развертывания творческой сути человеческого духа. «Ведь всемирная история, – по мысли Гегеля, – есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания»¹.

Понятие «дух», возникшее в недрах религиозно-мифологического сознания, получило категориально-логическое осмысление в философии Гегеля, обозначив здесь всеобщее внутреннее основание практической деятельности человеческих сообществ, возвышающее их жизнь над естественной необходимостью природных процессов. Природа и Дух, в его понимании, представляют разные способы претворения универсальной сущности бытия, мировой субстанции, выступающей в неограниченном единстве своих возможностей как «абсолютная идея», как «истина в себе и для себя, абсолютное единство понятия и объективности»². Абсолютное определение «идеи» характеризует ее как творческую силу бытия. Коренная суть абсолютной идеи как завершенной полноты сущего состоит, по словам Гегеля, «в возвращении к себе через свое самоопределение или обоснование... Природа и Дух суть вообще различные способы представить ее наличное бытие»³. Если Природа являет абсолютную идею в «обратной перспективе», в раздробленной и преходящей форме, то одухотворенная жизнь человечества обозначает ее истинный облик, выступает как динамическое явление абсолютного начала, единого и вечного бытия, как движущийся образ вечности. «Абсолютное, – по логике Гегеля, – есть дух; таково высшее определение абсолютного»⁴. Дух – это всеобщее внутреннее основание созидательной деятельности людей, воплощенный мировой разум как действительный способ реализации полноты их творческих сил, то есть динамическое претворение абсолютного единства сущего в необходимой взаимосвязи телесных форм общественной практики.

Всеобщим способом реализации творческих потенциалов мирового разума, согласно христианскому вероучению, является сила Любви, определяющая целостность всех частей мироздания. Творческая полнота Любви получает религиозно-нравственное осмысление в идее самопожертвования как высшем законе человеческой жизни, определяющем историческое становление «небесного царства», то есть общества вселенского гуманизма – глобального

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – С. 51.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: Мысль, 1975. – С. 399.

³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1972. – С. 288–289.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – С. 29.

социального объединения людей как выражения их разумной сути. Концепция боговоплощения, утверждающая претворение полноты истины в телесном облике Иисуса Христа, направляет человеческий разум на поиски земных проявлений закона всемирной Любви в практической деятельности людей. Сознательный характер формирования глобального социума как всемирного объединения человечества предполагает осуществление в общественной практике идеального, духовного смысла бытия и выдвигает на передний план социального познания проблему определения генерального субъекта, главного земного проектировщика грядущего общества вселенского гуманизма.

Руководствуясь идеей христианского гуманизма о единстве Бога и человека нужно признать, что «высший смысл» жизни народов не скрывается от человеческого разума в потустороннем мире, а управляет земными делами людей как всеобщий закон их исторической практики, как генеральная цель их совместных действий. Земной проекцией созидательной энергии Вселенского Разума становится практический ум народных масс, определяющий единство их коллективной воли и сконцентрированный в «национальной идее». «Ибо идея нации, – подчеркивает Владимир Соловьев, – есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что бог думает о ней в вечности» [1, с. 220]. Действительно целостный, созидательный потенциал практической воли людей обозначается одухотворенной жизнью этнических сообществ, представляющих внутреннее, душевное родство индивида и коллектива. «По существенному своему значению, – подчеркивает В. С. Соловьев, – общество не есть внешний предел личности, а ее внутреннее восполнение» [2, с. 284]. Этнос – это естественноисторическая общность людей, связанных между собой единством происхождения и исторической судьбы, узами кровного и духовного родства, совместного хозяйства, общностью территории, языка, культуры. Высшей формой существования этнического сообщества является нация как социокультурный продукт целенаправленного воспроизводства людьми особенностей совместной жизни на основе сложившегося общественного идеала, путем самоопределения своей «национальной идеи». Можно сказать, что «идея», сокровенный дух идеального единения, преобразует народ в «нацию». В этом плане «нация» есть этнокультурная общность людей, связанных духовным единством и осмысленно развивающихся в совместной деятельности родовую особенность, сознательно утверждающих свою самобытность в мировом сообществе на основе «национальной идеи». В силу духовной природы людей подлинными творцами всемирной истории человечества являются не абстрактные классы и сословия, а одухотворенные, цельные «личности», выступающие в виде индивидуальных лиц и этнокультурных сообществ. В глобальной перестройке современного социума, подчеркивает Ю. Ф. Лукин, культура «становится определяющим экс-территориальным фактором идентификации каждого человека и этнических общностей, формирования новой глобальной солидарности людей и одновременно нарастания их автономности, отчуждения в XXI веке» [3, с. 60].

Творческое начало присутствует в жизни каждого народа. Однако степень этого присутствия неодинакова в повседневной практике различных этносов. Вселенское объединение человечества будет определяться деятельностью наиболее самобытного в творческом самовыражении этнокультурного сообщества. Жизнь такого субъекта мировой истории должна отличаться от житейских установок иных народов максимальной человечностью, способно-

стью сопереживать и понимать чувства всякого человека, а значит, иметь главным своим достоинством искренность чувств и поступков, то есть правдивость в словах и делах, в следовании вечному зову бытия.

Сегодня определяющей силой мировой истории выступает Западная цивилизация во главе с США. Однако стратегия Западной цивилизации носит технократический характер, руководствуется логикой абстрактно-математического интеллекта, направленного на неограниченную эксплуатацию природных ресурсов и унификацию региональных культур. Если Западная цивилизация стремится ослабить социальные противоречия посредством технократического насилия над природным окружением, подталкивая мир к экологической катастрофе, то Восточная цивилизация пытается поддерживать равновесие с природой, но за счет консервации социальных традиций в разделении населения на низших и высших, привязанных к «земле» и возвышенных к «богу». Если Восток исповедует внутреннюю, но локальную необходимость, то Запад руководствуется всеобщей, но внешней механической необходимостью. Идейное различие этих культур неизбежно порождает «геополитическое противостояние в мире «общинных цивилизаций» Востока и «индивидуалистической цивилизации» Запада» [4, с. 196]. Для ослабления деструктивных процессов в современном мире, грозящих перерасти в войну цивилизаций, надо прежде всего определить истинного субъекта глобальной консолидации человечества, способного преодолеть односторонние смыслы стратегий Запада и Востока и выразить интересы всей мировой цивилизации, раскрыть ее всеобщий созидательный ум.

Философия Гегеля, выразившая логическую суть западного мышления, рисует картину всемирной истории человечества как процесс поэтапного его восхождения к полноте разумной свободы в совместной деятельности людей. Глобальными этапами этого восхождения становятся, говоря языком нашего времени, эпохи Дикости, Цивилизации, Культуры, представляющие, соответственно, первобытное стихийное прошлое человечества, его субъективно-произвольное, «полусознательное» корпоративно-классовое настоящее и разумно-всеобщее будущее. «Здесь следует только упомянуть, что первую ступенью является... погружение духа в естественность; вторая ступень – это выход из этого состояния и сознание своей свободы. Но этот первый отрыв (от естественности) не полон и частичен... Третьей ступенью является возвышение от этой еще частной свободы до ее чистой всеобщности, до самосознания и сознания собственного достоинства самой сущности духовности»⁵. Претворение потенциалов духовной свободы осуществляется, согласно логике Гегеля, в особых видах практической деятельности людских масс и протекает на фоне соответствующих природных условий, в единстве с материальными факторами. «Различные географические принципы суть развившиеся в себе и выраженные формы»⁶. При этом немецкий мыслитель считает географическим центром закономерного хода мировой истории природную зону Старого Света в естественном сопряжении Африки, Азии и Европы. Логика мировой истории, в понимании Гегеля, не скрывается от заинтересованного взгляда людей, а лежит на поверхности их природной жизни, обозначена естественным ландшафтом основных частей Старого Света, направляю-

⁵ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – С. 53–54.

⁶ Там же. С. 94.

щих движение мирового Духа от «тождества» горных массивов Африки через «разделение» горных и низменных зон Азии к «единству» противоположностей в природной среде Европы. Полная свобода духа, считает немецкий идеалист, утверждает свою действительность в Европе, собственным ареалом которой служит морская стихия, открывающая свои тайны лишь ухищрениям человеческого ума. Основными вехами претворения духа свободы в развитии мировой цивилизации стали, по Гегелю, способы организации политической власти: «Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны. Итак, первая форма... есть деспотизм, вторая – демократия и аристократия, третья – монархия»⁷.

Однако свобода, безмерно развитая германским духом, породила в современном социуме глобальные противоречия, грозящие взорвать человеческую цивилизацию и буквально доказать справедливость гегелевской концепции о Западе как «конце» мировой истории. У Гегеля исторический путь к всемирному единению людей завершается в настоящем, лишь намечая возможность будущего движения. Это будущее определяется у Гегеля геополитической дифференциацией европейских стран на южные, центральные и северо-восточные. Общая логика развития мировой культуры выражает не только движение творческого духа человечества с Востока на Запад, но также его перемещение с Юга на Север и подключение к всемирно-исторической деятельности энергии славянских народов, в жизненной практике которых реализуется «северный синтез» потенциалов Запада и Востока. «Доминировавшая до недавнего времени евроцентристская дихотомия Запада и Востока, – констатируют А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновский, – органически дополняется обозначением цивилизационных ориентаций по географическим концептам «Запад», «Восток», «Север», «Юг» [5, с. 16].

Среди славянских народов наиболее глубокими корнями в восточном мире обладает русский этнос. Именно Россия, полагал Н. А. Бердяев, станет живым началом творческого сращения культур Запада и Востока. «Россия не может определять себя, как Восток, и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [6, с. 244]. Если принципом западного мышления служит требование «единства противоположностей», то генеральной идеей русской души становится сверхлогический императив божественного «вдохновения», «творческого обновления» бытия, сокровенный дух которого выражен в христианской идеологии самопожертвования как «сверхличностном самоопределении» человека в свете абсолютной истины. «Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и к абсолютной любви» [6, с. 247]. Конечной тайной мировой истории является дух творчества, пробудить который к всемирному действию и призван всечеловеческий, соборный настрой русской души.

Действительной формой реализации полноты мудрости в практическом сознании людей служит мировоззрение, концептуально-логическим средоточием которого выступает философия. В силу субстанциональной роли философии в разумном самоопределении народов логика ее саморазвития оказывается идеальной мерой интеллектуального прогресса мирового сообщества. Поэтому характер свободного развития новоевропейской философии может

⁷ Там же. С. 98–99.

служить интеллектуальным ориентиром действительного прогресса современного общества, возникшего на исторической арене в эпоху Возрождения. Если философская мысль Италии того времени была нацелена на восстановление интеллектуального наследия античной культуры, то его логическую суть выразил декартовский рационализм, ставший идейным базисом развития логико-математических наук, определивший категориальный дух эпохи Просвещения и утвердивший в XVII–XVIII веках Францию центром мировой цивилизации. Вместе с французским рационализмом и в идейном споре с ним развивается британский эмпиризм, способствовавший в XIX–XX веках интенсивному росту естественноисторических знаний, определивших энергетические возможности индустриального общества и утвердивших идейным лидером современной техногенной цивилизации англо-саксонскую социокультурную общность.

Вслед за догматическим мышлением рационализма и эмпиризма приходит трансцендентально-критический идеализм немецкой классической философии, раскрывшей в категориальных формах логического рассудка творческий характер мировой истории и ставшей идейным основанием интеллектуального самоопределения социально-исторических и гуманитарно-психологических наук. Общая логика «философского руководства» развития современного мирового сообщества, а также логическая цельность и идейное богатство немецкой классической философии позволяют сделать исторический прогноз, что лидером мировой культуры в XXI веке будет объединенная Германия. Но та же логика развития мировой философии свидетельствует о бурном росте в XIX–XX веках русской философской мысли, воспитанной на идеях немецкой философской классики и ставшей последовательным преодолением ее логического формализма. Эмпирическая логика интеллектуального развития современного общества подтверждает мысль Гегеля о Германии как завершающей социальной форме в становлении логической культуры Западной цивилизации и «северном векторе» всемирно-исторического процесса как генеральном направлении духовного прогресса человечества. Социальным средоточием «северного духа» в жизни современного мирового сообщества является российский социум, связавший в XIX веке всечеловеческой природой «русской души» северные земли Европы, Азии и Америки и ставший, тем самым, особой мировой цивилизацией наряду с Западной и Восточной.

Социально-практическим ликом «русской души» выступает «евразийская культура» России и «русский мир» как ее самобытная идейная суть, не раздвоенная между Европой и Азией, а собранная в особое историческое единство. Объективным выражением исторического единства «русского мира» служит Арктическая цивилизация как качественное завершение северных устремлений мировой истории. Одним из главных итогов идейного развития российского социума в XX веке стало осознание им своего исторического существования как осуществления Арктической цивилизации, отличной не только от жизненных стратегий Востока и Запада в их раздельности, но и взаимном сопряжении, возвышенной над их локальными историческими смыслами. «На Севере сходятся начала и концы русской идеи, альфа и омега священного космоса русской жизни» [7, с. 42–43]. В новом столетии Россия должна перестать быть лишь транспортной артерией между Европой и Азией и представить миру свое истинное, цивилизационное Арктическое лицо [8, 2011].

Геополитический горизонт в развитии современной цивилизации все в большей мере определяется борьбой за природные ресурсы Арктики. «Разворачивающаяся борьба за контроль над Арктикой далеко не случайна... в регионе находится четверть неразведанных запасов углеводородов мира» [9, с. 43–48]. Не Европа, а Арктика выступает зримым завершением восхождения человечества к утверждению полноты разумной свободы человека. Поэтому конечная Истина мировой истории человечества открывается нашему разумению в природных особенностях Арктики, внутренней сути которых является «вечная мерзлота». Монолит «вечной мерзлоты» кладет предел техногенной экспансии человечества и требует от него действий в строгом соответствии с вечными законами природного бытия. «Общество Севера, – отмечают современные исследователи, – рассматривается как селективное – жестко разграничивающее одобряемые модели поведения от отвергаемых и недопустимых... Для «северного человека» характерно соотносываться, с одной стороны, с личным суждением по тому или иному вопросу, а с другой – апеллировать непосредственно к высшим ценностям и высшим уровням социальной иерархии» [5, с. 16]. В Арктике восстанавливается существенная роль изначальной, приспособительной логики взаимоотношений человека с природой, но уже не в локальных ее параметрах, а вселенских, не в частной, а всемирной необходимости. Действительный образ всемирной необходимости раскрывается нашему разуму в процессах единения, консолидации, приращения бытия, первопричиной которых служит сила созидания, энергия творения. Поэтому главным законом утверждающейся Арктической цивилизации становится принцип творчества, духовного совершенствования людей.

В арктической зоне все разнообразие явлений природы и форм жизни сведено к минимуму. На фоне максимального постоянства природного окружения, заданного условиями «вечной мерзлоты», потребность людей в широком внешнем общении как канале поступления новой информации замирает, концентрируется в пределах ближайшего семейного круга. В этом историческом контексте на передний план современной общественной практики выдвигается не задача расширенного общения с соседними культурами, а проблема выживания и прежде всего продолжения рода, воспроизводства новых поколений, но уже не в локальных особенностях их природно-телесного существования, а в универсальных потребностях духовного образования человека, воспитания ребенка как цельной личности. Культура Арктической цивилизации – это целостное, качественное завершение «детской ментальности», настроенной на воспроизводство универсального духовного опыта социума в новых поколениях людей, на непрерывное самообучение человечества в свете высшей истины. Об этом детском, нравственно чистом качестве грядущего общества мировой Культуры говорил некогда своим ученикам Иисус Христос: «Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном»⁸. Поэтому идейной основой арктической стратегии в формировании общества мировой Культуры служит система воспитания и образования.

В природных условиях «вечной мерзлоты» главной сферой общественной практики Арктической цивилизации становится образовательная деятельность, направленная на усвоение личностью универсальных потенциалов созидательной деятельности всего человеческого сообщества. В процессе образования, подчеркивает Гегель, «каждый субъект... делает

⁸ Новый завет. Евангелие от Матфея. 18: 1–4.

свою собственность непосредственно всеобщностью... полагает себя как всеобщее и тем самым... обретает по отношению к себе потенциальность и всеобщность и таким образом становится особенным»⁹. В арктической среде всеобщий опыт совместной жизни людей оказывается универсальным основанием духовного становления личности. Но, с другой стороны, в застывшей природной среде дух человеческий концентрирует свое внимание на внутренних переживаниях самих индивидов, пробуждая у них потребность самосозерцания, углубляя рефлексивную способность самопознания, развивая чуткость их мировосприятия в детализации бытия, формируя культуру творческого воображения. В наибольшей степени способность к творческому воображению характерна для детской ментальности, которая и становится объектом сознательного культивирования в будущем обществе всемирной Культуры: «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное»¹⁰.

Наиболее характерной чертой современной отечественной социальной традиции, взращенной в лоне раскрепощенной, революционной ментальности русской интеллигенции как идейной сути зрелого «российского социума», стала вера в «истинный дух» молодежи, способной перестроить общество на основах высшей справедливости. «И если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то среди нашей интеллигенции такую роль естественно заняла учащаяся молодежь... это объясняется духовным складом интеллигенции, остающейся на всю жизнь... тою же учащуюся молодежь в своем мировоззрении»[10, с. 47–48]. В этой истинно «русской вере» не опыт прошлого выстраивает контуры грядущего мира, а «чистый образ» идеального будущего. Вечный дух ученичества, образовательного настроения интеллигенции будет определять разумные пути грядущей глобальной истории человечества.

Арктическое самосознание – это осознание себя в глобальных измерениях бытия, постижение человеческих способностей на фоне безбрежных просторов мироздания. Следовательно, это самосознание есть исходная форма вселенского мировосприятия человечества, завершившего начальное воспитание в локальных пределах земной природной среды и вступившего на путь освоения иных планетных миров. В пространстве «вечной мерзлоты» Вселенной главной движущей силой космической истории человечества становится творческое осмысление действительности, основанное на личностном самопознании человека, на идеальных смыслах слов, направленных на совершенствование нашего духовного существа. Концепция Гегеля о развитии мирового сообщества как исторического процесса претворения «разумной свободы» обретает сегодня наиболее полное воплощение в жизни «Арктической цивилизации» как первой социально-исторической формы действительно «вселенской культуры» человечества.

Русский дух в своей «вселенской проекции» оказывается вечным стремлением к истине, бесконечным процессом познания, идейной сутью которого является творчество. Энергия духовного творчества становится направляющим лучом в утверждении космического буду-

⁹ Гегель Г. В. Ф. Система нравственности // Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 285–286.

¹⁰ Новый завет. Евангелие от Матфея. 19:14.

щего человечества, историческим началом которого и выступает русско-евразийская, Арктическая цивилизация.

Литература

1. Соловьев В. С. Русская идея // Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 220.
2. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 284.
3. Лукин Ю. Ф. Перформанс этнокультурного ландшафта Арктики в глобальном и региональном измерениях // Арктика и Север: Электронный научный журнал. – 2011. – № 1 (февраль). – С. 60. URL: http://narfu.ru/aan/archive/AaN_2011_1.pdf (дата обращения: 20.03.2011).
4. Субетто А. И. Битва за Россию: 1991–2008 гг. – СПб.; Кострома: КГУ им Н. А. Некрасова, 2009. – С. 196.
5. Дрегалю А. А., Ульяновский В. И. Nordman: пролегомены к социально-культурной типологии северного человека // Арктика и Север: Электронный научный журнал. – 2011. – № 1 (февраль). – С. 16. URL: http://narfu.ru/aan/archive/AaN_2011_1.pdf (дата обращения: 21.03.2011)
6. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. – М.: Сварог и К, 1997. – С. 244.
7. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – С. 42–43.
8. Путин В. В. Выступление на II международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога». 22.09.2011. URL: <http://premier.gov.ru/visits/ru/16523/events/16536/> (дата обращения: 24.09.2011).
9. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктика на перекрестье геополитических интересов // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 9. – С. 43–48.
10. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Репринт. изд. 1909 г. – М.: Новости, 1990. – С. 47–48.

Рецензент – А. А. Дрегалю,
доктор философских наук, профессор

Геополитика

УДК 327(470+481)(091)(045)

Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне

© **Нильсен** Йенс Петтер, профессор, институт истории и религиоведения, Университет Тромсе, (Норвегия). Контактный телефон: +47 4 43 54. E-mail: jens.petter.nielsen@uit.no.

© **Зайков** Константин Сергеевич, докторант, институт истории и религиоведения, Университет Тромсе, (Норвегия). Контактный телефон: +47 968 235 89. E-mail: konstantin.zaikov@uit.no.

В статье авторы анализируют основные вехи в истории российско-норвежской границы, выделяя три ключевых этапа: 1) Средние века и раннее Новое время – это период существования фронтальной зоны и общего фискального округа, постепенно сокращающихся в процессе проникновения государства на Север; 2) советский период с почти герметичной государственной границей; 3) современный период, отличающийся интеграционными процессами, прозрачными границами и инициативами по созданию современных форм «общего округа».

Ключевые слова: *российско-норвежская граница, Поморская зона, общие округа, история, российско-норвежские отношения.*

The Norwegian-Russian Arctic Borderland: from the common districts till Pomor zone

© **Nielsen** Jens Petter, Professor, Institute of History and Religious Studies, University of Tromsø (Norway). Contact Phone: +47 4 43 54. E-mail: jens.petter.nielsen@uit.no.

© **Zaikov** Konstantin, Ph.D., Institute of History and Religious Studies, University of Tromsø (Norway). Contact Phone: +47 968 235 89. E-mail: konstantin.zaikov@uit.no.

Abstract

In the present article the authors analyse the history of the Norwegian-Russian state border. Three main periods are pointed out. In the middle ages and Early Modern Period there existed a large frontier or common taxation district. Thence the common district gradually shrank until in 1826 a permanent territorial border was drawn. In the Soviet epoch the border became almost hermetically closed. To-day it is again opening up and politicians and researchers on both sides

are discussing the possibility of establishing a joint Special Economic Zone (SEZ), a new and modern form of “common district”.

Keywords: *the Russian-Norwegian border, the Pomor zone, the general districts, history, the Russian-Norwegian relations.*

Идея создания особой экономической зоны (ОЭЗ), так называемой «Поморской зоны», располагающейся вдоль субарктического побережья Баренцева моря в пограничной области между Россией и Норвегией, является инициативой, не так давно принятой правительствами обеих стран [1, 2009]. Однако в истории российско-норвежских приграничных отношений идея единой приграничной зоны не нова. В XVIII – начале XIX веков прототипом современной Поморской зоны, единого микрорегиона, было пространство «общих округов» (Южный Варангер), включавшее территорию современного расположения норвежско-русской границы. Общее пространство сложилось еще в Средние века, и оно было намного больше территории «округов» XIX века. Географически они охватывали весь Финнмарк («саамскую землю») – береговую линию, приблизительно от современного Тромсе в Северной Норвегии до Белого моря на востоке, а также огромные территории во внутренних районах Северной Фенноскандинавии и Кольского полуострова. Обозначенное пространство соответствует территории, которую в настоящее время мы называем Северный Калот (Заполярье), включающей, в широком понимании, также и Кольский полуостров. Первоначально эта территория была однородной. Вплоть до XIII века Финнмарк представлял собой единый культурный регион с низкой плотностью коренного саамского населения. Между различными саамскими сийтами и их территориями, конечно, существовали границы, но данная область была безграничной в том смысле, что там не существовало границ между государствами [2, с. 31–95].

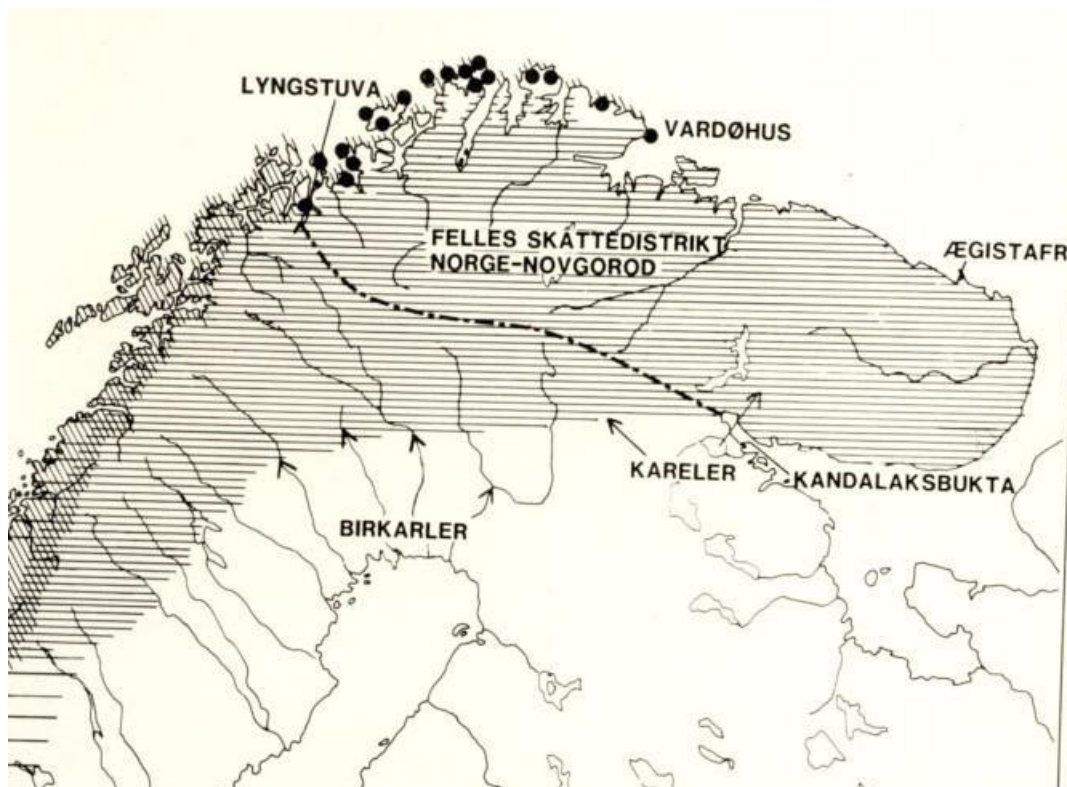

Рис. 1. На карте 1 изображен немного более поздний период. Черные точки обозначают норвежские рыбацкие поселения вдоль побережья

Перед анализом исторической динамики развития российско-норвежского пограничья обратимся к таким категориям, как граница, общество и государство, взаимоотношениям между границей и государством, значениям границ для общества в целом.

Демаркация и поддержание границ являлось и, наверное, до сих пор является первоочередной задачей современного государства. Поэтому одной из основополагающих характеристик суверенитета является способность и желание государства к проведению линий границ между собственной территорией и территориями соседних стран, введению правил, регулирующих потоки товаров и людей через установленные границы, что подчеркивает национальную самостоятельность и исключительность. В то же время ясно, что точное территориальное разграничение посредством границ не является универсальной чертой всех обществ, существовавших во все времена. Способность к демаркации и поддержанию границ прежде всего характерна современному обществу и является кульминационной точкой столетнего развития, когда значение границ менялось вместе с изменяющейся социальной структурой общества.

Изначально в Европе не существовало точных линий границ, а присутствовали лишь пограничные или транзитные зоны между королевствами в обличье лесов и пустынных местностей. Неясность границы была одной из основных характеристик феодальной эпохи, где никогда не существовало территориально четко ограниченных политических субъектов [3, 1992]. Постепенно неопределенные отношения властных субъектов в сфере суверенитета сменились более точными определениями понятий прав собственности и зон юрисдикции власти. Это изменение было закреплено с подписанием Вестфальского мира в 1648 году, когда была сформулирована известная доктрина государства как независимого политического субъекта. Великие европейские державы согласились соблюдать принцип территориальной целостности. Впервые государство было выдвинуто на передний план в качестве гаранта внутреннего порядка, собственника и исполнителя принципа территориального суверенитета. Однако в раннее Новое время у правителей зачастую не хватало точной информации о собственном государстве: количестве населения, природных ресурсах, объеме владений. Даже когда была признана потребность в государственных границах, установление границ было делом довольно проблематичным [4, 1986].

Систематическое картографирование физического ландшафта, исследование природных ресурсов, широкое использование карт и статистических данных стали широко применяться в Европе лишь с начала XVIII века. Установление границ, обозначающих территорию государства, стало проще с практической точки зрения. Тем не менее потребность в территориальном контроле и четких физических границах еще больше возросла в XIX веке. Это было связано с распространением идей «народного суверенитета» и «национального государства». В то время как язык и культура все более и более становились орудиями национальной интеграции, еще сильнее возросла потребность и в четком обозначении границ. Теперь границы формировали физико-политические пределы национально-культурных субъектов, удерживая их целостность и защищая от внешнего проникновения [5, 1997].

Северный Калот в эпоху раннего Средневековья являлся безграничной областью в том смысле, что там не существовало государственных границ. Позднее эта территория вошла в единый поток общеевропейского развития, и уже через несколько столетий это привело к образованию наций, отделенных друг от друга линиями постоянных границ, проведенных соседствующими государствами. В некоторой степени этот регион отклонялся от общей европейской модели эволюции границ. Главным его отличием было то, что пограничные линии на Европейском Севере были проведены довольно поздно относительно других европейских микрорегионов. Например, постоянная норвежско-шведская (или, лучше сказать, норвежская и шведско-финская) граница в Северном Калоте впервые была установлена только в 1751 году, а норвежско-российская (или норвежская и российско-финская) граница лишь в 1826 году, т. е. менее чем 200 лет назад. Как можно объяснить такую задержку с демаркацией границ на крайнем севере Европы?

Существовало несколько факторов, которые препятствовали точному разграничению и проведению демаркационных линий. Одним из значимых факторов, вероятно, являлась огромная протяженность Северного Калота. Другим фактором была слабая плотность населения и его периферийное расположение по отношению к центру. Властвующим субъектам потребовалось много времени для обеспечения контроля над территорией посредством строительства церквей, колонизации, создания системы церковного и светского управления. И, может быть, государства не стремились спешить с установлением границ, потому что желали территориальной экспансии [2, с. 31–95].

Без сомнения, саамская культура и вопрос хозяйственной адаптации саамов так же были очень важны. Традиционная саамская промысловая культура основывалась на экстенсивном использовании земли. С началом весны саамы кочевали с мест зимовок во внутренние области региона и далее на летние стоянки вдоль побережья морей и берегов рек с целью наиболее эффективного использования природных ресурсов в разные времена года. Осенью они могли оказаться в иных пунктах обитания. С распространением в XVII веке оленеводства значение кочевого хозяйства у саамов возросло.

Возможно, это было уникальным явлением Северной Европы XIX века, но известно, что такая ситуация встречалась и в других частях мира, где преобладало население с кочевым образом жизни. Например, схожая форма полукочевого хозяйства встречалась и у монгольских племен, которые циклически перемещались через китайско-монгольскую границу, о чем в середине XX столетия писал антрополог Оуэн Латтимор. Для монгольских кочевников отдельно взятое пастбище не представляло собой ценности, т. к. быстро истощалось. Наоборот, право передвижения было намного важнее права оставаться на одном месте [6, с. 534]. Также и для саамов решающим фактором было сохранение права свободного перемещения. Проведение границы в Северном Калоте могло создать барьеры их традиционным маршрутам передвижения. Без сомнения, ежегодная цикличность саамских миграций замедляла процесс установки постоянных границ.

Вместо определения территориальных рубежей Норвегия и Россия на протяжении долгих столетий мирились с существованием огромных общих владений, где право государства на налогообложение было привязано не к конкретной территории, а к конкретным

группам саамов [2, с. 31–95]. Это позволяло взимать налоги с саамов там, где они находились в определенный сезон года без убытков для государственной казны. Привязка фискальной юрисдикции к этносу, а не к определенному физическому пространству, являлась сутью пограничного договора, заключенного между норвежским королем и великим новгородским князем в 1326 году¹.

С началом миграций более развитых наций из южных районов Скандинавии, Финляндии и России общие норвежско-русские владения стали постепенно сокращаться. Новые поселенцы создавали собственное экономическое пространство, интегрируя новые земли, которые со временем стали продолжением национальных территорий. Соперничество между ними привело к тому, что с саамов стали взимать несколько налогов. Считалось, что чем больше налога удавалось собрать, тем больше было прав на землю. Позднее шведский король предъявил притязания на общую территорию, ссылаясь на сбор налогов так называемыми биркарлерами в позднем Средневековье. Во второй половине XVI века прибрежные саамы в Северной Норвегии должны были платить налог трем различным правителям – датско-норвежскому королю, шведскому королю и российскому царю [7, с. 40–61].

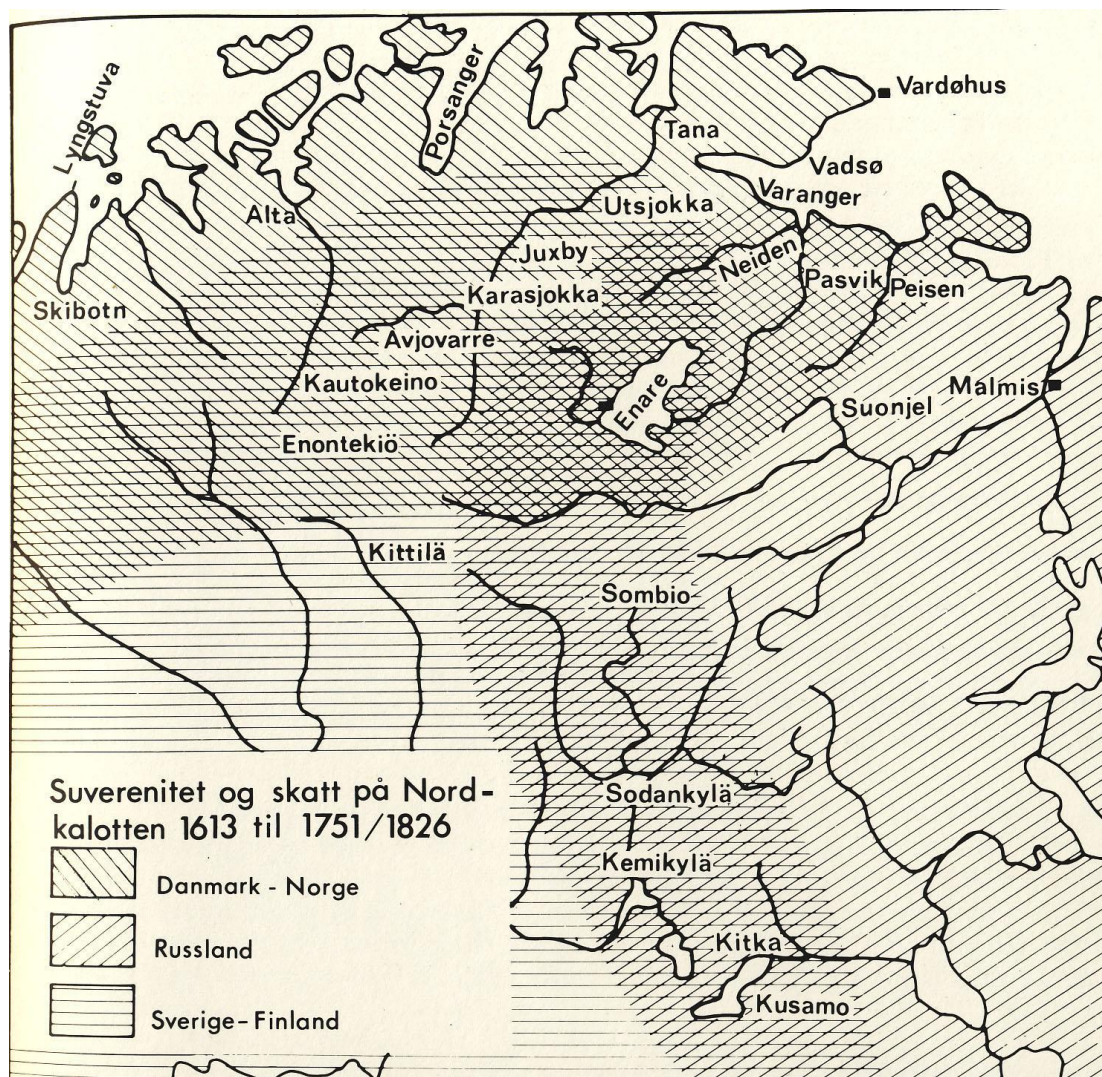

Рис. 2. Штриховкой на карте показаны зоны суверенитета и фискальной юрисдикции Дании – Норвегии, России и Швеции – Финляндии

¹ Биркарлеры – финские купцы, занимавшиеся торговлей с саамами и собиравшими с них налоги от имени шведского короля.

В течение XVII и XVIII веков территория «общих округов» стала постепенно сокращаться. Война 1611–1613 годов (Кальмарская война) между Данией – Норвегией и Швецией прежде всего была связана с вопросом о том, какое государство будет контролировать побережье Финмарка. Проиграв войну, Швеция должна была уйти с прибрежной территории Финмарка. Лишь в 1751 году была установлена постоянная государственная граница между Швецией и Норвегией по плоскогорью Финнмарксвидда. После завоевания Россией Финляндии в 1808–1809 годах и последующего подписания мирного договора в Хамине Швеция должна была отказаться от своего права на сбор налогов в районе о. Энаре.

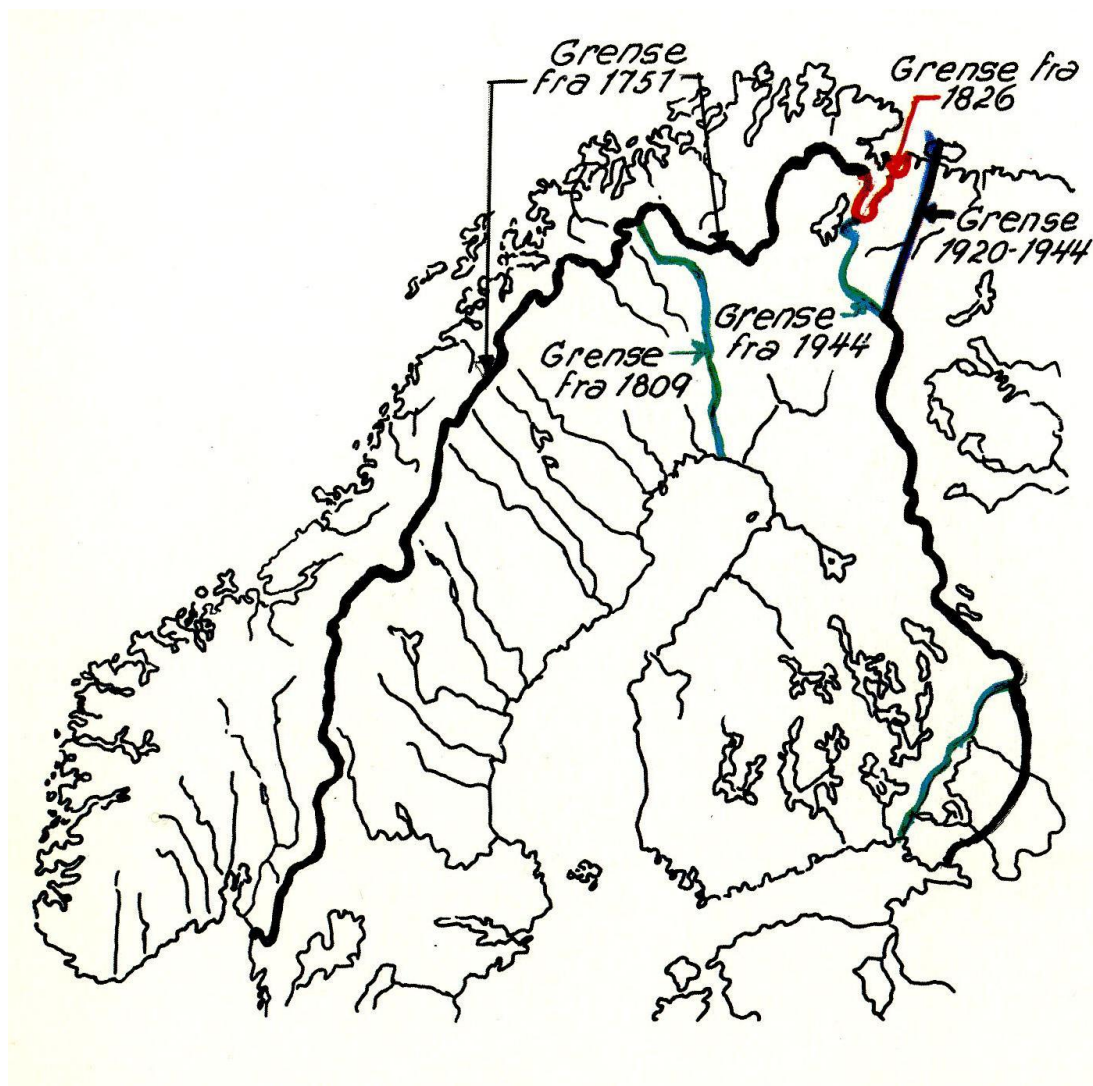

Рис. 3. На карте указаны даты установки государственных границ

После этого от первоначальных общих владений осталась только небольшая полоска земли в области Варангера, которая была совместным норвежско-русским владением.

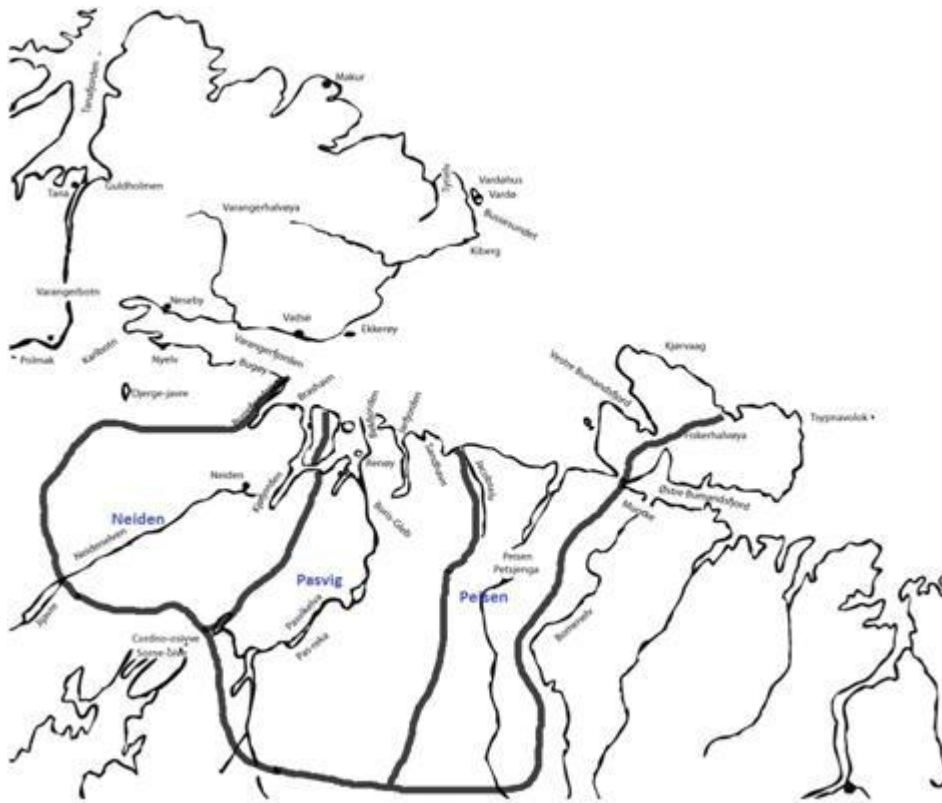

Рис. 4. На рисунке обозначены внешние границы общих российско-норвежских округов, а также границы трех саамских сийт, территории которых составляли общие округа

Полукочевой образ жизни норвежских и русских саамов, мигрировавших на общей территории, долгое время создавал препятствия для демаркации «общих округов» между Норвегией и Россией [8, с. 8]. Вместе с тем слабый фискальный контроль над территорией общих округов с норвежской и российской стороны способствовал формированию свободной, буферной зоны, физическими рубежами которой стали символические границы сийт (погостов) группы восточных саамов (скольтов).

Для формирования предпосылок к разграничению этих общих владений большое значение имела церковная экспансия с востока и запада. С проникновением в XVI веке протестантской и православной церковью население «общих округов» постепенно было христианизировано. Коренные жители Южного Варангера, скольты, приняли православие, признаваемые де-факто подданными России, а их северо-западные соседи, горные и морские саамы Северного Варангера, приняв протестантство, стали подданными Норвегии [9, Johnsen O. A., Никольский В. Н.]. Так физическое пространство «общих округов» стало политическим и культурным фронтиром Норвегии и России.

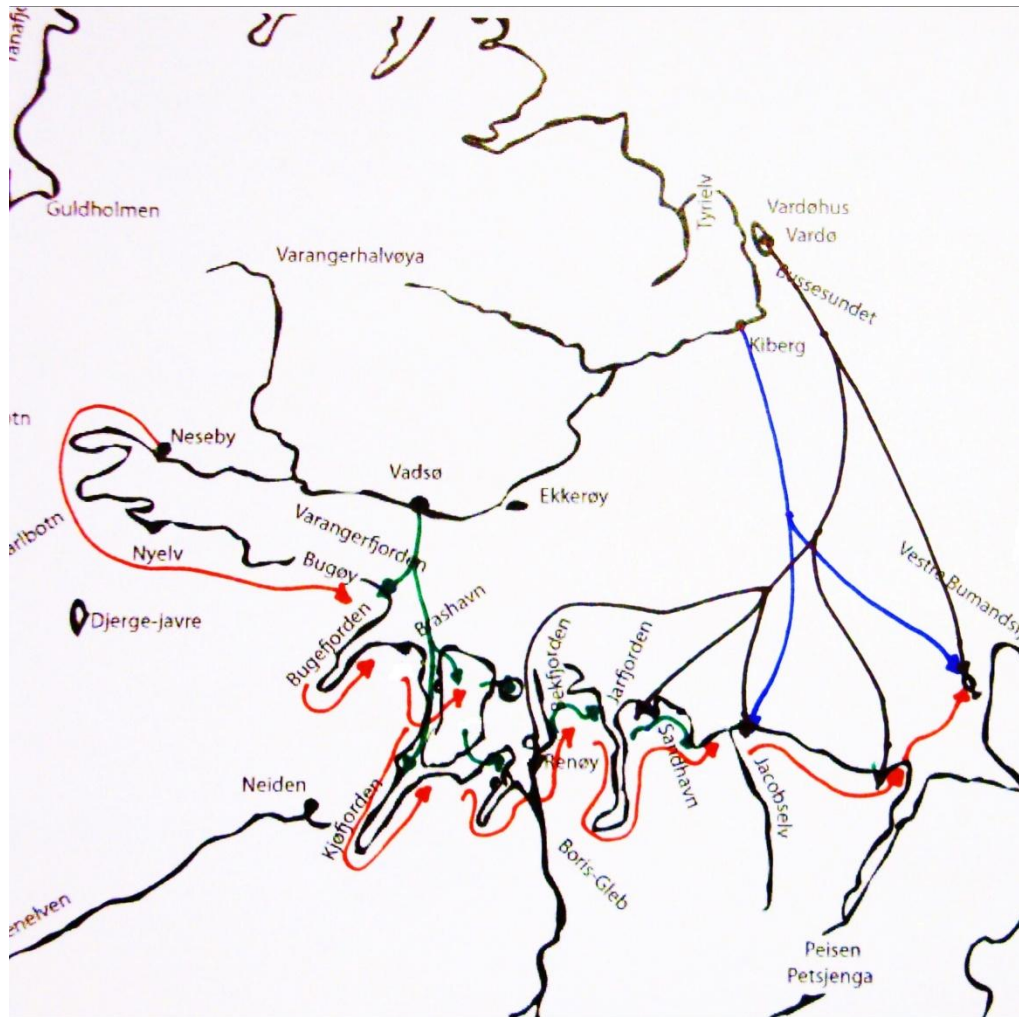

Рис. 5. Красной стрелкой указаны направления миграций норвежских саамов, черной – районы хозяйственной активности норвежского гарнизона Вадрехусу. Зеленой стрелкой указаны районы хозяйственной деятельности норвежских поселенцев из Вадсе, синей – районы хозяйственной деятельности норвежских поселенцев из Киберга

Экстенсивный характер оленеводства горных саамов, условность политической границы постепенно вели к росту миграций норвежских подданных на территории скольтов с середины XVIII века. В этот же период наблюдалось интенсивное освоение норвежскими поселенцами Северного Варангера (поселений Варде, Вадсе, Киберг) природных ресурсов «общих округов» [10, с. 39–46].

Отсутствие института границы, удобное географическое расположение погостов скольтов, высокая толерантность саамов к присутствию русских и норвежских подданных предоставляли возможность норвежским купцам и поморам, русским и норвежским саамам свободно торговать и вести совместную хозяйственную деятельность без препятствий со стороны властей обеих держав. Уже в XVIII веке территория Южного Варангера представляла собой транзитную зону, куда ежегодно с начала лета приезжали русские промышленники и норвежские купцы для производства меновой торговли. Зависевшие от поставок из провинции Финнмарк и Архангельской губернии зерна, тканей, орудий труда, металлических изделий и предметов роскоши скольты охотно играли роль посредника в торговле между норвеж-

скими купцами и поморами². Проживая между двумя асимметричными по масштабам центрами сил, различными социокультурными общностями (протестантской, западноевропейской и православной, евразийской), скольты пытались интегрироваться в обоих направлениях российско-норвежского фронта. В то время как Норвегия и Россия постепенно шли к идее установки института границ в XVIII – начале XIX веков, саамы конструировали образ «общих округов» как единой социокультурной общности, мультикультурного микрорегиона.

Скольты были двоеданцами, но они не отождествляли себя с подданными Норвегии или России. Осознавая свое пограничное положение, они пытались балансировать между обеими державами. В зависимости от уровня норвежской и российской угроз саамы использовали обе стороны в решении хозяйственных проблем, сохраняя свою социокультурную целостность и конструируя особую пограничную идентичность. Играя стягивающую роль в экономической интеграции Архангельской области и провинции Финнмарк, саамы выступали фактором притяжения в конструировании общего района, где сталкивались экономические и политические интересы Норвегии и России.

Неясный легальный статус был выгоден населению соседствующих региональных субъектов двух стран, однако факт наличия «общих округов» вызывал большое беспокойство у властей Дании – Норвегии, поскольку считалось, что королевство легко могло быть втянуто в конфликт с великой державой – Российской Империей. Важнейшей задачей было заключение договора о демаркационной линии, которая раз и навсегда определяла бы, где заканчивалась Норвегия и начиналась Россия. Хорошие соседи нуждаются и в хороших заборах. Россия же, напротив, не спешила с разграничением и в силу различных причин предпочитала занимать выжидательную позицию. Мы знаем, что датско-норвежские власти регулярно обращались к российскому правительству по данному вопросу, но это не приводило к желаемому результату [11]. В принципе, российское правительство не препятствовало решению вопроса, но всегда имело повод, чтобы его отложить. Почему же Россия была так осторожна? Вероятно, частично это можно объяснить асимметричностью соседских отношений, т. е. отношениями между малой и великой державами. Такое соседство требовало большого внимания и желания четкого разграничения со стороны малого государства, тогда как великая держава не проявляла сходных мотивов. Другой подход объясняет это тем, что Российская империя (самодержавие) отставала от политического развития в Западной Европе. Как и другие империи прошлого, Россию особенно не интересовало установление четких границ по отношению к окружающим странам. Отсутствие синхронности во временном развитии между Востоком и Западом, возможно, было особенно заметно на Крайнем Севере, в единственном месте, где Россия напрямую соприкасалась с Западной Европой без находящейся между ними зоны Восточно- и Центрально-Европейских держав. Крайний Север был районом, где две различные системы государственного устройства как бы сливались воедино, местом, где речь шла о двух различных концепциях границы. С одной стороны, это развивающееся небольшое национальное государство с сильной потребностью в контроле над собственной территорией, а с другой – огромное, многонациональное, династическое государство, более терпимое к прозрачным границам.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125.

Неопределенность в территориальных размерах царской России связана с относительным чувством расстояния, границ и мест в русской культуре. Это не обязательно должно восприниматься как слабость, или это была слабость, которая могла обернуться символической силой. Русские поэты, которые в XVIII веке воспевали императрицу Екатерину II, упоминали огромные размеры страны как самую главную ее особенность, символ мощи и величия. Проще говоря, Россия была так могущественна и простиралась на такие большие расстояния, что ее границы не могли быть четко обозначены [12, Medvedev S. A., Tolz Vera, Berduayev N.]. Российская сила притяжения была сама по себе настолько велика, что не возникало необходимости устанавливать четкие границы во всех частях империи или тратить средства на укрепление суверенитета государства в периферийных областях. В отличие от Норвегии Россия могла по-прежнему существовать с размытыми и неопределенными границами на Северо-Западе.

Основание для разрешения норвежско-российского пограничного вопроса возникло лишь к концу наполеоновских войн, когда произошло сближение между Россией и Швецией после периода охлаждения отношений, вызванного российским завоеванием Финляндии. В 1812 году царь Александр I подписал договор со шведским престолонаследником Карлом Йоханом. Это означало, что у Швеции не оставалось никакой надежды вернуть Финляндию (так, по крайней мере, договор воспринимался в России). Взамен Россия обещала поддержать Швецию в ее стремлениях освободить Норвегию от Дании и в последующем объединении Норвегии со Швецией. «Соглашение 1812 года» и последующее братство по оружию в войне против Наполеона положило начало долгому периоду официальной российско-шведской дружбы. Благоклонность российского царя по отношению к Швеции – Норвегии привела к ратификации пограничного договора в 1826 году, который был достаточно выгоден для Норвегии. Похоже, что на переговорах царь не принимал во внимание скепсис со стороны финнов и российских саамов, а также со стороны общественности Архангельского Севера.

Россия и Норвегия были готовы рассмотреть вопрос о юридическом закреплении за «общими округами» статуса особой зоны экономических интересов коренного населения лишь после окончательного оформления границ внутреннего суверенитета. Вначале обеим державам пришлось разрушить старую буферную зону, для того чтобы реконструировать ее вновь, но уже в рамках существовавших норм международного права, государственных интересов и внутренних правил. Юридическое оформление общей экономической зоны с государственными органами, ответственными за контроль над хозяйственной деятельностью приграничного населения, было осуществлено только после ратификации в 1826 году пограничной конвенции. Согласно статьям конвенции были приняты специальные правила, гарантирующие особые права и привилегии для приграничного коренного населения на ведение промысла на территории соседнего государства [13, с. 154–155].

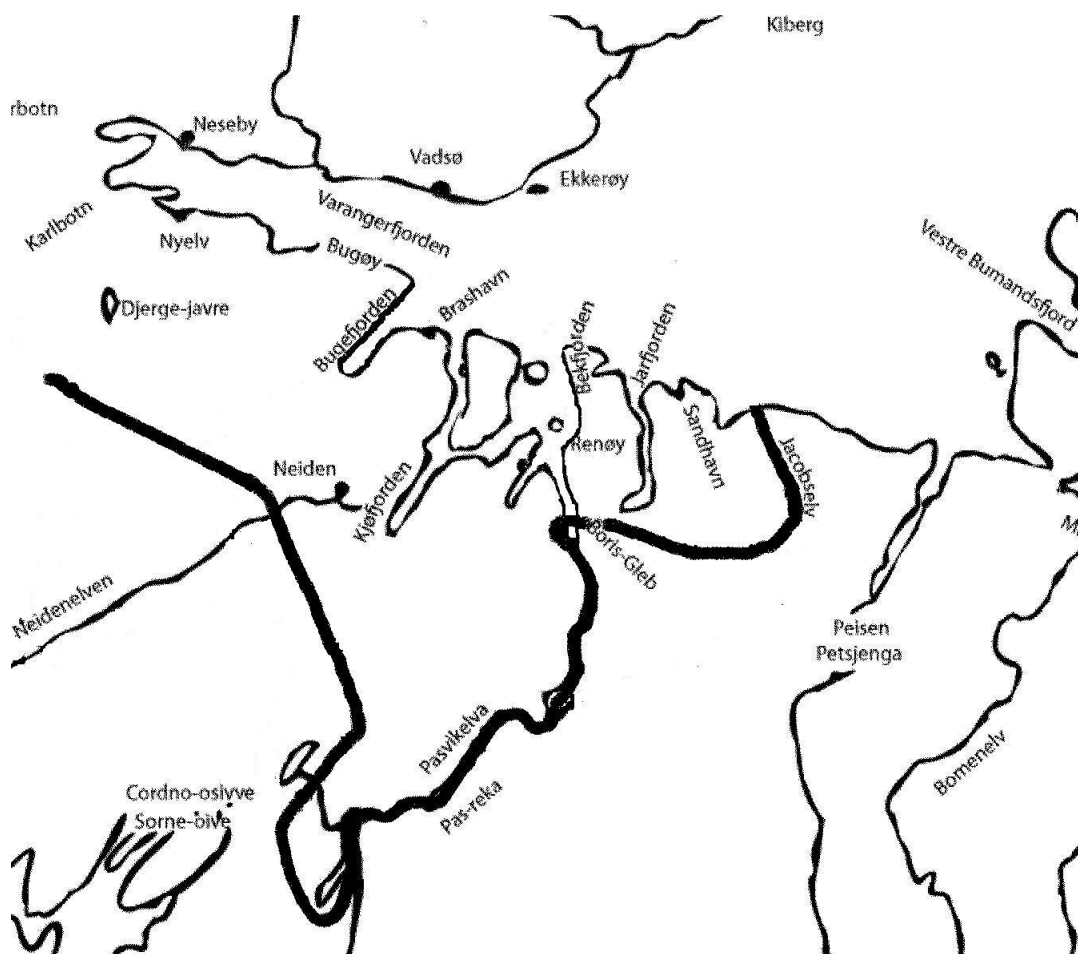

Рис. 6. Черной линией указана государственная граница между Объединенным Королевством Норвегии и Швеции с Российской Империей, установленной согласно пограничной конвенции 1826 г.

Хотя объем прав, дарованных саамам согласно 7 статьи пограничной конвенции, в 1834 году был сокращен и были сужены географические районы их реализации, существование единого микрорегиона продолжилось вплоть до 1917 года. С началом гражданской войны в России на Крайнем Севере произошли существенные геополитические изменения. Финляндия приобрела независимость и в 1920 году получила от Советской России Печенгский район. В последующее двадцатилетие норвежско-российская граница стала норвежско-финской. 19 сентября 1944 года по результату московского перемирия район Печенги был возвращен Советскому Союзу. Произошло возрождение норвежско-российской границы. Ее линия повторяла архитектуру пограничной черты, установленной конвенцией 1826 года, однако идеологические противоречия между новыми государственными акторами (Королевство Норвегия и СССР) привели к свертыванию институтов границы, отвечавших за исполнение дополнительного протокола 1834 года [14, с. 80–104]. Новый режим герметичной границы просуществовал более 40 лет. Это отчетливо отражало идеологизированную картину мира того времени и холодную войну.

Но времена изменились, и после окончания холодной войны развитие пошло в обратном направлении. Сегодня многие считают, что национальное государство ослабевает или

меняет свой характер и что это может привести к территориальным системам с размытыми границами. Если это так, то затронет ли это российские границы? Часть политиков и ученых полагают, что было бы легче достичь этого и вообще преодолеть разделение между Востоком и Западом в рамках нового транснационального регионального сотрудничества в северных областях Баренцева Евро-арктического региона, созданного в 1993 году, поскольку северная окраина Европы менее подвержена влиянию традиционных дискуссий по поводу власти, истории и идентичности [15, 2003]. *Чем дальше на Север, тем все ближе становится Восток и Запад.*

К сожалению, эти надежды пока еще полностью не оправдались, и российское руководство во время последнего срока президентского правления Владимира Путина (2000–2008 гг.) перешло к определенному застою в отношениях. По-прежнему нужно было сотрудничать с Западом, но в то же время и не страшиться конфронтации. Это рассматривалось в контексте желания воссоздать Россию как великую державу после системного кризиса 1990-х годов, который воспринимался многими россиянами как национальное унижение. В то время как ЕС старалась отойти от концепции национального государства и установить порядок, формируя свою политику, базируясь на подвижных границах, новая Россия стремилась полностью отстаивать свой суверенитет. Возможно, ситуация изменилась по сравнению с двумя столетиями ранее. В XVIII – XIX веках Россия спокойно относилась к своим фронтирным зонам и даже приветствовала режим открытых границ, Норвегия же наоборот стремилась к четким и герметичным границам. Сегодня соседи, граничащие с Россией (Финляндия и Норвегия), похоже, стремятся к более прозрачным границам, в то время как Россия продолжает опираться на Вестфальскую доктрину.

Но картина неоднозначна. Период президентского правления Дмитрия Медведева продемонстрировал большую открытость и гибкость России в подходах к решению территориальных вопросов. Так, в Норвегии нашло широкую поддержку достижение согласия с Россией в апреле 2010 года о разграничении территорий двух стран в Баренцевом море, о чем велись переговоры в течение почти сорока лет. Обе страны проявили желание отойти от своих принципов. Норвегия отстаивала принцип равноценного деления морских территорий между государствами, а Россия выступала за принцип секторов. «Общей» морской территорией считалась область, находящаяся между границами, образующимися при применении этих двух совершенно различных принципов делимитации морской границы. Ратифицированный в настоящее время договор о намерениях исходит из того, что эта «общая территория» должна быть равноценно поделена между сторонами³.

Договор о разграничении можно кратко описать как «нежданный подарок русского царя», стоящий в одном ряду с договором 1826 года. Но, по-видимому, Россия надеется получить что-то взамен уступкам, на которые они идут, сотрудничая с Норвегией в вопросе предстоящей разработки нефтяных и газовых месторождений в Баренцевом море. Норвежские власти были чрезвычайно заинтересованы в установлении точной морской границы с Россией и отклонили предложенную Россией инициативу об установлении общего контроля над этой спорной зоной Баренцева моря. На основании вышесказанного интересно отметить, что

³ URL: <http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/kampanjer/delelinje.html?id=614002>.

норвежское правительство в тоже время выступает за применение трансграничных мер на суше, что в действительности может привести к восстановлению там своего рода «общих округов».

Норвежские власти предложили России создать норвежско-российскую промышленную и экономическую зону сотрудничества в приграничной территории обеих стран, так называемую «Поморскую зону», деятельность которой в особенности будет связана с наступающим нефтяным веком в Баренцевом море. Россия отнеслась к этому положительно, но пока что эта идея не получила всеобщего признания [1, 2009]. Но, возможно, как шаг в продвижении этого направления можно воспринимать введение с 1 декабря 2008 года значительных послаблений визовых правил на норвежско-российской границе, а также отмену ограничений по въезду в приграничные города Никель и Заполярный. В настоящее время ведутся переговоры о безвизовом прохождении границы для жителей коммуны Южный Варангер (Норвегия) и Печенгского района (Россия). Это та область, которая довольно точно соответствует прежней территории сийт: Нейден, Пасвик и Печенга, т. е. «общим округам». Жители этой области в будущем смогут переходить границу, показывая удостоверение жителя приграничной зоны, т. е. они смогут беспрепятственно перемещаться в рамках территории, которая до 1826 года составляла общую территорию. И если вслед за этим последуют планируемые особые таможенные, экономические и транзитные соглашения, которые в соответствии с планом должны быть включены в Поморскую зону, то можно будет действительно говорить о восстановлении прежних общих норвежско-российских владений, но в современном варианте.

Литература

1. Urban Wråkber. Pomor Zone. A Cross-Border Initiative to Further Regional Development in Northern Norway and northwest Russia, Presentation at the IV Northern Social and Environmental Congress, 21–22 April 2009, Moscow.
2. Hansen L. I. Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders. In Rindal M. (ed.) Two Studies on the Middle Ages. KULTs Skriftserie No. 66. 1996. P. 31–95.
3. Ruggie J. G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. In: International Organization, Vol. 47, No. 1. 1992.
4. Kratochwil F. Of Systems, Boundaries, and Territories: An Inquiry into the Formation of the State System. In: World Politics, Vol. 39, No. 1. 1986.
5. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge. In: Lars-Folke Landgren & Maunu Häyrynen (eds.), The Dividing line: borders and national peripheries. Helsinki, 1997.
6. Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London, 1962. P. 534.
7. Hansen L. I. I Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 40–61.

8. Nielsen J. P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Borders in General // *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 8.
9. Johnsen O. A. Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse*. Kristiania, 1922. S. 231–236; Никольский В. Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914. С. 4.
10. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995. S. 39–46.
11. Johnsen Loc. Cit. (Note 5), 218–219, *The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI) F. 53/3. D. 661, D. 662*.
12. Medvedev S. A General Theory of Russian Space: A Gay Science and a Rigorous Science, in J. Smith (ed.) *Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture*. Suomen Historiallinen Seura, Helsinki. P. 18; Tolz Vera. *Russia. Inventing the Nation Series*. London, 2001. P. 159; Berdyayev N. *The Origin of Russian Communism*. London, 1937.
13. Чулков Н. К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901. С. 154–155.
14. Andresen A. States Demarcated-People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. PP. 80–104.
15. Joenniemi Pertti & Sergounin Alexander. *Russia and the EU's Northern Dimension. Encounter or Clash of Civilisation?* Nizhny Novgorod, 2003.

Рецензент – Ю. Ф. Лукин,
доктор исторических наук, профессор

УДК [(332.02+332.1)(470.1/.2)+620.91](985)(045)

Энергетику Севера в синергетику России

© **Шубин** Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений САФУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: serg1946@atknet.ru.

История административно-территориального деления Европейского Севера России свидетельствует о том, что только в качестве консолидированного региона, объединенного общими интересами губернии, края, экономического района, он способен выполнять роль плацдарма освоения арктических территорий. О новой модели территориального устройства, способной превратить энергетику Севера в синергетику

России, размышляет автор статьи.

Ключевые слова: синергетика, Россия, энергетика, регион, укрупнение регионов, северный экономический район, Северный федеральный округ, Двино-Печорский край.

Energy of the North to the Synergetic of Russia

© **Shubin** Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor of the department of the International Relations and Regional Studies NArFU named after M. V. Lomonosov. E-mail: serg1946@atknet.ru.

Abstract

The history of the administrative-territorial division of the European North of Russia suggests that only a consolidated region, which is united by common interests province, territory, economic region, it can play a role of a springboard development of Arctic areas. A new model of territorial organization, able to convert energy of the North to synergetic of Russia, reflects the author of the article.

Keywords: *synergetic, Russia, energy, region, enlargement of the regions, the northern economic region, the Northern Federal District, Dvina-Pechora region.*

Европейский Север всегда был и остается важным форпостом России – это аксиома. Однако выполнял эту функцию Европейский Север со времен вхождения в Россию тем лучше, чем был более консолидирован. На это обращает внимание известный мурманский историк П. В. Федоров: «Большие пространства вдоль берегов северных рек, – пишет он, – по южному и западному побережью Белого моря, войдя в состав владений России, стали своего рода плацдармом русской государственности для последующего рывка в Заполярье и Арктику» [1, с. 53–56].

Петр I очень хорошо уловил этот порыв северян, трижды побывав в Архангельске и образовав в 1708 году в числе восьми российских губерний Архангелогородскую (с 1796 года Архангельскую), с небольшими изменениями просуществовавшую более двух столетий до революционных событий начала XX века. Архангельская губерния настолько гармонично была вписана в пространство Европейского Севера, что в ее границах сформировался особый субрегион Российской империи – Поморье.

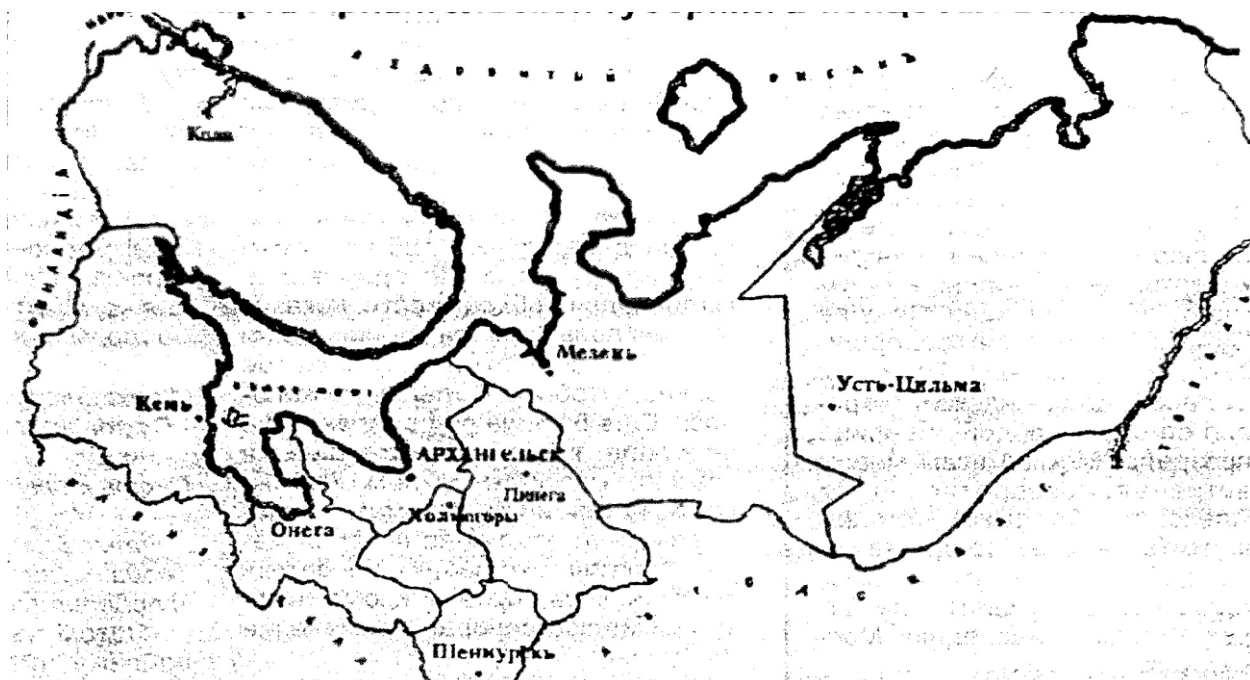

Рис. 1. Карта-схема Архангельской губернии в конце XIX – начале XX вв.

В годы революционной стихии губернию расформировали. В 1920 году была создана Корельская трудовая коммуна, в состав которой был включен Кемский уезд Архангельской губернии, год спустя Александровский уезд Архангельской губернии был преобразован в самостоятельную Мурманскую губернию. В августе 1921 года на территории Усть-Сысольского, 21 волости Яренского уездов Северо-Двинской губернии, 19 волостей Печорского уезда Архангельской губернии была сформирована автономная область Коми-зырян.

Рис. 2. Карта-схема Северного края (1929–1936 гг.)

Новая экономическая политика внесла кардинальные изменения в характер регионального управления страной. В результате на рубеже 1920–30-х годов территория Европейского Севера вновь была объединена под названием Северный край в составе Архангельской, Вологодской, Северодвинской губерний, автономной области Коми и Ненецкого национального округа.

Именно в эти годы был совершен новый серьезный прорыв северян в высокие арктические широты, сделаны решающие шаги по Северному морскому пути. В годы Великой Отечественной войны регион вновь функционировал, по сути, как единое целое. Послевоенную региональную раздробленность Европейского Севера пытались преодолеть в хрущевские годы путем создания совнархозов.

А в ноябре 1982 года Постановлением Совета Министров СССР был образован новый район – Северный экономический район в составе Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Карельской АССР и Коми АССР, которые этим же Постановлением были исключены из состава Северо-Западного экономического района.

Рис. 3. Карта-схема Северного экономического района

Новый район был выделен из состава Северо-Западного района на основании следующей аргументации: «...в связи с уточнением специализации, появлением новых центров хозяйственного тяготения и связей, образованием новых обширных территориально-хозяйственных образований – Тимано-Печорского ТПК, созданием здесь многих промышленных центров и узлов»¹. Небезынтересно обратить внимание на то, что решение принималось после прихода к власти Ю. В. Андропова, человека глубоко понимающего законы внутреннего и международного развития.

Этот исторический экскурс, на наш взгляд, свидетельствует о том, что и на нынешнем, новом этапе освоения Арктики Европейский Север для достижения большей динамичности должен быть консолидирован гораздо основательнее, чем это имеет место в нынешней ситуации.

Не секрет, что северная составляющая значительно утратила свой вес в государстве после ликвидации Государственного Комитета по делам Севера, причем, как сейчас выясняется, в то время, когда другие арктические страны как раз всерьез озаботились разработкой своих северных стратегий. Включение Северного экономического района (в составе Архан-

¹ Об уточнении экономического районирования СССР: Постановление Совета Министров СССР от 19 ноября 1982 года, № 1005 // Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1982. (Отд. 1), № 31. Ст. 158.

гельской, Вологодской, Мурманской областей, республик Карелии, Коми и Ненецкого автономного округа) в Северо-Западный федеральный округ оспаривалось и оспаривается многими экспертами².

Рис. 4. Карта-схема Северо-Западного федерального округа

В результате этого решения (непродуманность которого засвидетельствована историей 1920-х и 1980-х годов) в значительной мере было утрачено внимание к Европейскому Северу как к важному вектору внешней и внутренней политики России. По мнению многих аналитиков, необходимость более пристального внимания к региональной политике на Европейском Севере объясняется обретающей все большее значение идеей формирования так называемой предсеверной, или приполярной контактной зоны в качестве своеобразного плацдарма, трамплина для освоения Арктики [2, с. 22].

Наиболее подготовленным и удобным регионом из всей обширной предсеверной зоны является Европейский Север России. На это, в частности, обращает внимание известный геополитик современной России А. Г. Дугин: «Архангельск и архангельский край находятся в той стратегической позиции, которая более всего отвечает принципу стратегической интеграции Севера в интересах центра. Ось Москва – Архангельск, единственная из всего спектра внутренних «геополитических лучей», представляет собой не просто военно-стратегическую конструкцию. Здесь необходимо добиваться максимальной и разноплановой интеграции с Югом вплоть до Москвы. ...Миграция русского населения на Север, его активное освоение, развитие и преобразование должно начинаться именно с Архангельска. Этот крупнейший порт находится в наиболее выигрышной позиции в сравнении со всеми остальными населенными пунктами Севера, поэтому логичнее всего именно Архангельск выбрать в качестве «столицы Арктического пакта» [3, с. 317].

² Туровский Р., Гохберг М. Я., Королев С. А., Ислаев Р. И., Ткачев А. В., Прусак М. А., Каракчиев А. А., Федоров П. В. и др.

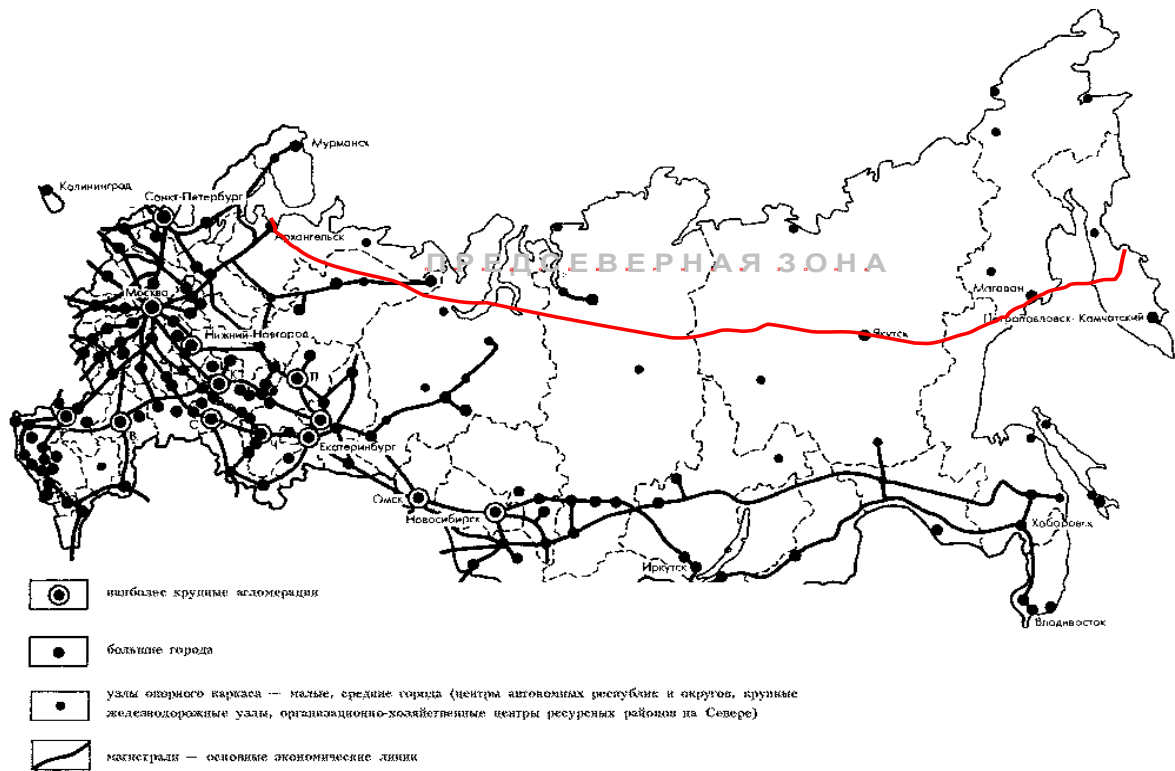

Рис. 5. Карта-схема опорного каркаса России с выделением предсеверной зоны

Рис. 6. Карта-схема основных осей, связывающих «арктическую трапецию» с материковой Россией

Развитие оси Москва – Архангельск должно быть всесторонним и приоритетным. От качества и динамики этой единственной (из всего Севера) меридиальной интеграции будет зависеть состоятельность и эффективность всей арктической стратегии.

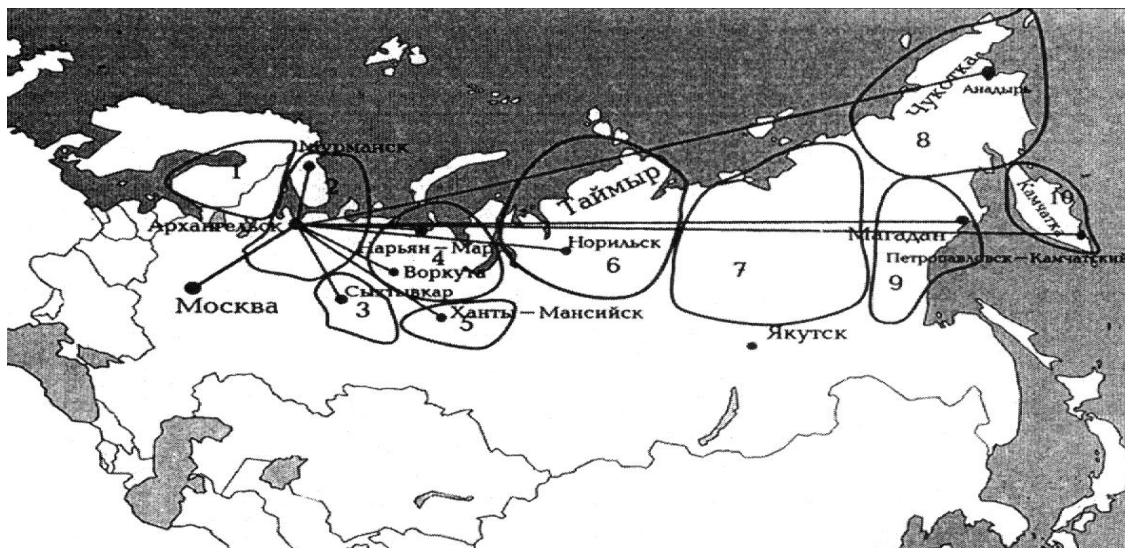

Рис. 7. Карта-схема отражает роль Архангельска в обеспечении геополитических интересов России [3, с. 322].

Не случайно одним из механизмов формирования и реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 года предусмотрена консолидация стратегий социально-экономического развития северных субъектов Российской Федерации, разработка схем территориального планирования и программ социально-экономического развития. Вопрос заключается в том, как обеспечить необходимую консолидацию Европейского Севера?

На наш взгляд, можно рассматривать два варианта: формирование либо Северного федерального округа в границах Северного экономического района по площади, между прочим, совпадающего с американской Аляской, либо укрупненного региона под условным названием Двино-Печорский край, в который могли бы объединиться Архангельская область, Коми Республика и Ненецкий автономный округ.

Рис. 8. Карта-схема Двино-Печорского края, объединяющая Архангельскую область, Республику Коми и Ненецкий автономный округ

Оба варианта не выглядят утопическими и зависят от выбора стратегии регионального строительства Российской Федерации и, разумеется, от политической воли центральной власти и заинтересованности – региональной.

Комплексное обоснование формирования в рамках Северного экономического района (Архангельская, Мурманская, Вологодская области, Республики Карелия, Коми и Ненецкий автономный округ) Северного федерального округа стало вполне реальной задачей в силу того, что на Юге указом президента России Д. А. Медведева от 19 января 2010 года был образован новый, восьмой – Северо-Кавказский федеральный округ.

Таким образом, десятилетнее табу на так называемую «семибоярщину» оказалось преодоленным. В федеральных коридорах власти вновь актуализирована проблема совершенствования территориального обустройства России, в том числе и на Северо-Западе. Если центральная власть намерена и дальше использовать в региональном управлении страной федеральные округа, то необходимость выделения из Северо-Западного Северного федерального округа не вызывает сомнений.

Россия, как известно, после развала СССР стала еще более северной страной, немало принимается усилий по формированию северной стратегии, а института, плацдарма для разработки и реализации арктической стратегии нет. П. В. Федоров не без основания обращает внимание на противоречие «...между попытками обосновать арктический статус России и политикой подчинения территории Русского Севера интересам Балтийского региона» [4, с. 3]. На это в свое время обращал внимание экс-губернатор Новгородской области М. Прусак. Разве Санкт-Петербург, самый западный город материковой России, будет заниматься российскими северами? Отнюдь. У него, как всем очевидно, свои проблемы – балтийские. И было бы неплохо, если бы он решал их не за счет северных территорий. А то, что это происходит именно так, а не иначе, мы, северяне, хорошо видим на примере и архангельского порта, и Северодвинска. Между прочим, строительство железной дороги БЕЛКОМУР (Архангельск – Сыктывкар – Пермь) было прекращено сразу же после прихода в столицу питерской команды во главе с В. В. Путиным. Поэтому Северный федеральный округ – наиболее оптимальная модель эффективного института для формирования и реализации северной стратегии России.

Один из авторитетнейших экспертов России в области регионологии профессор Туровский, например, прямо пишет: «Целесообразным выглядит деление Северо-Западного округа в примерном соответствии с бывшими экономическими районами, т. е. с собственно Северо-Западным округом с центром в Санкт-Петербурге (включая Калининградскую область) и Северным округом с центром в Архангельске» [5, с. 245]. Такой подход, по его мнению, позволит сохранить возможности государственного регулирования развития северных регионов страны.

Второй вариант – вариант укрупнения – надо иметь в виду прежде всего потому, что неизвестна перспектива самих федеральных округов. Не секрет, что создание семи федеральных округов в 2000 году воспринималось слишком однозначно, чтобы анализировать, а тем более подвергать сомнению. Решение Президента Российской Федерации Д. А. Медведева о создании восьмого – Северо-Кавказского – округа, воспринятое многими в качестве «са-

мого мудрого решения» за все время его президентства, дает повод для серьезных размышлений о структуре и содержании территориального управления. И в первую очередь актуализируется проблема о перспективах федеральных округов.

Дело в том, что ни в Конституции, ни в федеральном законодательстве эти полномочия никак не прописаны. Поэтому одни регионоведы предлагают округа ликвидировать, учитывая, что кандидатуры на должность руководителей регионов сейчас предлагаются из центра и могут быть освобождены президентом. Процесс укрупнения регионов тоже может идти помимо полномочных представителей президента. Поэтому их достаточно затратный институт, по мнению многих экспертов, утратил смысл. Не случайно на это обратил внимание президента новый лидер партии «Правое дело».

Другие предлагают оставить за федеральными округами задачу координации *социально-экономической* деятельности в окружных масштабах. Но для этого необходимо принять соответствующие законы, которые бы наделили округа дополнительными полномочиями в сфере бюджетирования, налогообложения и т. д. В этом случае возникает проблема *оптимальности границ* федеральных округов. Их границы, по мнению доктора экономических наук, питерского профессора Р. И. Исляева, не соответствуют территориальному разделению труда в стране, «субъектный» состав некоторых округов чересчур громоздок и не соответствует требованиям теории управления... корректировка границ округов – это ближайшее будущее [6, с. 15].

Реформа территориального управления на Юге может иметь зеркальное продолжение на Севере. Многие считают, что округов должно быть по количеству, как минимум, не меньше, чем экономических районов. При образовании восьмого – Северо-Кавказского федерального округа как раз и пришлось учитывать эти факторы. Не случайно А. Хлопонин помимо функции полномочного представителя президента получил должность заместителя председателя правительства, а границы нового округа почти совпадают с границами экономического района.

Но ведь всех полпредов вице-преьерами сделать не получится, поэтому третьи эксперты считают, что федеральные округа надо сохранить как органы с чисто административными функциями, осуществляющими независимый надзор за региональными органами власти. В этом случае границы можно оставить прежними.

Процесс укрупнения регионов – явление в условиях перехода от административных к экономическим методам территориального управления объективное, только подходить к нему следует очень внимательно, с учетом науки, практического опыта как международного, так и отечественного.

Есть такая закономерность: когда страна управляется при помощи административно-командных методов, происходит процесс дробления регионов, ведь указания на местах должны выполняться быстро и только в соответствии с директивами сверху. Чиновники на местах, впрочем, как и в центре, заинтересованы в уменьшении зоны ответственности, поэтому с увеличением количества чиновников на всех уровнях растет и количество административно-территориальных единиц. По существу разделение страны на мелкие административно-территориальные единицы – это наследие диктаторских режимов: так удобнее осуще-

ствлять военно-полицейский надзор над страной. Например, Испания при Франко тоже делилась на множество мелких административных единиц.

И наоборот, когда на первый план выходят экономические методы управления, проявляется другая закономерность: укрупнение административно-территориальных образований, которые социально-экономически стремятся быть, как минимум, самостоятельными, максимум – самодостаточными. Центр в этом случае становится своего рода менеджером, выполняющим те задачи, которые не по плечу отдельным регионам.

Так было в годы новой экономической политики, в период хрущевских укрупненных совнархозов, наконец, нынешние экономические районы в основном сложились в годы косыгинских реформ. Процесс укрупнения регионов завершился или происходит во многих странах: во Франции, в Италии... В Польше, например, на подготовку такой реформы ушло 7 лет (с 1990 по 1997 гг.). Сегодня вместо 48 воеводств там всего 16. И за последние годы – серьезные успехи в экономике, которые вывели ее в число самых динамично развивающихся стран Европы³.

Другое дело, что наша авторитарная, недостаточно компетентная власть боялась и продолжает бояться самостоятельных, а тем более самодостаточных регионов и поэтому всегда сворачивала территориальные реформы, не доводя их до завершения, возвращая страну вновь и вновь к авторитарной вертикали с множеством маленьких административных единиц.

Если принять во внимание необратимость нынешнего перехода к рыночной экономике, то необходимость укрупнения регионов в России следует признать тоже неизбежной. Только сильная региональная элита крупных самодостаточных регионов может разумно выстраивать взаимоотношения власти, бизнеса и населения на вверенной территории, а также заставить центр считаться с собой, что немаловажно в условиях процесса демократизации, регионализации и децентрализации власти. Не случайно один из самых авторитетных региональных руководителей Российской Федерации, кемеровский губернатор А. Тулеев – убежденный сторонник укрупнения регионов. «Чем меньше над тобой начальства, – рассуждает он, – тем свободнее экономическая жизнь» [7, 2004]. Об этом же пишут известные ученые В. Сенчагов, В. Дадалко, А. Багин применительно ко всей России: «Объединение регионов необходимо, и оно должно проводиться в рамках оптимизации структуры государственного управления в целом, с учетом решения экономических проблем. В случае объединения создаются условия для нормального функционирования территории, оптимального количества регионального чиновничества. В результате должна сформироваться более прозрачная, эффективная и дешевая система государственного управления» [8, с. 10].

Абсолютно прав, по нашему мнению, А. Г. Дугин, когда он пишет: «Это дало бы Северу значительную независимость от центра, свободу от контроля в деталях, резервы для гибкого регионального развития и быстрой инвестиционной реакции. На всех этих уровнях выступает необходимость интеграции Севера. Это важно в духовном, этническом, культурном, военно-стратегическом, промышленном, социальном, финансовом плане. Результатом такой мно-

³ Административно-территориальное деление России. URL: <http://yandex.ru/yandsearch?text> (дата обращения: 29.05.2011).

гоуровневой интеграции (пока существующей лишь потенциально) стало бы создание совершенно новой геополитической реальности, в которой значительное повышение автономности и региональной самостоятельности не ослабляло бы стратегической связи с центром. Освоение Севера стало бы путем в будущее, плацдармом совершенно нового (основанного на геополитике) понимания пространства в долгосрочной перспективе. Северная земля получила бы развитие на основе сочетания традиции и развития, верности корням и технологической модернизации» [9, с. 312–313].

Конечно, процесс этот не из легких, он требует гораздо больше внимания, разумных политических, интеллектуальных, законодательских, административных, финансово-экономических, информационных усилий со стороны, прежде всего, федеральной власти. Легче всего пустить дело укрупнения регионов на самотек, как это случилось в нулевые годы XXI века, а затем искать объяснение недостаточной эффективности в каких-то объективных факторах.

Для формирования общего североευропейского пространства в России нужно искать, прежде всего, общие интересы и стимулы. Одной из объединительных идей регионов Европейского севера, наряду с другими, могла бы стать разработка общей позиции в строительстве транспортных коридоров БелКомУр и БаренцКомУр.

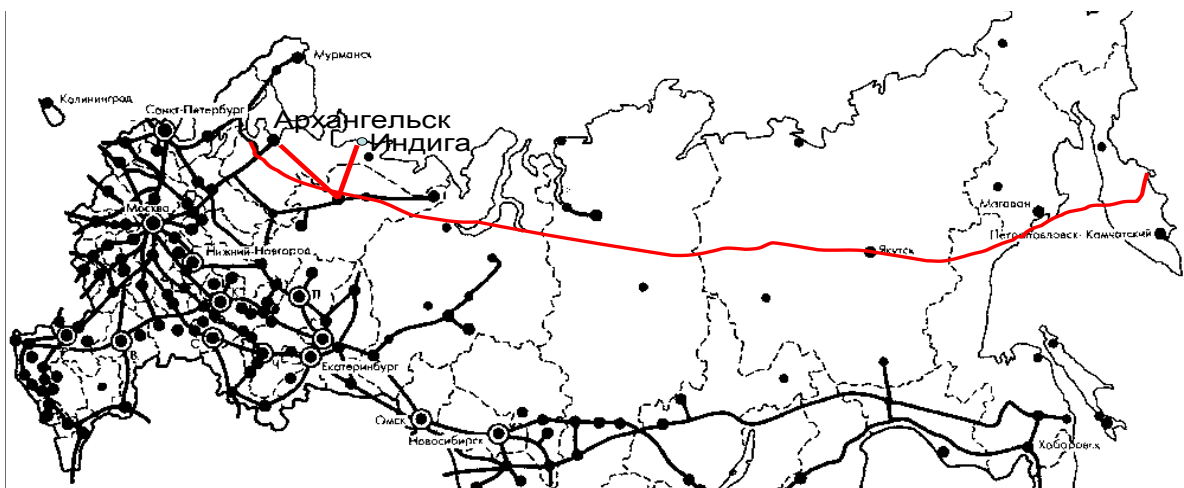

Рис. 9. Карта-схема опорного каркаса России с выделением предсеверной зоны и транспортных коридоров: БЕЛКОМУР и БАРЕНЦКОМУР

Дело в том, что, по расчетам экономистов, в перспективе имеющиеся на Севере и даже на Северо-Западе порты не смогут перерабатывать нарастающие объемы перевозки грузов. И порт Индига, например, как самый восточный незамерзающий и глубоководный порт, несомненно, будет востребован временем. Поэтому совершенно правильно руководство НАО ставит эту проблему в повестку дня. Но более разумно было бы решать её совместными усилиями.

Второй причиной укрупнения является необходимость постепенного перехода российского федерализма от национально-государственного принципа построения к территориально-государственному. В нынешних условиях деятельность органов государственной власти, этнических образований и особенно бизнес-структур сориентирована не столько на сохранение этносов, сколько на получение максимально возможной прибыли от эксплуатации природных ресурсов. Возникает вопрос: а служит ли интересам коренного населения Севера России со-

хранение самостоятельности национально-территориальных автономных образований? Выход из создавшегося положения, на наш взгляд, лежит на пути деэтнизации государственности и разгосударствления этничности.

И начать этот процесс логичнее не с Юга, а с Севера, так как на Севере другой менталитет. «Здесь живут спокойные, дальновидные люди, способные понять оппонента, переступить через личное в пользу общего. Это присуще населению северной России, американской Аляски, европейской Скандинавии. ...Поморы всегда жили по-настоящему. В этом их главная сила: сила характера и сила России. Это потом у псевдолибералов в смутное время появились идеи, что всех людей с северов надо выселить. Таких мудрецов нельзя подпускать к управлению даже трехколесным велосипедом!» – пишет академик Е. П. Велихов [10, с. 17]. Суровый климат прижимает и теснит людей друг к другу. Несмотря на суровый и холодный климат природы, на Севере климат человеческих отношений теплее, чем на Юге и наоборот [11, с. 109].

Еще одна причина укрупнения лежит в плоскости необходимости выравнивания развития регионов. В мире считается катастрофической ситуация, когда среднедушевое ВВП одного региона страны превышает ВВП другого в 5 раз. У нас этот показатель достигает 25 раз. «Это явный признак экономического распада», – считает заместитель директора Института прикладной математики РАН Георгий Малинецкий. Вот как, с горечью, об этом пишет народный артист СССР Олег Басилашвили: «На гигантских просторах, называемых Россией, есть несколько городов, которые живут за счет продажи газа и нефти. Все остальное почти вымерло» [12, 2008].

Этот тезис напрямую можно отнести к значительной части северных территорий, которые в результате перехода к рыночным отношениям пострадали сильнее всего, так как их развитие в значительной степени было связано с бюджетными государственными дотациями. Надежды реформаторов на чисто рыночные методы хозяйствования явно не оправдываются. Больше того, нашим олигархам, как мне кажется, Госкомсевер, Министерство экологии мешали «осваивать по-своему» северные территории, поэтому и были ликвидированы. Финляндия, Швеция, Норвегия, Канада, США не жалеют средств на развитие северных территорий, сознавая, что финансируется будущее. Россия эксплуатирует Север, похоже, не ради, а за счет будущего. И, наконец, мы не вправе забывать, что большая часть Севера – граница и приграничные территории [13].

«Капитальный ремонт регионального управления – одно из условий возрождения России, – подчеркивал известный экономгеограф страны Г. М. Лаппо. – Рационализация территориального устройства – важный резерв ее развития. Если Россия хочет существовать как государство, ее власти должны уделять серьезное внимание территориальному устройству. Учитывая, что будет продолжаться использование богатейших ресурсов Севера, необходимо пристальное внимание к Северу вообще и эффективной политике на Севере в частности» [2, с. 22].

Несомненно, важную роль в объединительном процессе мог бы сыграть Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. К его созданию следует отнести как к первому шагу на пути осознания федеральным центром значимости Евро-

пейского Севера в реализации арктической стратегии. Задача архангельского политического истеблишмента, интеллектуального и бизнес-сообщества заключается в том, чтобы за первым шагом последовали решения не менее значимые для консолидации региона.

В одной из своих последних работ известный ученый, экс-директор Архангельского Института физиологии и природных адаптаций УРО РАН А. В. Ткачев, безвременно ушедший из жизни, писал, а по сути, завещал: «Север уязвим, потому что у северян нет общей концепции...» [14].

Пришло время для ее формирования, так как продолжающий деградировать материковый «лоскутный» Европейский Север не сможет в полной мере выполнить роль плацдарма в реализации арктической стратегии России. Нужно, не впадая в крайности, как это бывало в прошлом, добиваться того, чтобы консолидированная энергетика северных регионов обеспечивала синергетику России!

Литература

1. Федоров П. В. Центр и северная окраина российского государства в XVI–XX вв.: Динамика стратегических связей (на материалах Кольского заполярья). Дисс. на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. Архангельск, 2009. С. 55–56.
2. Лапко Г. М. Территориальная структура России в начале XXI века // География. 2002. – № 33. – С. 22.
3. Дугин А. Основы Геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999. С. 317.
4. Федоров П. В. Центр и северная окраина российского государства в XVI–XX вв.: Динамика стратегических связей (на материалах Кольского заполярья) / Автор. докт. дисс. Архангельск, 2009. С. 3.
5. Туровский Р. Федеральные округа: политико-географический подход в теории и на практике // Федерализм. – 2003. – № 1. – С. 245.
6. Государственное и муниципальное управление: регионально-экономические детерминанты / Под ред. Р. А. Ислаева. – Санкт-Петербург, 2002. С. 15.
7. Капитонов А. Нужны ли России субъекты-матрешки? // Российская газета. 2004. 13 мая.
8. Сенчагов В., Дадалко В., Багин А. Укрупнение регионов: цели и реальность // Федерализм. – 2004. – № 3. – С. 10.
9. Дугин А. Г. Основы геополитики. М., 1997. С. 312–313.
10. Велихов Е. П. // Поморская столица (Архангельск). – 2010. – № 11. – С. 17.
11. Станислав Тидор. Размышления о северной ментальности // Север. – 1997. – № 11–12. – С. 109.
12. Басилашвили О. Убить в себе крепостного // Аргументы и факты. – 2008. – № 49.
13. Султанов Ш. Логика президента понятна. И она верна. URL.: http://www.russia-today.ru/archive/2004/no_20/20_topic_1.htm (дата обращения: 5.01.2011).
14. Ткачев А. В. // Известия. 2004. 30 апреля.

Рецензент – В. И. Голдин,
доктор исторических наук, профессор

Экология Арктики и Севера, природные ресурсы

УДК: 540.4:552.578.2(571.56)

Вопросы экологического мониторинга и реабилитации нефтезагрязненных почв арктической зоны Якутии

© **Глязнецова** Юлия Станиславовна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН. E-mail: geochemlab@ipng.ysn.ru.

© **Зуева** Ираида Николаевна, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН. E-mail: i.n.zueva@ipng.ysn.ru.

© **Чалая** Ольга Николаевна, кандидат геолого-минералогических наук, заведующая лабораторией геохимии каустобиолитов, ведущий научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН. E-mail: o.n.chalaya@ipng.ysn.ru.

© **Лифшиц** Сара Хаимовна, кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН. E-mail: s.h.lifshits@ipng.ysn.ru.

При изучении мерзлотных почв для характеристики особенностей природного фона, идентификации нефтезагрязнения почв, характеристики его состава и границ распространения использован комплекс аналитических методов: ИК-Фурье спектроскопия, газо-жидкостная хроматография, хромато-масс-спектрометрия и геохимический подход при интерпретации полученных данных. Приведены результаты эксперимента по изучению деградации нефтезагрязнения в почвах криолитозоны под действием нефтедеструкторов на основе аборигенной углеводородокисляющей микрофлоры.

Ключевые слова: *нефтезагрязнение, биodeградация, мерзлотная почва, микрофлора, природный фон.*

The questions of environmental monitoring and rehabilitation of oil-contaminated soils of the Arctic zone of Yakutia

© **Glyaznezova** Yliya, Ph.D. of Chemistry, senior researcher at the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS. E-mail: geochemlab@ipng.ysn.ru.

© **Zueva** Iraida, candidate of geological-mineralogical sciences, senior researcher at the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS. E-mail: i.n.zueva@ipng.ysn.ru.

© **Chalaya** Olga, candidate of geological-mineralogical sciences, head of the Laboratory of Geochemistry caustobioliths, a leading researcher at the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS. E-mail: o.n.chalaya@ipng.ysn.ru.

© **Lifshiz** Sara, Ph.D. of Chemistry, senior research worker of the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS. E-mail: s.h.lifshits@ipng.ysn.ru.

Abstract

In the study of permafrost soils to characterize the features of the natural background, the identification of oil pollution of soil, its composition and characteristics of the boundaries, it was used a complex of analytic methods: IK-Fyrie spectroscopy, gas-liquid chromatography, chromatography mass-spectrometry and geochemical approach to the interpretation of the data. The results of an experiment of the study of the degradation of oil pollution in the soils of permafrost under the effect of oil destructors on native micro flora of hydrocarbon.

Keywords: *oil pollution, biodegrading, permafrost soil, micro flora, the natural background.*

На шельфе северных морей российского сектора Арктики запасы нефти и газа, по оценкам геологов, могут составлять до 80 % углеводородного потенциала России в целом. Освоение этих ресурсов в суровых климатических условиях является трудной технической проблемой, включающей обязательное обеспечение условий рационального природопользования, промышленной и экологической безопасности. До начала реализации крупномасштабных проектов по добыче углеводородного сырья важно провести оценку экологического состояния шельфа арктических морей на загрязнение нефтепродуктами (НП).

Существенный вклад в загрязнение окружающей среды вносят морские порты, транспортные средства – морской и речной флот, нефтеналивные базы и суда. Донные осадки портовых комплексов в прибрежных морских заливах арктических морей характеризуются высоким уровнем концентрации нефтяных углеводородов. Большое значение имеет мони-

торинг прибрежной полосы и оценка экологического состояния территорий в связи с антропогенной деятельностью, приводящей к изменению окружающей среды.

В арктических и субарктических регионах в отличие от регионов с благоприятными климатическими условиями процессы биодegradации разлитых нефти и НП протекают значительно медленнее, что предопределяет более низкую способность мерзлотных почв к самоочищению. Присутствие близко залегающей многолетней мерзлоты, низкие температуры и короткий вегетационный период – всё это обуславливает низкие скорости трансформации нефтезагрязнения.

Состояние окружающей среды арктической и субарктической зоны Якутии практически не изучено. Нефть и НП являются наиболее опасными источниками загрязнения и представляют собой особый риск загрязнения и экологическую угрозу для арктической природной среды. Они доставляются в арктические районы по рекам. Большинство нефтебаз находятся по берегам рек и береговой зоны моря Лаптевых. В результате аварийных разливов при транспортировке и в процессе эксплуатации нефтебаз происходит нефтезагрязнение вод и береговой части суши. Международный опыт мероприятий показывает, что в арктических условиях удастся собрать и утилизировать всего 10–15 % разлитой нефти. Остаточное нефтезагрязнение в условиях криолитозоны, сохраняясь на долгие годы, становится источником поступления нефтяных углеводородов по речному стоку в море и его прибрежную часть. Таким образом, первоначально локальное нефтезагрязнение может распространяться на большие территории. Специфическими особенностями обширных арктических и субарктических регионов являются наличие вечномёрзлых почвогрунтов, длительное замерзание водоемов, широкое распространение болот и заболоченных территорий [1, 1993]. Почвы северных широт, обладающие низкой биогенностью, малоспособны к самовосстановлению. При разливах нефть впитывается моховой поверхностью, проникает вглубь до зоны оттаивания и продолжает распространяться латерально над этой зоной, подвергаясь очень медленной трансформации. Большая часть разлитой нефти остается в верхнем приповерхностном (до 10 см) слое грунта [2, 2003].

В связи с этим на северных территориях экологический мониторинг объектов НГК является одной из первоочередных задач для минимизации ущерба в результате антропогенного воздействия на природные экосистемы Арктики.

В Республике Саха (Якутия) за последние 5 лет произошло несколько крупных аварий, связанных с разливами нефти и НП, в том числе и в арктической и субарктической зонах. В 2008 году произошёл аварийный разлив дизельного топлива «Арктика» на территории склада горюче-смазочных материалов в Момском районе; в 2009 году, по официальным данным, в акваторию залива Булункан моря Лаптевых (п. Тикси) в результате аварии попало 37 тонн нефти. Многие северные районы Якутии для отопления жилых домов используют сырую нефть. Её доставка и хранение, как видно из приведённых примеров, представляют определённую угрозу природной среде.

Все это вызывает решение ряда задач, к которым относятся: пролонгированный мониторинг территорий арктической зоны на современном аналитическом уровне, особенно на территориях размещения объектов нефтегазового комплекса. Важным направлением являет-

ся изучение способности северных экосистем к восстановлению при попадании в них компонентов нефти и НП. Особое значение приобретают исследования, направленные на разработку технологий по ликвидации нефтезагрязнений и создание нефтеструктуров, эффективных в экстремальных климатических условиях субарктической зоны.

На наш взгляд, решению вопросов мониторинга территорий на загрязнение нефтью и НП и научного сопровождения реабилитации нефтезагрязненных территорий в большей степени может способствовать применение методов органической геохимии.

Одной из ключевых задач геохимического мониторинга является поиск информативных и надежных параметров для диагностики загрязнения почв и донных отложений нефтью и НП, для оценки качества проводимых очистных работ и выбора деструкторов, наиболее эффективных для арктических и субарктических условий. Как показала практика экологических исследований, существующие методики определения нефтезагрязнения в почвах методами флуориметрии и ИК-спектроскопии [3, 4] следует рассматривать как экспрессные для определения нефтезагрязнения в случае свежих разливов и при массовом анализе большого количества проб для выявления участков с возможным загрязнением.

Их недостатком является существенное занижение содержания НП в пробах почв за счет неполного определения как легких углеводородов (УВ) – бензиновой и керосиновой фракций, так и высокомолекулярных УВ и гетеросодержащих компонентов – смол и асфальтенов [5, 2007]. Аналитик при определении содержания НП в почвах должен отчетливо представлять, что выделенные экстракты по своему составу являются смесью углеводородных соединений техногенного, т. е. собственно нефтезагрязнения, и природного генезиса – органического вещества (ОВ) почв. Каждая из этих составляющих характеризуется своим набором большого количества углеводородных соединений, содержание которых может варьировать в широком диапазоне.

Один из способов оценки техногенной составляющей (остаточного содержания НП или нефтезагрязнения) предложен в вышеуказанных методиках [3, 4], в которых вклад природного ОВ почв сводится к минимуму за счёт использования наиболее лёгкого растворителя – гексана и адсорбции тяжелых УВ и асфальтово-смолистых компонентов на колонках с двуокисью алюминия. Эти методики широко применяются для оценки нефтезагрязнения почв и донных отложений при разливах лёгких НП и свежих разливов нефти, но они совершенно не отвечают задачам многолетнего мониторинга нефтезагрязненных территорий и оценке результатов работ по реабилитации земель, а также при разливах тяжёлых НП.

При мониторинге нефтезагрязнённых территорий перед исследователем встаёт задача определения нефтезагрязнения на фоне присутствия нативного ОВ почв или донных осадков. О нестандартности и сложности поставленной задачи и возможных путях её решения много полезных сведений можно найти в работах [6–8]. В силу сложности и разнообразия состава загрязнителей и особенностей состава ОВ почв поставленный вопрос должен решаться в каждом случае конкретно, в соответствии с поставленной задачей. Здесь весьма полезным может быть опыт геохимических исследований ОВ пород и нефтидов.

В разделе органической геохимии по изучению ОВ современных осадков содержатся сведения по результатам исследований битуминозной составляющей ОВ (битумоидов), рас-

считаются особенности их состава для ОВ различных типов почв и донных осадков, приводятся обзоры по современным методам анализа органических соединений. Значительные вариации в содержании битумоидов в составе ОВ современных осадков и разнообразие их состава приводят к пониманию, что оценка вклада битумоидов нативного ОВ в суммарное содержание экстракта из проанализированных проб с нефтезагрязненных территорий не может быть сведена к простому арифметическому вычитанию «среднего значения природного фона», определённого по выходу битумоида в фоновых пробах [9]. Более того, как показывают геохимические исследования, сами фоновые пробы, которые отбираются на «чистых» территориях, могут оказаться загрязненными НП. Знание регионального природного фона, специфики состава ОВ почв или донных осадков необходимо, начиная со стадии выбора фоновых проб, что требует проведения специальных геохимических исследований.

С другой стороны, в органической геохимии содержится обширная и детальная информация по составу конденсатов и нефти, особенностям распределения индивидуальных УВ, наличию в их составе УВ-биомаркеров. Эти данные в каждом конкретном случае могут быть весьма полезны при идентификации того или иного типа загрязнителя, что требует специального изучения исходного состава загрязнителя.

В нефтяной геохимии с большой степенью детальности изучены и вопросы деградации нефти как в условиях залежей, так и по результатам многочисленных модельных экспериментов. Данные о процессах трансформации состава нефти в результате бактериального окисления УВ в аэробных условиях, об избирательности и этапности протекания этих процессов могут быть весьма полезны при изучении особенностей деградации нефтезагрязнения во времени. Полученные результаты могут послужить основой для создания новых эффективных нефтедеструкторов с использованием аборигенной микрофлоры при разработке способов ликвидации нефтяных разливов.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в природных условиях влияние таких факторов, как вклад нативного ОВ почв, а также возможное наложение вторичных загрязнений, может снивелировать эффект собственно биодеградационных изменений в составе нефтезагрязнения и таким образом привести к заниженной оценке эффективности нефтедеструкторов. Разработка критериев для корректной оценки эффективности разрабатываемых нефтедеструкторов и контроля качества рекультивационных работ по ремедиации загрязненных почв является самостоятельной научной задачей, которая требует специальных исследований особенностей трансформации нефтезагрязнения в различных условиях, учёта влияния природного фона и вторичных факторов.

В Институте проблем нефти и газа СО РАН в течение 11 лет проводятся экологические исследования по мониторингу территорий различных объектов нефтегазового комплекса на загрязнение почв и донных отложений нефтью и НП в субарктической зоне Якутии. Одним из направлений является повышение эффективности мониторинга на основе разработки информативных и надежных параметров для оценки загрязнения почв и донных отложений нефтью и НП. Полученные результаты могут быть полезны в связи с планируемыми исследованиями по оценке состояния окружающей среды Арктической зоны РФ.

В наших исследованиях был использован комплекс аналитических методов органической геохимии: ИК-Фурье спектроскопия, газо-жидкостная хроматография, хромато-масс-спектрометрия и геохимический подход при выборе аналитических параметров, который позволил учесть специфику состава загрязнителей и нативного ОВ почв и донных осадков – природного фона. Предложенные геохимические параметры обладают рядом преимуществ перед методиками [3, 4] и позволяют: 1) дифференцировать нефтезагрязнение от нативного ОВ почв и донных осадков; 2) определить остаточное содержание нефтяных УВ при разливах как легких – бензин, керосин, конденсаты, так и тяжёлых НП – нефть, мазуты, масла, что особенно важно при многолетнем мониторинге загрязнённых территорий; 3) идентифицировать и определить характер распределения индивидуальных УВ в составе нефтезагрязнения [10, 2004; 11, 2007].

На наш взгляд, это позволило повысить качество мониторинга и на современном аналитическом уровне подойти к исследованию важных экологических задач. К ним относятся определение регионального природного фона, изучение современного состояния почвогрунтов и донных осадков на загрязнение нефтью и НП на объектах нефтегазового комплекса, выявление техногенных аномалий, определение уровня и состава загрязнения, изучение трансформации нефтезагрязнения в природных условиях и под влиянием нефтедеструкторов, оценка качества выполнения рекультивационных работ на загрязнённых территориях. В настоящей работе рассмотрены результаты исследований по деградации нефтезагрязнения почв аборигенной углеводородокисляющей микрофлорой (УОМ) с применением местных сорбентов – цеолита месторождения Хонгуруу (Сунтарский район, Западная Якутия) и вермикулита месторождения Инагли (Алданский район, Южная Якутия). Целью исследований была оценка разрабатываемой технологии по очистке мерзлотных почв от загрязнений нефтью и НП в субарктических условиях Якутии.

Эксперимент проведен в естественных условиях на территории склада горюче-смазочных материалов в с. Хонуу, где 16 сентября 2008 года произошёл аварийный разлив дизельного топлива «Арктика». Общая площадь загрязнения составила 0,8 га. Для мёрзлых пород характерна максимальная температура от -9 до -11 °С. Средняя температура воздуха в июле от +6 до +14 °С. Материалом для исследований послужили пробы почв, загрязнённые дизельным топливом «Арктика», с места аварии, а также фоновые пробы, взятые на расстоянии от места разлива с незагрязнённых участков.

Эксперимент проводился с 16 июня по 21 августа 2009 года и состоял из двух этапов. *На первом этапе в июне* были отобраны загрязнённые пробы почв на опытных участках и после этого проведена обработка почв УОМ, иммобилизованными на сорбентах – цеолите и вермикулите. Иммобилизованные на поверхность минералов микроорганизмы вносили на загрязнённые участки из расчёта 200 г на 1 м² – для цеолита и 50 г на 1 м² – для вермикулита. *На втором этапе в августе* на этих участках были повторно отобраны пробы для изучения процессов деградации дизельного топлива под влиянием нефтедеструкторов в естественных условиях.

Кроме того, на обоих этапах были отобраны контрольные пробы с загрязнённых участков, где не проводилась очистка почв с внесением препаратов, что позволило оценить эф-

фективность воздействия нефтеструктуров на основе УОМ на процессы деградации нефтезагрязнения по сравнению с контрольными пробами.

Аналитические исследования включали холодную экстракцию углеводородных соединений хлороформом из почвенных проб, количественное определение выхода экстракта (остаточное содержание нефтяных углеводородов), изучение группового состава экстрактов: количество масел, смол и асфальтенов, а также качественное определение структурно-группового состава экстрактов методом ИК-Фурье спектроскопии и определение индивидуального состава насыщенных УВ методом хромато-масс-спектрометрии.

Полученные результаты исследованных проб мерзлотных почв, загрязненных дизельным топливом, и фоновых проб представлены в таблице 1. При оценке нефтезагрязнения почвенных проб учитывались данные по природному фону. Они использовались как при диагностике нефтезагрязнения почвенных проб, так и при оценке степени деструкции нефтезагрязнения. Предполагалось, что состав загрязненных проб после эффективной биологической очистки должен измениться в направлении приближения к составу фоновых проб.

Таблица 1

Деградация нефтезагрязнения в мерзлотных почвах при загрязнении дизтопливом «Арктика»

Точка отбора проб	Условия эксперимента	№ пробы	Выход ХБ*, г/кг	Деградация нефтезагрязнения июнь – август, %	Групповой компонентный состав ХБ, %		
					УВ	смолы	асфальтены
Фоновые пробы			0–1,516		6,23–13,79	58,22–69,34	21,94–32,70
Контрольные пробы	<i>без УОМ и сорбентов</i> июнь август	1	25,823	17,80	92,64	6,87	0,49
		2	21,247		81,99	13,23	4,77
Х –У3-09	<i>УОМ + вермикулит</i> до внесения – июнь после внесения – август	3	23,420	89,53	81,53	14,22	4,25
		4	2,450		23,05	65,29	11,66
Х –У7-09	<i>УОМ + цеолит</i> до внесения – июнь после внесения – август	5	18,35	91,71	80,72	16,37	2,91
		6	1,521		21,50	50,86	26,91
Х –У8-09	<i>УОМ + цеолит</i> до внесения – июнь после внесения – август	7	19,803	85,48	93,13	6,51	0,36
		8	2,875		17,05	71,14	11,81

* – содержание нефтепродуктов определяли по выходу хлороформенного экстракта – хлороформенного битумоида (ХБ) в почвенных пробах.

Фоновые пробы. Как видно из таблицы 1, содержание природных углеводородных соединений в фоновых пробах варьирует от следов до высоких значений 1,516 г/кг. По особенностям химической структуры фоновые пробы соответствуют ХБ почвенных проб, отобранных на природных объектах, изученных ранее [9, 2009]. На это указывает близкий характер ИК-спектров проб и групповой компонентный состав с преобладанием асфальтово-смолистых компонентов над углеводородными соединениями (табл. 1). Вместе с тем, по данным хромато-масс-спектрометрии в составе насыщенных алкановых УВ были обнару-

жены относительно низкомолекулярные алканы C_{12} - C_{15} , что не характерно для алкановых УВ органического вещества современных осадков. В данном случае это указывает на присутствие следов загрязнения дизтопливом в составе фоновых проб. Поскольку изученная территория относится к нефтегазовому комплексу, то такие отклонения от природного фона типичны для техногенных объектов. Проанализированные пробы могут рассматриваться как фоновые для данной территории размещения объекта.

Первый этап (июнь 2009 года). Во всех изученных пробах (1, 3, 5, 7) с загрязненных участков, отобранных в июне 2009 года до внесения в почвы УОМ, выход ХБ составлял от 18,350 до 25,823 г/кг, что соответствует высокому уровню загрязнения по классификации [12, 2001]. ХБ проб характеризуются близким структурно-групповым составом с преобладанием углеводородных соединений над соединениями с кислородсодержащими группами и связями, на что указывает низкое поглощение в области 1100–1300, 1700–1740, 3300 cm^{-1} . ИК-спектры экстрактов типичны для нефтезагрязненных территорий. Групповой компонентный состав также характерен для почвогрунтовых проб, загрязненных нефтью или НП. На это указывает преобладание углеводородов (масел) 80,72–93,13 % над суммой асфальтово-смолистых компонентов (табл. 1). По данным хромато-масс-спектрометрии состав насыщенных УВ экстрактов соответствует загрязнителю – дизельному топливу, что выражается в преобладании относительно низкомолекулярных алканов над высокомолекулярными (табл. 2, проба 1, 2, 7). Углеводородный состав нефтезагрязнённой пробы характеризуется повышенным содержанием алканов нормального строения, которые представлены гомологическим рядом $n-C_{12}$ - $n-C_{29}$. Среди них 97 % составляют относительно низкомолекулярные структуры $n-C_{12}$ - $n-C_{20}$, что обуславливает высокое значение отношения их к относительно высокомолекулярным гомологам. Максимум распределения n -алканов приходится на $n-C_{15,16}$, коэффициент $nч/ч$ близок к единице. Среди насыщенных УВ n -гептадекан и n -октадекан преобладают над пристаном и фитаном, отношение $(Pr+Ph)/(n-C_{17}+n-C_{18})$ меньше единицы, что типично для нефтезагрязнителей.

Таблица 2

Индивидуальный состав насыщенных УВ

Параметры	№ пробы				
	1	2	7	8	фоновая
Условия эксперимента	контрольные пробы (без внесения УОМ)		внесение УОМ + цеолит		
	июнь	август	до внесения – июнь	после внесе- ния – август	
$n.k.-nC_{20}/nC_{21}-k.k.$	34,13	26,57	33,65	1,19	0,59
Максимум n -алканов	$n-C_{16,17}$	$n-C_{15,16}$	$n-C_{15,16}$	$n-C_{17,18,27,29}$	$n-C_{27,29,31}$
Коэффициент $nч/ч$ по всему ряду	0,99	0,95	1,08	1,74	2,04
Изопреноиды/ n -алканы	0,45	0,54	0,46	0,88	0,41
iC_{19}/nC_{17}	0,74	0,95	0,71	2,70	2,45
iC_{20}/nC_{18}	0,72	0,85	0,79	2,67	2,46
$iC_{19}+iC_{20}/nC_{17}+nC_{18}$	0,73	0,93	0,75	2,69	2,46

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в составе проанализированных проб почвогрунтов, отобранных почти год спустя после аварийного разлива дизтоплива, от-

сутствуют заметные признаки биодegradации загрязнения. Это подтверждает очень низкую способность мерзлотных почв к самоочищению в условиях холодных регионов.

Второй этап (август 2009 года). Результаты изучения почвенных проб с опытных участков через два месяца после внесения УОМ показали снижение остаточного содержания нефтяных УВ на порядок, что соответствует 85,5–91,7 % деструкции нефтезагрязнения по сравнению с контрольными пробами (без внесения УОМ), где деструкция составила 17,8 % (табл. 1).

Высокая степень деструкции нефтезагрязнения почв установлена по результатам изучения состава и химической структуры выделенных экстрактов. Как видно из ИК-спектра (рис. 1, проба 7) в химической структуре экстрактов исходных почвенных проб преобладают углеводородные группы и связи: соединения с длинными метиленовыми цепями (720 см⁻¹), ароматические углеводороды (750, 810 и 1600 см⁻¹). Кислородсодержащие группы и связи присутствуют в небольшом количестве (1170 и 1710 см⁻¹). В групповом составе этих проб (табл. 1) доминируют углеводороды, а на долю смол и асфальтенов приходится ниже 20 %.

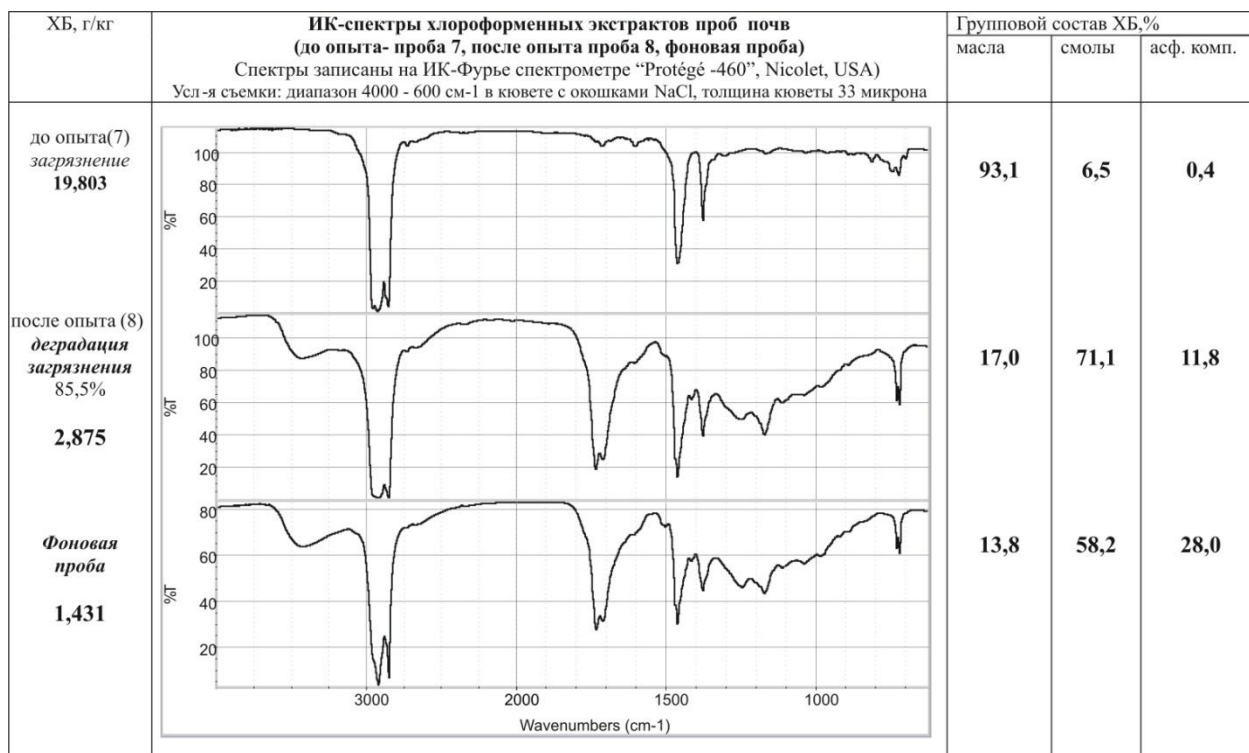

Рис.1. ИК-спектры хлороформенных экстрактов почв

По данным группового состава (табл. 1) можно сделать вывод о том, что в процессе биодegradации микроорганизмами в первую очередь утилизируется углеводородная часть загрязнения, т. е. масла. Их количество в экстрактах проб почв с внесением УОМ резко падает от 80,72–93,13 до 23,05–17,05 %. Как и следовало ожидать, после биоочистки состав «остаточного загрязнения» резко изменился в направлении увеличения количества асфальтенов и особенно смолистых компонентов (табл. 1). Вместе с тем, результаты ИК-Фурье спектроскопии показали, что структурно-групповой состав экстрактов проб с внесением УОМ в большей степени соответствует природному ОВ почв, а не остаточному нефтезагрязнению (рис. 1, проба 8). Полученные данные свидетельствуют о глубокой биохимической трансформации

нефтезагрязнения, в результате которой в изученных пробах по ИК-спектрам практически трудно обнаружить присутствие нефтяных углеводородов. Характер ИК-спектра ХБ становится типичным для битумоидов ОВ современных осадков. Доминирующая в спектре полоса поглощения в области $1700\text{--}1740\text{ см}^{-1}$ указывает на высокое количество карбонильных групп, сильное поглощение в области 1170 см^{-1} – на высокое количество эфирных связей. Чётко выраженное поглощение в области $3200\text{--}3600\text{ см}^{-1}$ связано с присутствием гидроксильных групп, входящих в состав карбоновых кислот, кетонов и сложных эфиров. В химической структуре значительно участие длинных метиленовых цепей (дублет 720 и 730 , 1380 и 1460 см^{-1}) и низкое – соединений с ароматическими циклами (750 и 1600 см^{-1}). Все эти особенности характерны для незрелого ОВ континентальных фаций и установлены для ОВ различных типов мерзлотных почв Якутии [9, 2009].

После внесения УОМ в ХБ проб отмечаются значительные изменения в составе насыщенных ациклических УВ. Почти на 10 % уменьшилась доля н-алканов, которые представлены более длинным гомологическим рядом от н- C_{13} до н- C_{33} (табл. 2, проба 8; рис. 2, В). В их составе по сравнению с первоначальным нефтезагрязнением (рис. 2, А) значительно повысилось содержание относительно высокомолекулярных гомологов н- C_{21} –н- C_{25} , что выражено в уменьшении величины отношения относительно низко- к относительно высокомолекулярным н-алканам. Изменилось распределение н-алканов: оно приобрело бимодальный характер с максимумами на н- $C_{17,18}$ и н- $C_{27,29}$. Обнаружено перераспределение между алканами нормального строения и изопреноидами: пристан и фитан преобладают над рядом элюирующимися н-гептадеканом и н-октадеканом. Значение соотношения $iC_{19}+iC_{20}/nC_{17}+nC_{18}$ в пробе 8 увеличилось до 2,69 по сравнению с 0,75 с пробой 7 (табл. 2).

Изменения в составе углеводородной фракции обработанных УОМ проб свидетельствуют об активно протекавших процессах биодеструкции. В результате химический, структурно-групповой и групповой компонентный состав (а также особенности распределения индивидуальных насыщенных УВ экстрактов проб почв) после обработки нефтедеструкторами стал практически идентичным составу фоновых проб. Полученные результаты свидетельствуют о том, при внесении в загрязненные почвы аборигенных УОМ, иммобилизованных на местных сорбентах, всего за один летний сезон можно достигнуть высокой степени деградации загрязнения мерзлотных почв дизельным топливом.

Высокие коэффициенты деградации от 85 до 92 % в почвенных пробах с высоким уровнем загрязнения почв по сравнению с контрольными пробами без внесения УОМ, в которых коэффициент деградации составил только 18 %, свидетельствуют об эффективности действия нефтедеструкторов в мерзлотных почвах холодных субарктических регионов. Таким образом, выполненные исследования по разработке нефтедеструкторов на основе аборигенных УОМ, иммобилизованных на местных сорбентах, показали, что данное направление является перспективным при проведении биорекультивации нефтезагрязненных мерзлотных почв на различных объектах нефтегазового комплекса.

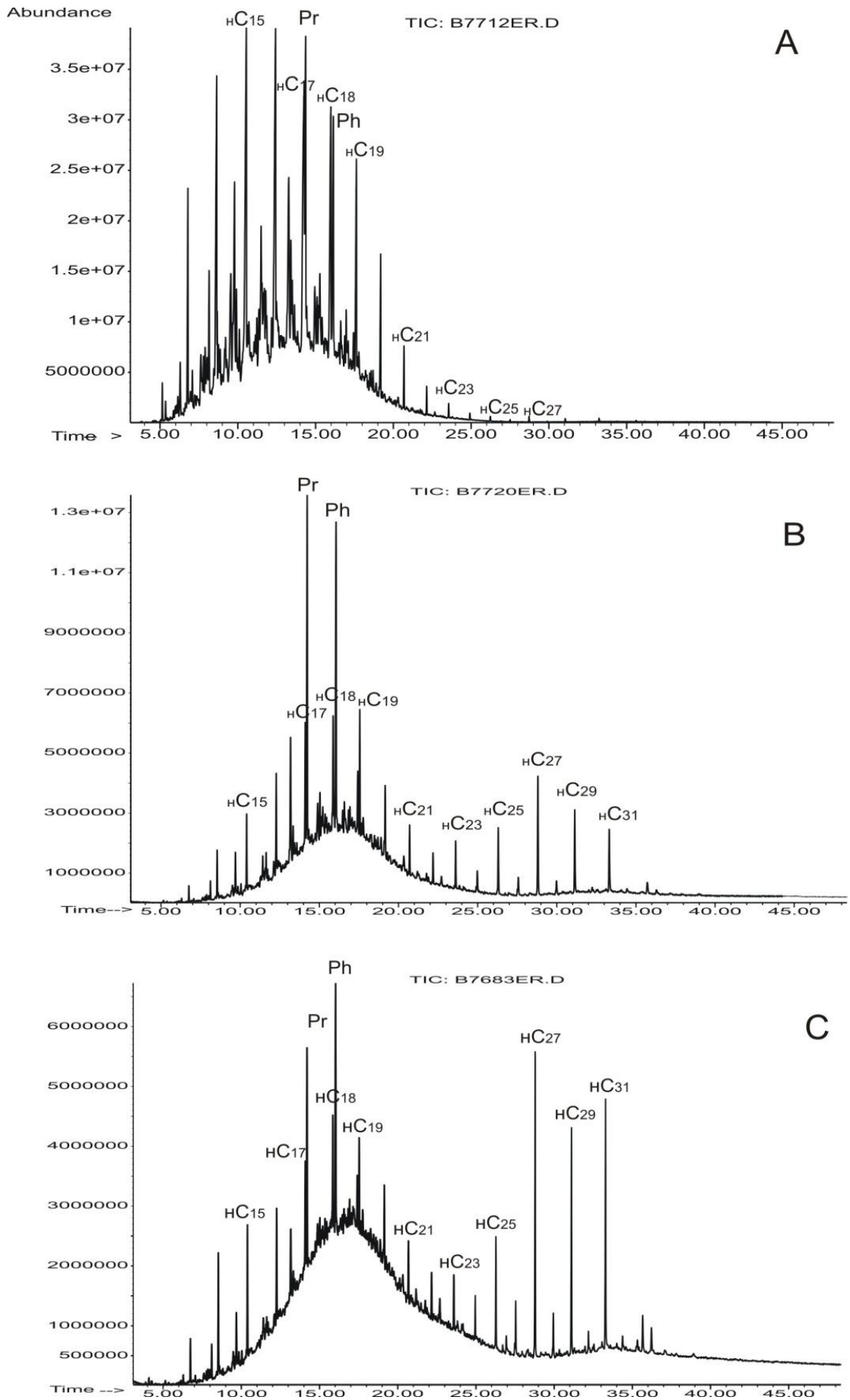

Рис. 2. Масс-хроматограммы углеводородных фракций хлороформенных экстрактов проб: А – проба 7 (до опыта), В – проба 8 (после опыта), С – фоновая проба

Литература

1. Пиковский Ю. И. Природные и техногенные потоки углеводородов в окружающей среде. М., 1993. С. 115.
2. Гильдеева И. М. Влияние сезонных процессов промерзания – оттаивания грунта на эволюцию нефтяных загрязнений в Арктических районах / Под ред. Шиманского В. К. СПб, 2003. С. 118.
3. Методика выполнения измерений массовой доли нефтепродуктов в пробах флуориметрическим методом на анализаторе жидкости «Флюорат-02». ПНД Ф 16.1.21-98. Госкомитет РФ по охране окружающей среды. Методика допущена для целей государственного экологического контроля. М., 1998.
4. Количественный химический анализ почв. Методика выполнения измерений массовой доли нефтепродуктов в почвах и донных отложениях методом ИК-спектроскопии. ПНДФ 16.1:2.2.22-98. М.: Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды, 1998. – С. 16
5. Другов Ю. С., Родин А. А. Экологические анализы при разливах нефти и нефтепродуктов. Практическое руководство: 2-е изд. М., 2007. С. 177–214.
6. White D. M., Collins D. S., Barnes D. and Byard H. 2004. Effect of crude oil spill on permafrost after 24 years in interior Alaska // Proc. Cold Regions Engineering and Construction Conf. American Society of Civil Engineers. Edmonton. May 16–19.
7. White D. M. and Irvine R. L. 1996. The bituminous material in Arctic peat: implications for analyses of petroleum contamination. J. Haz. Mat'ls. 49. 81–196 pp.
8. Bioremediation of Petroleum Hydrocarbons in Cold Regions // Edited by Dennis M. Filler, Ian Snape and David L. Barnes. Cambridge University Press, 2008. 109–125 pp.
9. Зуева И. Н., Глязнецова Ю. С., Лифшиц С. Х., Чалая О. Н., Каширцев В. А. Методы исследования поверхностных углеводородных геохимических полей природного и техногенного происхождения // Наука и образование. – 2009. – № 1. – С. 50–55.
10. Зуева И. Н., Лифшиц С. Х., Чалая О. Н., Каширцев В. А., Глязнецова Ю. С. Идентификация нефтяного загрязнения почвогрунтов методами ИК-Фурье спектроскопии и хроматографии // Сб. проблемы устойчивого развития региона. Материалы докл. 3 школа-семинар молодых ученых России. 8–12 июня 2004 г. Улан-Удэ. С. 158–163.
11. Глязнецова Ю. С., Зуева И. Н., Чалая О. Н., Лифшиц С. Х. Хромато-масс-спектрометрическое определение типа загрязнителей почвогрунтов при разливах нефтепродуктов // Проблемы устойчивого развития региона: Материалы IV школы-семинара молодых ученых России. Улан-Удэ, 2007. С. 133–135.
12. Гольдберг В. М., Зверев В. П., Арбузов А. И., и др. Техногенное загрязнение природных вод углеводородами и его экологические последствия. М., 2001. С. 94.

Рецензент – М. Г. Губайдуллин,
доктор геолого-минералогических наук, профессор

УДК [551.588.7(985)+005.521](045)

Прогнозирование и последствия изменения климата Арктического региона

© **Зеленина** Лариса Ивановна, кандидат технических наук, доцент, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (г. Архангельск). Количество научных публикаций – 38, монографий – 1. E-mail: lzelenina0106@mail.ru.

В статье определена роль Арктического региона. Рассмотрены причины изменения климата. Приведена статистика изменений основных климатических показателей. Разработана математическая модель полиномиального тренда минимальной площади арктических льдов.

Ключевые слова: Арктический регион, изменение климата, модели прогнозирования.

© **Федькушова** Светлана Ивановна, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (г. Архангельск). Количество научных публикаций – 6, монографий – 1. E-mail: SIF-7@yandex.ru.

Forecasting and the results of climatic changes in the Arctic region

© **Zelenina** Larisa, Ph.D. of Technical Sciences, Associate Professor, Russian Correspondence Financial and Economic Institute (Arkhangelsk). Quantity of scientific publications – 38, monographies – 1. E-mail: lzelenina0106@mail.ru.

© **Fedkyshova** Svetlana, Russian Correspondence Financial and Economic Institute (Arkhangelsk). Quantity of scientific publications – 6, monographies – 1. E-mail: SIF-7@yandex.ru.

The article defines the role of the Arctic region. The causes of climatic changes have been studied. The statistics of changes in key climate indicators is written. A mathematical model of a polynomial trend of the minimum area of Arctic sea ice is created.

Keywords: Arctic region, climatic changes, forecasting models.

Природа Арктики в высшей степени чувствительна к антропогенному воздействию и очень медленно восстанавливается после неразумного вмешательства. В Арктике сходятся основные атмосферные потоки, речные и морские течения, которые издавна приносят сюда загрязняющие вещества.

В Арктической зоне России выделено 27 районов (11 – на суше, 16 – в морях и прибрежной зоне), где произошли сильнейшая трансформация естественного геохимического

фона, загрязнение атмосферы, деградация растительного покрова, почвы и грунтов, внедрение вредных веществ в цепи питания, повышение заболеваемости населения.

Распределение районов крайне неравномерно. Четыре главных очага напряжённости – это Мурманская область (10 % суммарного выброса загрязняющих веществ), Норильская агломерация (более 30 %), районы освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири (более 30 %) и Архангельская область (высокая степень загрязнения специфическими веществами).

Арктика чрезвычайно уязвима перед такими воздействиями в силу экстремальности природно-климатических условий, хрупкости экосистем, обособленности полярных регионов от крупных экономических и политических центров страны и слабой развитости их транспортных коммуникаций и других инфраструктур.

Российская Арктика является важным источником ископаемого топлива. С учетом планов по увеличению объемов добычи природных ресурсов и развития промышленного производства в полярных регионах представляется важным рассмотреть возможности как для адаптации арктических территорий к климатическим изменениям, так и для смягчения воздействия на климат через снижение выбросов парниковых газов.

По данным наблюдений, температура воздуха в Арктике за последнее столетие увеличивалась почти вдвое быстрее, чем средняя температура Земли. С 1980-х гг. температура в холодное время года на большей части Арктического пояса увеличивалась примерно на 1 °С за десятилетие. Потепление здесь наиболее заметно зимой. 2007 год был самым теплым для региона за весь период наблюдений с 1921 года. В 2008 году аномалия среднегодовой температуры воздуха в полярной области составила 1,4 °С.

По данным Росгидромета, картина аномальных отклонений среднегодовой температуры воздуха в Арктике и в Северном полушарии в 1901–2007 гг. имеет следующий вид:

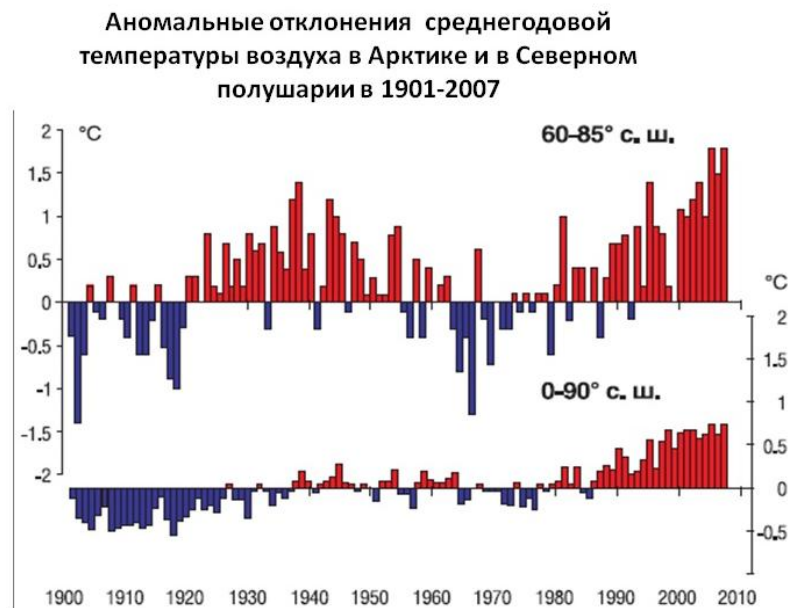

Рис. 1. Аномальные отклонения среднегодовой температуры воздуха в Арктике и в Северном полушарии в 1901–2007 гг.

За последние сто лет количество осадков в Арктике выросло в среднем примерно на 8 %. Больше всего увеличились осадки в виде дождя с максимальным ростом осенью и зимой. Примерно на 10 % уменьшилась площадь снежного покрова за последние 30 лет.

Значительное сокращение площади оледенения за последние 30 лет (на 15–20 %) подтверждают инструментальные наблюдения за арктическими льдами со спутников. Спутниковые данные показывают, что в среднем на 2,7 % за десятилетие уменьшалась среднегодовая площадь льдов в Арктике. Особенно заметна динамика летнего льда. За последнее десятилетие площадь морских льдов в сентябре сократилась на 7,4 %. Начиная с 2002 года один за другим регистрировались все более глубокие минимумы летней площади льда, а в 2007 году был достигнут абсолютный минимум за период спутниковых наблюдений с 1979 года – 4,3 млн. км² (рис. 2).

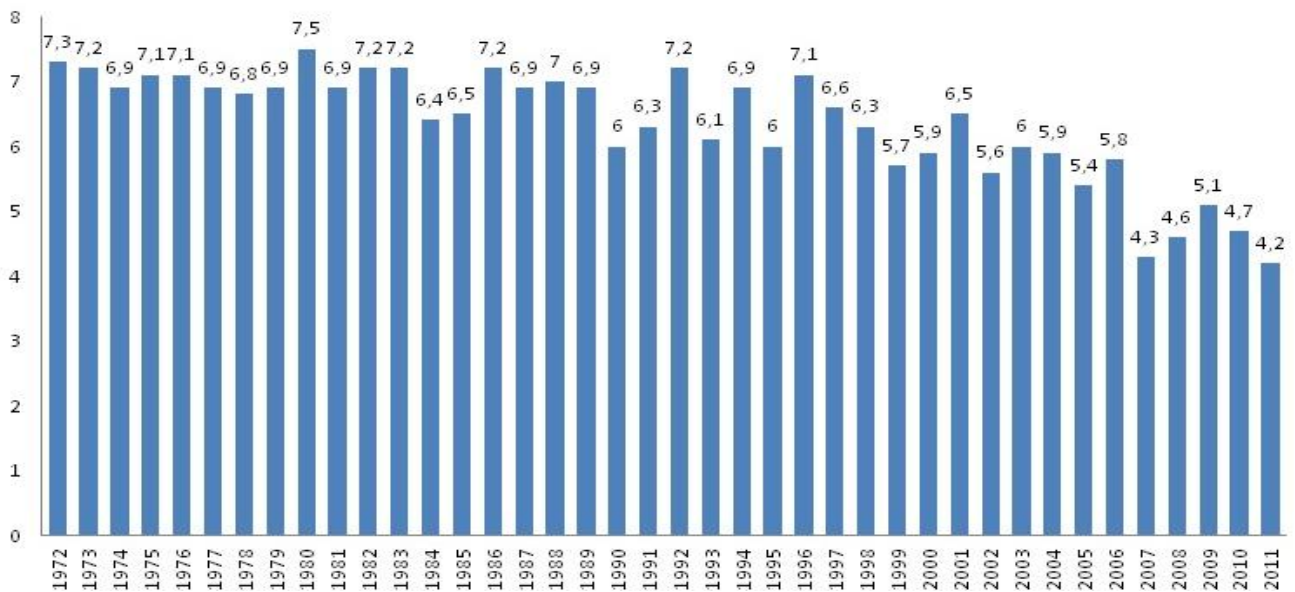

Рис. 2. Гистограмма минимальной площади арктических льдов (1972–2011 гг.)

Также уменьшается средняя толщина морских льдов в арктическом бассейне. Это происходит в основном за счет сокращения площади, занимаемой многолетними льдами и, в меньшей степени, за счет уменьшения их толщины.

Таяние арктических льдов приводит к усилению потепления в регионе вследствие так называемой положительной обратной связи: увеличение темпов сокращения ледового покрова ведет к уменьшению отражательной способности поверхности (темный океан лучше поглощает тепло, чем белый лед) и, следовательно, увеличению поступления солнечной радиации.

Статистическая обработка данных позволила построить полиномиальный тренд, определяющий с достаточной степенью вероятности прогнозные значения минимальной площади арктических льдов, например к 2016 году. Результаты: менее 3 млн. км² (рис. 3).

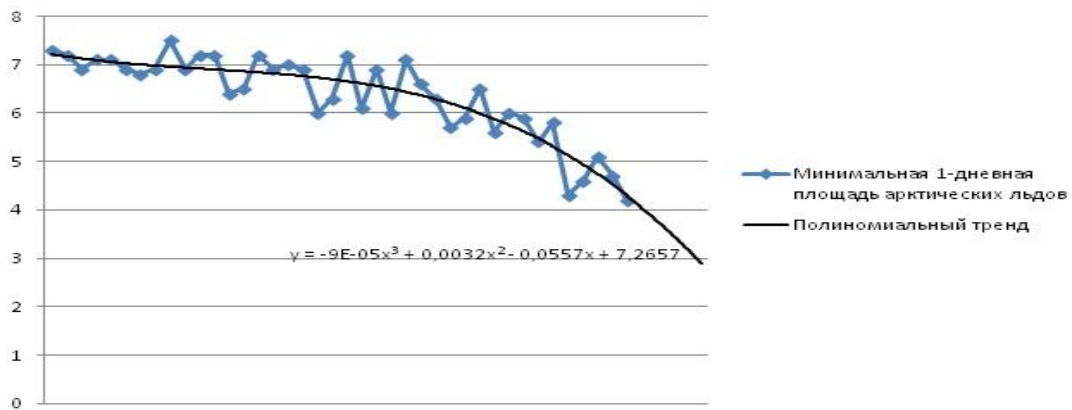

Рис. 3. Минимальная 1-дневная площадь арктических льдов

Расчеты будущих изменений ледяного покрова Северного Ледовитого океана говорят об ускоряющемся сокращении его площади и массы. Расчеты показывают, что в течение XXI века максимальная площадь морского льда (март) будет сокращаться на 2 % за десятилетие, а минимальная площадь льда (сентябрь) – на 7 % за десятилетие по площади льда в конце XX столетия. При таких темпах сокращения льдов уже в течение ближайшего десятилетия можно ожидать их отступления к концу лета до приполюсного района Арктики, а через 30 лет в летний период Арктика может полностью освобождаться из-под ледового покрова.

Изменение климата может привести к необратимым последствиям экосистемы Арктики:

- a) сокращение биоразнообразия;
- b) обострение существующих проблем конкуренции видов;
- c) усиление влияния ультрафиолетовой радиации на биологические процессы в морской среде;
- d) сокращение среды обитания белых медведей, тюленей, некоторых видов птиц;
- e) нарушение кормовой базы и традиционных миграционных путей северных оленей и других видов животных.

Для окружающей среды:

- 1) будет продолжаться повышение среднегодовой температуры приземного воздуха. Наиболее заметным рост температуры будет в зимний период. При этом следует иметь в виду довольно высокий уровень неопределенности оценок, что объясняется недостаточно плотной сетью наблюдений, сравнительно короткими рядами многолетних инструментальных гидрометеорологических наблюдений (регулярные наблюдения в Арктике начались только во второй половине XX столетия) и ограничениями пространственного разрешения климатических моделей. Необходимы дополнительные исследования изменения климата в отдельных регионах российской Арктики;
- 2) ожидается сокращение периода с устойчивым снежным покровом, увеличение осадков (особенно зимних), стока рек и рост температуры воды в водоемах;
- 3) к середине столетия может сократиться период ледостава, увеличатся темпы деградации вечной мерзлоты. Уменьшение ледовитости арктических морей будет проходить преимущественно за счет сокращения площади и толщины многолетних льдов;

- 4) прогнозируется подъем уровня моря и увеличение частоты и интенсивности опасных погодных явлений;
- 5) повышение концентрации загрязняющих веществ в атмосфере;
- 6) повышение загрязнения водоемов, суши и морей;
- 7) увеличение эмиссии метана из-за таяния вечной мерзлоты.

Прогнозируемые потери экономики следующие:

- 1) увеличение высот ветровых волн и появления обломков айсбергов от деградирующих ледников на арктических островах, которые могут представлять опасность для добывающих сооружений и транспортных средств;
- 2) из-за резких перепадов температуры и усиления опасных гидрометеорологических явлений возможно увеличение нагрузки на объектах энергетической инфраструктуры, рост числа аварий;
- 3) сокращение возможностей и периода для доставки грузов в труднодоступные районы по зимним автомобильным трассам, проложенным по замерзшим руслам, из-за изменения в сроках и процессах замерзания и вскрытия рек и водоемов;
- 4) существует вероятность формирования сложных ледовых условий (повторяемость 10–20 %) в проливах Вилькицкого, Шокальского, Дмитрия Лаптева, Санникова и Лонга, ограничивающих безледокольное плавание по Северному морскому пути;
- 5) нарушение транспортного сообщения из-за увеличения частоты и интенсивности аномальных погодных явлений;
- 6) из-за подвижек грунта в зонах таяния вечной мерзлоты возможен рост рисков в эксплуатации зданий и сооружений, транспортной системы, включая магистральные трубопроводы;
- 7) нарушение инфраструктуры прибрежных территорий вследствие усиления штормовой активности, эрозии берегов и поднятия уровня моря.

Литература:

1. Арктика на пороге третьего тысячелетия: ресурсный потенциал и проблемы экологии / Под ред. Грамберга И. С., Лаверова Н. П. – СПб: Наука, 2000.
2. Бекетов Н. В. Экологизация инвестиционной политики в Арктике // Проблемы современной экономики. – 2002. – № 1 (5).
3. Воздействие изменения климата на российскую Арктику: анализ и пути решения проблемы. WWF России. М., 2008.
4. Доклад об особенностях климата на территории РФ. – М: Росгидромет, 2008.
5. Истомин А., Павлов К., Селин В. Экономика арктической зоны России // Общество и экономика. – 2008. – № 7. – С. 158–172.
6. Леонов Ю. Исследования Арктики продолжаются // Наука в России. – 2008. – № 3. – С. 104–112.

Рецензент – Н. М. Бызова,
кандидат географических наук, профессор

Человеческий капитал

УДК 612.223.3

Особенности внешнего дыхания у студенток в условиях Севера

© **Палкина** Оксана Альбертовна, кандидат биологических наук, доцент института физкультуры, спорта и здоровья САФУ имени М. В. Ломоносова. Контактный телефон: +7 952 255 61 69. E-mail: palkina111@rambler.ru.

Исследован аппарат внешнего дыхания у студенток. Установлено небольшое напряжение функциональных способностей аппарата внешнего дыхания.

Ключевые слова: студентки, дыхательная система, кислород.

Features of external respiration of female students in the conditions of the North

© **Palkina** Oksana, Ph.D. of biological sciences, associate professor of Institute of Physical Culture, Sport and Health NarFU named after M. V. Lomonosov. Contact Phone: +7 952 255 61 69. E-mail: palkina111@rambler.ru.

Abstract

The respiratory apparatus of the female students have been studied. A small voltage functional capacity of respiratory apparatus is found.

Keywords: female students, the respiratory system, oxygen.

В последние годы все более актуализируется необходимость кардинального улучшения здоровья россиян, заставляющая по-новому взглянуть на существующую ситуацию в сфере общественного здоровья с целью ее изменения к лучшему. Важнейшим институтом формирования образованной, квалифицированной, культурной и интеллектуальной элиты государства является система образования, в частности ВУЗы, и поэтому помимо специальных образовательных задач на государство ложится и задача сохранения физического, психического и нравственного здоровья студентов.

Известно, что суровый климат Севера предъявляет повышенные требования ко всем системам организма, а к дыхательной системе в первую очередь, т. к. именно она не может быть защищена от неблагоприятных воздействий надежным искусственным барьером [1]. Аппарат внешнего дыхания обеспечивает организм кислородом для поддержания на соответствующем уровне окислительно-восстановительные процессы, постоянство кислотно-щелочного баланса. Кроме того, «северные легкие» осуществляют процессы усиленной теплопродукции, направленные на согревание поступающего холодного воздуха [4].

Задача нашего исследования – изучить особенности функционирования системы внешнего дыхания у студенток первокурсниц, обучающихся в САФУ имени М. В. Ломоносова в возрасте 17–18 лет.

Организация исследования

Исследование было проведено в осенне-зимний период у практически здоровых девушек (39 человек). Функциональное состояние внешнего дыхания оценивалось на автоматическом спирометре «СпироС-100», («Альтоника», Москва, Россия). При помощи этого прибора определяли следующие показатели: легочные объемы и емкости – жизненную емкость легких (ЖЕЛ), резервные объемы вдоха (РОВд) и выдоха (РОВыд), дыхательный объем (ДО); показатели легочной вентиляции – минутный объем дыхания (МОД), частоту дыхания (ЧД), максимальную вентиляцию легких (МВЛ). Полученные результаты сравнивали с показателями студенток, проживающих в средней полосе России [3]. Таким образом, I группу у нас составили учащиеся г. Архангельска, II – учащиеся средней полосы.

Результаты исследования

Важным показателем, отражающим функциональные возможности системы внешнего дыхания в целом, является ЖЕЛ. При сравнительной оценке этой величины было установлено у студенток I группы небольшое увеличение (2 %) (табл. 1). Известно, что у лиц с более высокими этими показателями имеется большая возможность увеличения легочной вентиляции, а также поступления кислорода в легкие и выделение углекислоты.

При фракционном анализе ЖЕЛ выявлено, что величины РОВд и РОВыд мало отличались от показателей, полученных от уроженцев средней полосы.

Таблица 1

Показатели внешнего дыхания, $M \pm m\sigma = 39$

Показатели	I группа	II группа
ЖЕЛ, л	2,93 ± 0,11	2,87 ± 0,08
РОВд, л	1,61 ± 0,01**	1,58 ± 0,06
РОВыд, л	0,90 ± 0,02	0,91 ± 0,02
ДО, л	0,59 ± 0,09**	0,48 ± 0,01
МОД, л/мин	10,63 ± 0,61	8,48 ± 0,34
ЧД, в мин	18,5 ± 1,06	17,6 ± 0,94
МВЛ, л/мин	72,06 ± 3,26**	65,97 ± 0,91

Примечание: звездочками (*) обозначены достоверные отличия фактических величин. ** – $p < 0,01$.

Наряду с РОВд, РОВыд жизненная емкость легких включает и дыхательный объем. При сравнении этой величины у студенток I группы было выявлено увеличение глубины дыхания на 8,6 %. Превышение этих показателей у студенток, проживающих на Севере, по-видимому, способствует увеличению количества функционирующих альвеол [2]. При этом кислород поступает в нужном количестве, необходимом для поддержания требуемого уровня теплопродукции, повышая эффективность вентиляции [7].

Величины легочной вентиляции также выше у девушек I группы. Повышение минутного объема дыхания более чем в 1,2 раза указывает на гипервентиляцию легких. Легочная вентиляция находится в зависимости от процессов метаболизма в организме. У лиц, проживающих в районах Севера, уровень обменных процессов выше, чем у жителей умеренных широт. Следовательно, гипервентиляция у студенток САФУ является приспособительным механизмом внешнего дыхания в ответ на повышенную потребность организма в кислороде, направленную на обеспечение усиленного тканевого метаболизма при повышенных энергозатратах [4].

Ценным показателем оценки внешнего дыхания является также ЧД. У обследованных студенток г. Архангельска было выявлено увеличение частоты дыхания на 4,9 %. Это может свидетельствовать о некотором напряжении функции внешнего дыхания. Но величина ЧД зависит от минутного объема дыхания. Более рациональным в условиях Севера считается увеличение МОД за счет большего увеличения ДО, чем частоты дыхания [6]. Таким образом, легочная вентиляция у студенток I группы связана с синхронным увеличением дыхательного объема и частоты дыхания, что является наиболее эффективным механизмом обеспечения оптимального сочетания повышенного газообмена с минимизацией энергозатрат.

МВА характеризует возможность функционального использования аппарата внешнего дыхания. Эта величина является суммарным показателем вентиляционной функции аппарата внешнего дыхания и отражает предельные способности системы внешнего дыхания использовать функциональные резервы. Проведенные исследования показали, что эта абсолютная величина у девушек, проживающих в средней полосе, ниже в 1,1 раза, чем у студенток г. Архангельска. Известно, что МВА позволяет судить об интегральных изменениях механики дыхания, т. к. зависит от мышечной силы дыхательных мышц, растяжимости легких и грудной клетки, а также сопротивления воздушному потоку. Поэтому выявленное уменьшение у II группы может свидетельствовать о более низком развитии дыхательной мускулатуры [5].

Полученные результаты у студенток г. Архангельска указывают на небольшое напряжение функциональных способностей аппарата внешнего дыхания, понижение его компенсаторных возможностей. Такая ответная реакция организма скорее всего связана с проявлением защитных реакций дыхательной системы, направленных на ограничение контакта дыхательных путей с холодным воздухом и снижение теплопотерь.

Литература

1. Агаджанян Н. А., Марачев А. Г., Бобков Г. А. Экологическая физиология человека. – М.: Издательская фирма «Крук», 1998. – С. 279–345.
2. Айдралиев А. А., Максимов А. Л. Адаптация человека к экстремальным условиям: Опыт прогнозирования. – Л.: Наука, 1988. – 126 с.
3. Власов Ю. А., Окунева Г. Н. Кровообращение и газообмен человека. – Новосибирск.: Наука, 1983. – С. 159–205.
4. Гудков А. Б., Анциферова О. А., Кубушка О. Н., Смолина В. С. Внешнее дыхание школьников на Севере. – Архангельск: Издательский центр СГМУ. – 2003. – 262 с.
5. Гудков А. Б., Попова О. Н. Внешнее дыхание человека на Европейском Севере. – Архангельск: Издательский центр СГМУ. – 2009. – 239 с.
6. Кузнецова Т. Д., Разживина И. М. Возрастное развитие механизмов регуляции дыхания // Возрастные особенности физиологических систем детей и подростков / Под ред. В. И. Козлова. – М., 1985. – С. 168–198.
7. Никитин Ю. П., Шишкин Г. С. Состояние здоровья и функциональные особенности дыхания, кровообращения и обмена липидов у молодежи на Северо-Востоке страны // Бюл. СО АМН СССР. – 1981. – № 2. – С. 13–20.

Рецензент – М. Х. Шрага,
доктор медицинских наук, профессор

История

УДК 94(470.25)“15/17”+355.48(045)

Геополитический вклад Пскова в защиту русского Севера в эпоху «северных» войн кон. XVI – нач. XVIII вв.

© **Егоров** Андрей Михайлович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы, кандидат исторических наук. *Приоритетные темы исследований:* история контрабандизма, пограничной безопасности и трансграничного сотрудничества на Северо-Западе и Севере России. Контактный телефон: +7 921 212 36 33. E-mail: egorovam2009@rambler.ru.

В статье рассматриваются сложные проблемы трансграничных отношений на севере Европы, не потерявшие своего значения и актуальности до настоящего времени. В работе нашли отражение события так называемых «северных» войн сер. XVI – нач. XVIII вв. в том виде, как они выглядят через призму ключевого пограничного города на северо-западной границе России, т. е. Пскова, который являлся в рассматриваемый период главным оплотом российской государственности на Северо-Западе страны и оказался в самом эпицентре международных противоречий. Статья вводит в научный оборот некоторые малоизвестные факты, которые позволяют более объективно взглянуть на историю и настоящее Севера и Северо-Запада России.

Ключевые слова: *централизованное государство, геополитический вакуум, стратегическое значение, военный конфликт, династические противоречия, претензии, привилегии, международный договор, нейтралитет, интервенция, граница, перемирие, дипломатия, демаркация, коалиция, диспозиция, капитуляция.*

Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian North during the “northern” wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries

© **Egorov** Andrei, Associate Professor of Public and legal disciplines Pskov Law Institute FSIN of Russia, colonel of internal service, candidate of historical sciences. *Priority research topics:* history of contrabandism, boundary safety and transboundary cooperation in the Northwest and the North of Russia. Contact Phone: +7 921 212 36 33. E-mail: egovam2009@rambler.ru.

Abstract

The article deals with difficult problems of cross-border relations in the north of Europe, have not lost their importance and relevance to the present. In the work we showed the events reflected and so-called “Northern” wars middle. XVI – the beginning. XVIII centuries. In the form how they look through the lens of a key border town in the north-western border of Russia, Pskov, which was at this period the main city of Russian statehood in the Northwest and the country was in the middle of international controversy. Article introduces the scientific revolution, some little known

facts that allows to use more objective look at the history and present of the North and North-West Russia.

Keywords: *centralized state, a geopolitical vacuum, strategic, military conflict, dynastic controversy, claim, privilege, an international treaty, neutrality, intervention, border truce, diplomacy, the demarcation, the coalition, disposition, surrender.*

Укрепление централизованных государств, окружавших Балтийское море, и распад средневековой Ливонской конфедерации создали на заре Нового времени геополитический вакуум, втянувший соседние страны в активную борьбу за Восточную Прибалтику. Особое значение эта борьба имела для Польши, Литвы, Швеции и России. В самом эпицентре международных противоречий между этими странами оказался Псков, являвшийся в XVI–XVII веках главным оплотом российского государства в данном районе. Иностранцы, в свою очередь, высоко оценивали как оборонительный, так и наступательный потенциал Пскова: «Россия считала его вернейшим оплотом против Лифляндии, а Польша и Швеция постоянно желали приобрести его, как внешнюю ограду против этой страны» [1, с. 302].

Стратегическое значение Пскова чрезвычайно ярко проявилось в целой череде так называемых «северных» войн, происходивших с 1558 по 1721 г. и направленных на установление их участниками собственной гегемонии в бассейне Балтийского моря (*dominium maris Baltici*). Псковская крепость была одним из крупнейших оборонительных сооружений в Восточной Европе. Длина ее стен в XVI веке составляла 9 км, причем их расширили и укрепили; построены были также монументальные башни – Покровская, Гремячая и другие. Сооружения крепости были сложены из местного плитняка и валунов. Специалисты подсчитали цифры расхода материалов в ходе этого строительства: около 600 тыс. кубических метров каменных материалов, 123 тыс. кубических метров извести, еще столько же песка и приблизительно 20 млн. ведер воды. Один из участников польской осады Пскова в 1581 году восхищался его масштабами: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж! Помоги нам Боже с ним справиться» [2, с. 321]. Выдающиеся качества псковской цитадели признаются и современными зарубежными экспертами (например, британским военным историком Робертом Фростом) [3, с. 83].

В период Ливонской войны 1558–1583 г. героическая оборона Пскова сорвала захватнические планы польского короля Стефана Батория. Эти события хорошо известны, давно получили должную оценку как в отечественной, так и в зарубежной историографии, и не требуют дополнительных комментариев в рамках данной скромной статьи. Достаточно вспомнить замечание Н. М. Карамзина, считавшего, что своей героической обороной Псков «спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени» [4, 142].

К сожалению, данный завет классика не является охранной грамотой для последующих событий псковской истории. В настоящее время иногда даже маститые российские историки, прекрасно ориентирующиеся в перипетиях европейской политики того периода, допускают досадные ошибки (или оговорки), когда речь заходит о военно-политическом прошлом собственной страны. Очень странно, например, звучит мнение о том, что по Столбов-

скому миру 1617 года шведы были вынуждены *вернуть* (?) Псков [5, с. 55]. Особенно неприятны подобные ошибки, когда они тиражируются авторитетными научными изданиями. По этой причине стоит напомнить о некоторых фактах, которые не без участия Пскова преопределили пути развития русского государства в XVII – начале XVIII веков и привели, в конечном итоге, к созданию Российской империи.

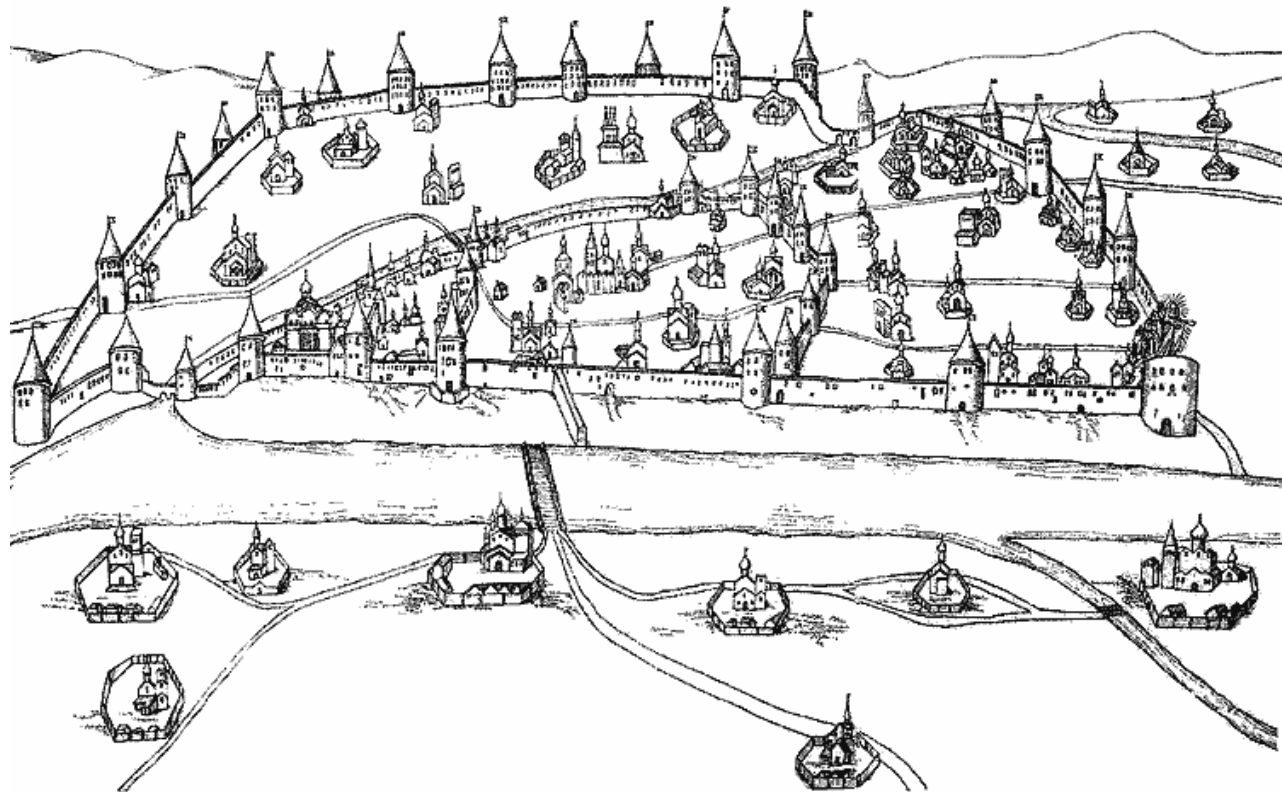

Рис. 1. План Пскова 1581 года. URL: <http://www.kremly.ru/pskov.html> (дата обращения: 03.01.2012)

Не прошло и двадцати лет после окончания Ливонской войны, как у самого порога Пскова вспыхнул новый военный конфликт. Его катализатором снова стала Прибалтика, поделенная между Речью Посполитой и Швецией. При этом первая владела Лифляндией с Ригой и Тарту, а вторая – Эстляндией с Ревелем и Нарвой. Однако обе стороны были не прочь расширить свои владения за счет соседа. Положение усугублялось их династическими противоречиями.

В 1592 году король Польско-Литовского государства Сигизмунд III Ваза унаследовал и шведский трон. Но его негибкая политика и яркий католицизм вызвали сопротивление протестантского населения Швеции, и Сигизмунду III пришлось вернуться в Польшу. В 1599 году шведский риксдаг избрал новым правителем дядю короля, Седерманландского герцога Карла, который короновался в 1604 году под именем Карла IX. Противоречия между Речью Посполитой и Швецией продолжали нарастать.

Первыми военные действия начали шведы, использовав в качестве предлога претензии Сигизмунда III на Северную Эстонию. В 1600 году тогда еще герцог Карл во главе войска вступил в Таллин. Несмотря на то, что основные военные силы Речи Посполитой были заняты на войне с турками, шведы понесли значительные потери под Цесисом и Кокнесе. Неудачей завершилась и шведская осада Риги. Осенью 1601 года в Ливонское Задвинье прибыл со

своими войсками сам король Сигизмунд III, и к концу года польско-литовским силам удалось вытеснить шведов со всей территории современной Латвии.

В 1604 году при осаде Риги шведов вновь постигла неудача. Город Рига, получавший доход от торговли с Белоруссией и Литвой, был заинтересован в сохранении добрых отношений с Речью Посполитой. В благодарность за верность город потребовал от польского короля новых привилегий. Шведы предприняли рейд вглубь Курляндского герцогства, однако в 1605 году потерпели крупное поражение у Кирхгольма, где войска Речи Посполитой под предводительством гетмана Яна Ходкевича разбили превосходящие силы противника. Карлу IX едва удалось избежать плена.

На Руси в это время бушевала смута, что крайне осложняло положение Пскова перед лицом воинственных соседей. Правда, новый шведский король Карл IX первоначально демонстрировал московским властям показное дружелюбие и пытался заключить с ними союз против агрессивных поляков. В 1608 году популярный русский полководец М. В. Скопин-Шуйский заключил на состоявшейся в Новгороде встрече со шведским послом М. Мортенсоном предварительное соглашение о предоставлении Швецией правительству царя Василия Шуйского военной помощи для борьбы с его противниками. Это соглашение было подтверждено в 1609 году Выборгским договором, который предусматривал передачу в распоряжение Москвы вспомогательного шведского контингента численностью в 5 тыс. солдат под началом Якоба Делагарди. Союз между Россией и Швецией, заключенный в 1609 году, вызвал недовольство польского короля. Воспользовавшись внутривосточными проблемами России, Сигизмунд III в том же году официально объявил ей войну. Выборгский договор действовал только до середины 1610 года, т. е. до поражения русско-шведской армии под Клаузиным у Смоленска. В этой битве победили поляки, а шведские наемники Делагарди за обещание сохранять нейтралитет организованно отступили на север, тем самым предав своих союзников. Войска Речи Посполитой взяли Москву. После долгой осады в июне 1611 года пал Смоленск.

Удостоверившись в бедственном положении России, шведское военное руководство вероломно развернуло против нее необъявленную интервенцию. Оно намеревалось отторгнуть в пользу Швеции все побережье Финского залива, прежде всего Ижорскую землю (Ингрию) и Карелию. Для закрепления своей власти шведы ввели войска в такие древнерусские города, как Корела (Кексгольм), Орешек (Нотебург), Ям (Ямбург), Ладога, Копорье, Ивангород. Более того, летом 1611 года Делагарди подошел к Новгороду, встал лагерем у Хутынского монастыря, а затем пошел на штурм и сумел захватить Софийскую сторону. Это сразу сделало шведов хозяевами положения и побудило часть новгородцев присягнуть на верность их королю. До 1617 года шведские оккупанты удерживали весь русский север от Лапландии до Старой Руссы.

В данных условиях только Псков, героически оборонявшийся в условиях практически полной изоляции от остальной территории страны, предотвратил окончательную аннексию Северо-Западной Руси в пользу шведской короны. Положение усугублялось присутствием в соседней Лифляндии другого опасного врага псковичей – польско-литовских агрессоров. Весной 1611 года литовский гетман Лифляндии Ян Ходкевич, находившийся в тот момент в

Тарту, напал на Печоры и в течение шести недель осаждал этот монастырь-крепость. Своевременная помощь из Пскова спасла его западный форпост [6, с. 120]. В конечном итоге вспыхнувшая в России народная освободительная война заставила поляков отступить окончательно. Но с севера и востока городу продолжали угрожать шведские интервенты. Начиная с 1611 года шведы и их новгородские союзники пять раз пытались овладеть Псковом. Особой остроты борьба за город достигла в 1615 году.

Основная опасность Пскову угрожала со стороны принадлежавшей шведам Нарвы. Однако на их пути лежал непокоренный псковский пригород Гдов. В реализации шведских планов возникли и другие заминки. 30 октября 1611 года Карл IX скоропостижно скончался, и шведским королем стал его семнадцатилетний сын Густав II Адольф. Позднее он прославится как выдающийся полководец-новатор, который радикально изменит ход так называемой Тридцатилетней войны (1618–1648) – первого общеевропейского конфликта, заложившего фундаментальные принципы современного международного права. Однако слава «Северного льва» ждала его в будущем. А пока «Снежному королю» (еще один романтический эпитет, которым наградят Густава Адольфа современники) предстояло завершить дела, начатые его отцом.

В 1611–1613 гг. вспыхнула скоротечная Кальмарская война между Швецией и Данией, потребовавшая личного присутствия нового монарха. Тем не менее, как только позволила обстановка молодой шведский король обратил свое внимание на псковскую границу. В письме Якобу Делагарди, датированным 1613 годом, Густав Адольф написал: «Представляется весьма полезным напасть на Псков и попытаться там счастья по той причине, что Псков является большим торговым городом, откуда потом Швеция и ее жители могут вести большую торговлю, если он перейдет в наши руки» [7, с. 75]. В 1614 году Густав Адольф лично отправился на будущий театр военных действий через столицу шведской Финляндии Або (Турку), Выборг и Нарву. Королю удалось взять Гдов, после чего он отплыл в Швецию с намерением продолжить наступление на Псков в следующем году.

В самом начале 1615 года шведы провели против Пскова разведку боем, но были отброшены его защитниками. Затем летом того же года к стенам города подступили войска шведского командующего новгородским гарнизоном Эверта Горна. Наконец, 30 июля 1615 года с севера по Гдовской дороге к Пскову подошли основные силы шведов во главе с самим королем. Ставка Густава Адольфа была устроена в Снетогорском монастыре. В тот же день псковичи предприняли неожиданную вылазку против врага. В результате шведские отряды понесли существенный урон, сам король Густав Адольф, по слухам, был ранен, а фельдмаршал Горн убит. Псковская летопись особо отметила гибель именитого шведского военачальника: «Чудо бысть преславно. Милостью Святой Троицы и Пречистой Богородицы и святых чудотворцев псковских невидимою силой убиен бысть злой варвар храбрый их воевода Евергорн яко же древний Голиаф» [6, с. 120]. Эти первые столкновения сразу показали шведам, что им придется преодолевать оборону не деморализованного смутой населения, как они рассчитывали, а хорошо организованное сопротивление опытных и привычных к войне людей.

Шведы предприняли попытку взять Псков хитростью. В ночь на 15 августа их небольшой отряд совместно с «малороссийскими» казаками-перебежчиками совершил диверсию, попробовав проникнуть в крепость обманом под видом беженцев. Однако бдительная стража их не пропустила. Тогда они взорвали Взвозские ворота недалеко от Нижних решеток и, прорвавшись внутрь крепостной ограды Запсковья, устремились к Варлаамским воротам, напротив которых стояли главные силы шведов. Ситуация была критическая, но псковский гарнизон и местные жители оказались на высоте. В результате ожесточенного уличного боя псковичам удалось выбить захватчиков из города и запереть Взвозские ворота.

Ночной штурм сорвался, и Густаву Адольфу пришлось возобновить планомерную осаду города, которая продолжалась около двух месяцев. По периметру крепостных стен были возведены шведские укрепленные батареи (т. н. «горки»). 9 октября 1615 года шведы начали генеральный штурм с северной стороны Пскова. Этому предшествовала трехдневная бомбардировка, в результате которой были повреждены башни Кутекрома и Смердя в Кремле, а также угловая Варлаамская на Запсковье [8, с. 220]. Шведский король направил свои основные силы на приступ Ваарлаамских ворот. Кроме того, шведы форсировали реку Великую и нанесли вспомогательный удар от Ивановского монастыря в направлении Нижних решеток. Однако все эти операции закончились для шведов неудачей.

После того как псковичи отбили штурм, Густав Адольф окончательно снял осаду и 17 октября отдал приказ на отступление. Пытаясь парализовать нормальную жизнь города, интервенты возвели в устье Великой укрепленный форт, гарнизон которого предполагалось снабжать из Нарвы по Псковско-Чудскому озеру. Шведский король рассчитывал использовать этот острог в качестве пристани для своих гребных судов и плацдарма в случае возобновления кампании против Пскова в следующем году. Псковичи хорошо поняли замысел шведов и не оставили им шанса для его реализации. Как свидетельствует псковская летопись, «псковстии же мужи сами своими головами обседоша градец их, гладом изморивше и взяша» [6, с. 118]. В начале 1616 года они очистили от оккупантов дельту Великой, восстановив тем самым возможность нормального судоходства и сообщение Пскова со своими северными пригородами и Прибалтикой.

Весть об окончательном разгроме шведов на берегах Великой застала Густава Адольфа в Гельсингфорсе (современный Хельсинки), где в январе 1616 года начались заседания сословного собрания королевства. События под Псковом негативно повлияли на настроения его депутатов, высказывавших королю претензии в том смысле, что «русская война ведется более из жадности к чужой земле, чем по необходимости» [7, с. 77]. Таким образом, Псков стал первым среди немногочисленных военных и политических фиаско Густава Адольфа. Тяжелейшее разгромное поражение шведов под Псковом заставило их умерить свои великодержавные амбиции при подписании Столбовского договора 1617 года, согласно которому русскому государству возвращалось ядро новгородских земель. Однако полностью восстановить довоенный статус-кво не удалось, в результате чего от России оказалось отрезано все принадлежавшее ей побережье Финского залива. При этом псковская граница осталась в неприкосновенности.

В 1617 году Речь Посполита и Швеция продолжили борьбу за господство на Балтийском море. Молодой шведский король Густав II Адольф захватил побережье Курляндии и порт Пярну, а затем начал активную дипломатическую деятельность по вербовке союзников против Речи Посполитой. В то же время он произвел полную реорганизацию шведской армии и флота. Поставив перед собой цель захватить всю польскую Лифляндию (Инфлянты), Густав Адольф приступил к претворению в жизнь своих намерений. В 1621 году перед шведами, наконец, капитулировала Рига, а в 1625 году – Тарту. Несколько позднее, чтобы окончательно искоренить в Восточной Лифляндии польское влияние, король подпишет указ о создании в Тарту протестантского университета. Новое учебное заведение было призвано заменить упраздненный иезуитский колледж, основанный в период господства здесь поляков.

После длительных переговоров в 1629 году в Альтмарке было заключено перемирие, означавшее окончание войны между Речью Посполитой и Швецией. По условиям Альтмаркского мира, прежние владения Польши в Ливонии были поделены следующим образом: территория современной Северной Латвии (Видземе) и Южная Эстония отошли Швеции, а территория Восточной Латвии (Латгалия) осталась во владении Польши. Таким образом, все важнейшие порты на восточном побережье Балтийского моря – Рига, Таллин и Нарва – оказались в руках шведов. Под их власть перешел и город Тарту, контролировавший западное побережье Чудского озера.

В середине XVII века отношения между Россией, Польшей и Швецией оставались крайне запутанными и отнюдь не улучшались. После первой общеевропейской Тридцатилетней войны (1618–1648) Швеция полностью контролировала Балтийское море и претендовала на ведущую роль в Северо-Восточной Европе. В то же время ни Речь Посполита, ни Россия не отказались от намерений укрепить свои позиции в этом регионе. В 1654 году началась война между Россией и Речью Посполитой из-за Украины. Русские войска отбили Смоленск, захватили важнейшие центры Великого княжества Литовского (Витебск, Могилев, Минск) и впервые в истории Литвы оккупировали Вильнюс, а затем Каунас и Гродно. Царь Алексей Михайлович требовал провозгласить его Великим князем Литовским.

Новый король Швеции Карл X воспользовался наступлением русских войск для того, чтобы захватить некоторые территории Польско-Литовского государства для себя, закрепив тем самым господство Швеции на Балтийском море и воспрепятствовав выход к нему России. В 1655 году две шведские армии вторглись в Польшу, а третья оккупировала Инфляндию (Польскую Ливонию) и часть территории современной Литвы. 8 сентября пала Варшава. В ситуации, когда большая часть Великого княжества Литовского была захвачена русскими войсками, гетман Януш Радзивил и некоторые другие знатные феодалы решили перейти на сторону шведов. Близ города Кедайнй был подписан литовско-шведский договор, разрывавший унию между Великим княжеством Литовским и Польшей и провозглашавший такую же унию между Литвой и Швецией. Шведский король Карл X Густав был провозглашен Великим князем Литовским. Однако поведение шведских войск на захваченных территориях привело к тому, что в 1656 году вспыхнуло антишведское восстание. Война приняла затяжной характер. Шведской армии пришлось покинуть Литву, что означало и прекращение унии Литвы со Швецией.

Вмешательство Швеции в польские дела не входило в планы России. Столкновение их интересов в Прибалтике в том же году привело к началу войны между двумя государствами. Война началась с конфликта шведских и русских войск из-за Даугавпилса. Летом 1656 года московские войска, возглавляемые самим царем Алексеем Михайловичем, отбили у шведов Даугавпилс и Кокенгаузен. Им удалось дойти даже до Риги, однако сил для того, чтобы взять осажденный город, уже не хватило, что вызвало крайнее разочарование и раздражение царя.

Успешнее развивалось наступление русских войск со стороны Пскова. Шведский гарнизон в Дерпте (эстонский Тарту, русский Юрьев) был осажден войсками воеводы князя А. Н. Трубецкого, а на Ревельской и Нарвской дорогах их прикрывали отряды И. И. Сунбулова и Л. К. Шеховского. Укрывшиеся в Лаисе шведы не смогли оказать помощь осажденным, и в октябре 1656 года Тарту капитулировал [9, с. 37]. Таким образом, город, основанный еще киевским князем Ярославом Мудрым, перешел под власть русского царя, а его жители принесли соответствующую присягу верности. В это же время в Латгалии под власть русских перешел Мариенбург (Алуксне).

Одним из главных инициаторов вступления России в очередную «северную» войну со Швецией был глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин, происходивший из псковского дворянского рода и сделавший головокружительную карьеру при дворе царя Алексея Михайловича благодаря личным способностям и образованности. Его дипломатический талант впервые проявился еще до войны в качестве уполномоченного при демаркации псковско-шведского участка государственной границы. Позднее шведы, имевшие дело с Ордин-Нащокиным, называли его «русским Ришелье» [10, 275–276].

В начале 1657 года шведы совершили набег на окрестности Псковско-Печорского монастыря и осадили Гдов. Однако войска И. А. Хованского заставили противника отойти к Нарве, которая еще не была обнесена цепью бастионов и была близка к падению. Русские овладели шведской крепостью Ниеншанц на Неве, а казаки, снаряженные патриархом Никоном, даже смогли взять на абордаж шведский парусник у острова Котлин. Однако ключевые пункты Ижорской земли – Орешек и Ям – остались за шведами.

В 1658 году в селении Валиесари на полпути между Сыренском и Нарвой представители Швеции и России заключили перемирие сроком на три года. Переговоры с русской стороны вел Ордин-Нащокин, который смог удержать за Россией все завоеванные ею ливонские города. Однако мирный договор между Швецией и Речью Посполитой, заключенный после смерти Карла X в Оливе, близ Данцига, осложнил положение России. Польский король Ян Казимир отказывался от всех претензий на шведский трон, которые выдвигали его предшественники со времен Сигизмунда III Вазы. Этот мир был нужен Польше для продолжения войны против России. В 1661 году польско-литовские войска перешли в наступление, в том числе захватив Себеж на южных рубежах Псковской земли.

В том же году в селении Кардисс, что на подороге между Юрьевом и Ревелем, начались русско-шведские переговоры на предмет заключения мира. Ордин-Нащокин в них участия принципиально не принимал. Он был убежден в необходимости любой ценой закрепить за Россией завоеванные ливонские города, ради чего считал возможным даже отказаться от

Украины в пользу Польши, чтобы развязать руки для войны против ненавистного западного соседа [11, с. 510].

Однако оказавшаяся перед перспективой войны на два фронта русская сторона вынуждена была пойти на уступки шведам. В результате Кардисский мирный договор 1661 года восстановил между Швецией и Россией довоенное положение на условиях Столбовского мира 1617 года. Таким образом, Россия вновь оказалась отрезана от Балтийского моря. Политическое значение Пскова накануне следующей по счету Великой Северной войны (1700–1721) достигло своего апогея. Особенно явно оно проявилось в марте 1665 года, когда псковским воеводой был назначен А. Л. Ордин-Нащокин, продолжавший, тем не менее, выполнять фактически функции государственного канцлера (хранителя большой государевой печати). В период его воеводства Псков превратился в своеобразную дипломатическую столицу страны. В 1666–1667 гг. Ордин-Нащокин, оставаясь главой псковской администрации, одновременно руководил переговорами, закончившимися подписанием Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой, по которому последняя отказывалась от Левобережной Украины и Киева. А в сентябре 1668 года при его деятельном участии был открыт первый в России международный тракт Москва – Псков – Рига с регулярным почтовым сообщением. Узловой станцией данного тракта являлся именно Псков. Ежедневно по средам в Печорах встречались рижский и псковский курьеры, обменивавшиеся дипломатической и частной корреспонденцией.

После Кардисского мира отношения России и Швеции казались спокойными, развивалась торговля. Но напряжение сохранялось. В Стокгольме не забывали о своих старинных планах по установлению контроля над Северо-Западом России. Они были реанимированы уже в 1674 году – как раз во время шведского посольства Густава Оксеншерны в Москву, которое двигалось к своей цели через Псков. Мартом указанного года датирован анонимный документ с выразительным названием: «Невнятный прожект, коим образом надлежит с Московией воевать» [12, с. 34]. Неизвестный автор проекта настоятельно советовал шведскому королю поддерживать самые доверительные отношения с Польшей, чтобы в случае нужды вместе выступить против русских. По его мнению, Швеции необходимо было сблизиться и с Османской империей, и с Крымским ханством, и с Персией, чтобы иметь в их лице союзников на случай войны с Россией. Далее следовало описание российских земель с военно-стратегической точки зрения, намечались направления ударов шведских войск во время предполагаемых зимних и летних кампаний. Шла речь и о том, какой флот и какие силы следовало держать наготове в Белом море, чтобы овладеть Каргополом, Архангельском и их окрестностями. Приводились данные о морских глубинах, фарватерах, гаванях, островах и т. д. После овладения Архангельском шведам предлагалось продвинуться по Оби вглубь Сибири и овладеть ее столицей – Тобольском. Основные оккупационные силы рекомендовалось послать на территорию между Каргополом, Белым морем, Северной Двиной и Вологдой с тем, чтобы навечно закрепить их за шведским королевством.

Особое место в этих планах отводилось Пскову и Новгороду. Их окрестности предполагалось использовать как основную прифронтовую базу для содержания шведской армии, а новые границы укрепить дополнительными крепостями и мобильными воинскими отрядами.

Кроме того, автор прожекта размышлял над тем, как добиться лояльности русского населения на захваченных шведами землях, подчеркивая, что местные простолюдины недовольны жизнью, беспокойны нравом и склонны к бунту. Он считал, что их расположения можно добиться раздачей монастырских угодий и церковного имущества, а также свободой вероисповедания, «свойственной нашей религии в сравнении с их верой». Автор также полагал, что стоило бы отобрать сотню-другую более или менее образованных, предприимчивых, обладающих отменным здоровьем местных молодых людей и приписать на содержание к университетам в Тарту, Турку и Упсале. В случае шведского вторжения их предлагалось использовать в качестве своеобразных «агентов влияния» с тем, чтобы они, разъезжая по упомянутым землям, выступали бы с речами, завоевывая сердца и иным образом обеспечивая лояльность населения. В любом случае, на тот момент все вышеуказанные планы так и остались на бумаге, так как лидирующее положение Швеции на Балтике не устраивало ее южных соседей, прежде всего Данию и Польшу.

Справедливости ради следует оговориться, что по поводу трансграничного культурного обмена существовала и противоположная точка зрения. Например, в конце ноября 1698 года заместитель военного коменданта Тарту майор Валленштед в рапорте на имя генерал-губернатора шведской Лифляндии Эрика Дальберга пытался прояснить слух о якобы вероятном приезде в Тартуский университет четырехсот русских студентов, каждого из которых к тому же должны сопровождать несколько холопов. Майор опасался, что под видом учащихся в город придут никто иные как замаскированные московские стрельцы! В панике от гипотетического наплыва русских майор предлагал даже в ультимативной форме потребовать у соседей очистить от монахов Печорский монастырь вблизи границы и перевести Тартуский университет туда. По мнению шведского вояки, пусть уж лучше желающие из Тарту ездят за наукой в Печоры, чем «пятая колонна» русских студентов заполонит вверенный ему город [12, с. 37].

Недовольство балтийских государств господством Швеции и боязнь ее дальнейшей агрессии способствовали образованию антишведской коалиции. К этой коалиции хотели привлечь Россию, приняв, однако, меры к тому, «чтобы этот могущественный союзник не выхватил из-под носа жаркое и не шел дальше Нарвы и Чудского озера» [13, с. 383].

В начале XVIII столетия прибалтийский регион, с которым граничит Псковская земля, вновь стал ареной военных действий. В 1699 году была создана антишведская Северная лига, в которую вошла Россия, Дания, Речь Посполита и Саксония. Правитель Речи Посполитой и Саксонии Август II Сильный надеялся при поддержке Петра I вернуть Лифляндию (а по возможности и Эстляндию) в состав Польско-Литовского государства. На решение саксонского курфюрста повлияло то обстоятельство, что в захвате Ливонии он видел лучшее средство укрепления своей власти в Речи Посполитой и превращения ее в наследственную [14, с. 284]. Активным вдохновителем коалиции был лифляндский помещик Йоганн Рейнгольд Паткуль, ярый противник шведских аграрных реформ (редукции). Именно он организовал в 1698 году встречу саксонского курфюрста Августа II, являвшегося одновременно польским королем, и Петра I на обратном пути последнего из Европы. Паткуль надеялся оторвать Ливонию от Швеции и сделать ее автономной провинцией магнатско-шляхетской Польши, де-

централизованная политическая система которой больше импонировала некоторым местным землевладельцам, чем абсолютизм шведской монархии. В секретном договоре Августа с Паткулем предполагался переход Лифляндии и Эстляндии в фамильное владение саксонского дома.

Первоначальной целью России в этой войне было возвращение исконной русской территории на южном побережье Финского залива – Ижорской земли (Ингрии, или Ингерманландии), побережья реки Невы и части Карелии, отторгнутых шведами в период Смутного времени согласно Столбовскому договору 1617 года. В частности, саксонский посланник в Москве писал своему суверену: «Петр выразил желание, чтобы ваше королевское величество помогли ему занять те шведские области, которые, по Божией милости и по праву, в сущности принадлежат России и были потеряны вследствие смуты в начале этого века» [14]. В соответствии с принятой союзниками диспозиции датчане должны были вступить в спорную со Швецией Голштинию, саксонские войска оккупировать Ливонию, а русская армия занять Ингрию (Ижорскую землю, или Ингерманландию).

Враждебные настроения соседей не могли быть большим секретом для их противника. Серьезную обеспокоенность шведские власти проявили уже весной 1697 года, когда проездом через Псков и Ригу Лифляндию посетило Великое посольство Петра I, направлявшегося в Западную Европу. Из Москвы посольство выехало 9–10 марта 1697 года по обычному посольскому маршруту через Псков. Первым зарубежным городом, который посетил Петр I, стала Рига, принадлежавшая в тот момент Швеции [15, с. 226]. По свидетельству рижского генерал-губернатора Дальберга, некоторые особы из царского посольства были «весьма назойливы» и не только лазали по городским укреплениям, собирая сведения военного характера, но и «с большим старанием обременяли местных жителей многозначительными рассуждениями». Недоразумения, случившиеся во время пребывания русского посольства в Риге, Петр позднее, как известно, использовал в качестве официального предлога для объявления войны Швеции. Тревожные для шведов слухи принесли и псковские мужики, бывшие в извозе и возвращавшиеся от границы с Курляндией. Остановившись на ночлег у крестьян в окрестностях Риги, они рассказывали, что летом царские войска вернуться и нападут, как напали на Азов [12, с. 37].

Великая Северная война началась в феврале 1700 года броском саксонцев на Ригу. Захватить город им не удалось. В марте в войну вступила Дания, а через несколько месяцев после нее и Россия. Сейм Речи Посполитой, стремясь избежать войны, не давал королю разрешения на участие польских войск в военных действиях. Именно поэтому Августу II пришлось использовать только саксонские войска. Речь Посполита как государство в войне не участвовала. После начала наступления на Западной Двине саксонских войск лифляндское дворянство покинуло свои усадьбы и эвакуировалось в города – Ревель, Пярну и Тарту. Вся южная часть Лифляндии была оставлена на разграбление. Однако первыми грабить помещицы мызы начали не враги, а местные крестьяне [12].

Россия также готовилась к выступлению против шведов. С 4 августа по 2 октября 1700 года в Пскове находился сам царь. Город представлял собой один большой арсенал. Псковские мастера изготавливали холодное оружие для армии, отливали пушки, строили

речные и озерные суда. Военные приготовления не могли остаться незамеченными шведами. Гонец, прибывший из Пскова, сообщил тартускому коменданту Карлу Шютте, что там сосредоточено многотысячное войско, однако никто не знает, куда и с какой целью оно двинется. Предполагали, что оно пойдет на Нарву. Однако подробности шведам узнать не удалось, так как в начале осени псковские власти закрыли границу и никого за кордон не выпускали.

Неожиданно для союзников молодой шведский король Карл XII оказался достаточно энергичным полководцем. Уже в августе он разбил датчан и вынудил пойти их на заключение мирного договора. Однако царское правительство еще не знало этого и энергично готовилось к вступлению в войну. В ноябре 1700 года осаждавшие Нарву русские войска потерпели поражение от неожиданно подошедшей экспедиционной армии Карла XII. Потери русских были велики. Достаточно вспомнить о том, что русская армия под Нарвой потеряла практически всю свою полевую артиллерию – 135 орудий. Вместе с тем, данная неудача не стала фатальной для русской стороны и ущерб от нее не следует преувеличивать. «Нарвскую конфузию» 1700 года можно сравнить с «псковской конфузией» шведов в 1615 году, так как, подобно Густаву Адольфу, Петр I смог извлечь урок из этого поражения и мобилизовать все силы для восстановления и укрепления боеспособности своей армии.

Даже факт реквизиции церковных колоколов для восстановления потерянной под Нарвой артиллерии, используемый некоторыми историками в качестве иллюстрации всей глубины испытанного русской армией фиаско, было, конечно, вынужденной мерой, но не настолько экстраординарной, как обычно представляется неспециалистам. В Европе так называемое «право на колокола» в это время являлось обычной практикой. В английском манускрипте XVII века, устанавливавшем обязанности начальника военной полиции, сказано, что «артиллеристы и их помощники имеют право на лучший колокол в завоеванном месте». В 1807 году генерал-майор Бломфильд писал, что «было неизменной традицией в нашей службе, когда какой-нибудь город капитулирует, позволять офицеру королевской артиллерии требовать колокола в городе и зависимых местностях». Во французской армии *Grand Maitre des Arbalétriers* мог требовать пушки, колокола и медную или бронзовую утварь во всех завоеванных городах. В испанской армии существовал такой же обычай. Одно время в Англии колокола, конфискованные из монастырей, были главным источником оружейного металла [16, с. 20]. В этот сложный для петровской армии период неприступная псковская крепость, оцетинившаяся 200 орудиями, позволила русским прийти в себя, переформироваться и вновь обрести боеспособность для борьбы со стоящим практически на пороге врагом. До 1705 года Псков превратился в главную базу для действующей армии, переданной под командование Б. П. Шереметева. Штаб псковского корпуса располагался в палатах Постниковых на Запсковье («дом-мешок»), выполнявшего одновременно функции комендатуры.

Во всех пограничных пункта Псковского края были усилены гарнизоны. Вокруг старых стен самого Пскова по указанию Петра I спешно возводились земляные укрепления, ставшие прообразом нового типа фортификационных сооружений будущей Российской империи. Царь не раз лично инспектировал данные работы. Большую роль в подготовке города к обороне сыграл псковский воевода В. Б. Бухвостов и его помощники – дьяки Л. Клишин и Л. Вальков.

Некоторую передышку, необходимую для укрепления псковской границы, русским обеспечили их союзники-саксонцы, вновь угрожавшие столице шведской Лифляндии – Риге. Однако в июле 1701 года в состоявшемся на берегу Западной Двины Спилвеском сражении шведы разбили саксонское войско. После этой победы Карл XII увлекся преследованием польского короля и двинулся в противоположном от Пскова юго-западном направлении. Специально занимавшийся этим вопросом А. Г. Захаренко предполагал, что на отказ шведского короля штурмовать северо-западную границу российского государства могло повлиять именно нахождение на его пути такой мощной крепости, как Псков [17, с. 188]. Вполне возможно, что Карл XII действительно не пожелал испытывать судьбу там, где потерпел неудачу его великий предшественник Густав Адольф.

Это не означает, что шведы забыли о Пскове. Против него в Восточной Лифляндии был сосредоточен десятитысячный корпус Шлипенбаха, который постоянно угрожал псковским рубежам. Осенью 1701 года сын командующего Шереметева – Михаил Борисович – разбил шведов, шедших к Печорам, а затем, перейдя реку Выбовку (Выханду), под мызами Резвою и Озерецкою напал на отряд майора Розена и почти полностью его уничтожил. Из 600 шведов спаслись только один прапорщик и майор с 80 солдатами. Русские захватили в качестве трофеев шведский обоз, две пушки и три штандарта неприятеля.

В декабре 1701 года в поход против корпуса Шлипенбаха из Пскова выступили основные силы Шереметева. Они двигались по льду реки Великой и Псковского озера. Выдвижение русских войск на шведскую территорию заняло три дневных перехода. Первый привал был устроен у церкви Николы с устья на левом берегу дельты Великой. Вторую остановку войска сделали около села Лисье, недалеко от устья речки Пимжы на западном берегу Псковского озера. На исходе третьего дня отряды Шереметева наконец вышли на эстонский берег и разбили лагерь на берегу реки Выбовки (Выханду) в районе Ряпина. Оставив в последнем стане обоз, псковский корпус по глубокому снегу скрытно выдвинулся к Эрестферу, где находились зимние квартиры ничего не подозревавшего Шлипенбаха.

29 декабря 1701 года при Эрестфере произошло полевое сражение, завершившееся первой по настоящему крупной победой русских в этой войне. Солдаты неприятеля бежали, преследуемые русскими полками, которые не дошли до Тарту только около 10 верст. Тем не менее, его гарнизон сам выжег в панике посады города. Эта победа громко праздновалась и в Пскове, и в Москве. В награду за нее Б. П. Шереметеву было присвоено звание фельдмаршала.

18 июля 1702 года при Гуммельсгофе псковский корпус Шереметева одержал новую победу над шведами, после которой регион был практически очищен от шведских полевых частей. В августе того же года пала крепость Мариенбург (Алуксне). Среди захваченных здесь пленников была и Марта Скавронская – будущая супруга Петра I, более известная под именем Екатерины I.

Псковский корпус принял активное участие и в отвоевании Ижорской земли в конце 1702–1703 гг. Под непосредственным командованием Шереметева его соединения штурмовали Орешек (Нотебург), Ниеншанц и Копорье [18, с. 64–65]. В то же время отряд генерала фон Вердена, действовавший самостоятельно, нанес удар из Пскова на север вдоль восточ-

ного побережья Чудского озера и захватил Ямбург (современный Кингисепп), поставив завершающую точку в отвоевании Ингрии [19, с. 167]. Путь в Эстляндию и Лифляндию был открыт.

Молниеносное присоединение южного побережья Финского залива между устьем Невы и Нарвой было достигнуто за счет концентрации на этом направлении наиболее боеспособных подразделений русской армии, чьи тылы надежно прикрывались от возможного нападения основной армии Карла XII укреплениями Пскова. В конце 1700 – начале 1701 гг. в Пскове был развернут первый в России полк полевой артиллерии, канониров которого одели в униформу символического цвета «дыма и пламени» – короткий, до колен, красный кафтан с синей отделкой и медными пуговицами, красный камзол, синие чулки и низкие тупоносые башмаки с пряжками. Выбор дислокации артиллерийского полка, возможно, объяснялся не только приближенностью Пскова к театру военных действий, но и наличием необходимой инфраструктуры.

В Пскове впервые в европейской военной истории (раньше чем в западноевропейских армиях) была создана конная артиллерия, что подтверждается рядом достоверных фактов. Так, в боях под Гуммельсгофом в 1702 году прислуга длинных гаубиц была посажена на лошадей; при драгунских полках имелась своя мобильная артиллерия; сохранился указ «Об уборе артиллеристов конными», предусматривавший снабжение их лошадьми и принадлежностями для верховой езды. Специалисты в данной области обоснованно утверждают, что именно в первые годы Северной войны русская армия начала использовать полевую артиллерию в таких масштабах, которые до этого не были известны европейскому делу Европы [20, с. 73].

Реорганизация русской артиллерии, начатая в Пскове, благотворно сказалась на последующих кампаниях. Так, при осаде Копорья войсками Шереметева в 1703 году шведы капитулировали на следующий день после начатого артобстрела, несмотря на предшествовавшее бахвальство коменданта крепости, ответившего на стандартное предложение о сдаче: «Сами не уйдете». В отчете Петру I русский фельдмаршал по этому поводу отметил: «Слава Богу, музыка твоя, государь, – мортиры бомбами – хорошо играет: шведы горазды танцевать и фортеции отдавать; а если бы не бомбы, бог знает, что бы делать» [21, с. 41].

В июле 1704 года при осаде псковским корпусом Тарту решающему штурму города предшествовала настолько интенсивная артиллерийская бомбардировка, что Петр I назвал данный тактический прием «огненным пиром». В августе того же года царь даже организовал здесь своеобразные командно-штабные сборы для своих генералов и министров, разъясняя на месте нюансы проведенного псковскими артиллеристами «огненного пира» [22, с. 103]. Данная тактика активно использовалась русскими войсками в их продвижении по Прибалтике и позднее. Например, угроза массированной бомбардировки способствовала относительно бескровной капитуляции Риги, которая в то время превосходила по своим размерам Стокгольм. Известный исследователь Северной войны академик Е. В. Тарле справедливо отметил по этому поводу, что «одним из элементов русской окончательной победы и шведского разгрома была быстро возростающая сила русской полевой и осадной артиллерии и параллельно происходивший упадок артиллерии шведской» [20, с. 71].

Псков времен Северной войны стал также местом рождения первых в русской армии отдельных понтонного, минерного и инженерного подразделений [1, с. 314]. Важную, хотя, к сожалению, малоизвестную сейчас роль сыграл Псков и на первоначальном этапе становления отечественного военного флота. Еще в 1667 году по инициативе знаменитого псковича и государственного деятеля А. Л. Ордин-Нащокина, который являлся энтузиастом отечественного судостроения, и с соизволения царя Алексея Михайловича на Оке был заложен первый морской военный корабль «Орел» [23, с. 9]. Весной 1669 года построенный корабль перевели в Астрахань для охраны судоходства на Каспийском море, где впоследствии он был уничтожен в ходе разинского восстания [24, с. 71]. Тем не менее позднее Петр I в книге «Устав морской...» заметил по поводу этого проекта Ордин-Нащокина: «От начинания того, аки от доброго семени, произошло нынешнее дело морское». Сам по себе Псков являлся не только мощным арсеналом для сухопутной армии, нацеленной на шведов в Лифляндии и Эстляндии, но и одной из первых военных верфей на Северо-Западе России. При этом был использован опыт Азовских походов и постройки флота в Воронеже. Лепту в создание последнего внесло, в том числе, и псковское духовенство. Так, голландский мастер построил на Дону галеру «Псковский митрополит», средства на которую предоставила, видимо, псковская епархия.

Необходимость во вспомогательных флотилиях возникла и быстро была осознана русским командованием в процессе подготовки к борьбе за Прибалтику и за выход к Балтийскому морю. Особенно активные боевые действия в начале Великой Северной войны развернулись между Финским заливом, Чудским и Ладожским озерами, где противник имел эскадры боевых кораблей, укомплектованные кадровыми моряками. Они оказывали поддержку действиям своих сухопутных войск и препятствовали продвижению русских. Шведское командование даже не предполагало встретить на воде сколько-нибудь серьезного соперника. В начале войны шведы полностью хозяйничали на Чудском озере, прерывая водное сообщение своего противника и разоряя русские берега. Так, в 1700 году первый трофей – псковский стяг ручной вышивки, доставленный только что прибывшему в Прибалтику Карлу XII, – был захвачен именно шведской флотилией на Чудском озере, перехватившей караван судов, которые шли из Пскова с военными грузами к Нарве [25, с. 90].

За следующие несколько лет, прошедшие после начала войны, шведская эскадра, базировавшаяся на реке Эмайыги в окрестностях Тарту, увеличилась с шести до четырнадцати единиц. Заметно усилилась и ее огневая мощь. Больше других пушек (14) имело судно «Вахт-мейстер», флагманские корабли «Карлоус» и «Карлскрон» несли по 12 орудий соответственно, «Ульрика» – 10, «Нарва» и «Шютте» – по 8, «Виктория», «Виват» и «Элефант» – по 6, «Штремфельд» – 5, «Нумерс», «Шлипенбах» и «Хорн» – по 4 пушки. Во флотилию входило также судно «Дорпат», которое по каким-то причинам в основном оставалось на приколе в Тарту [12, с. 106]. Шведы стремились запереть русские суда, стоявшие на рейде реки Великой, в пределах Псковского озера и не пропустить их в акваторию Чудского озера. Командование русских войск в Пскове, напротив, считало своей задачей прорвать установленную шведской флотилией блокаду. Разведка боем против озерной эскадры врага была проведена в 1701 году, когда вышедший из устья Великой «псковитин» Иван Степанов с казаками вступил в бой со шведами, отбил у них 56 фузейных ружей и утопил две чугунные пушки.

Зимой 1702 года в Пскове было построено около 200 «малых галер», в итоге надежно прикрывших Псковское и Чудское озера от шведов. Для выполнения данной задачи напротив Стефановской церкви Мирожского монастыря была организована настоящая верфь и мобилизованы местные ремесленники. В народной былине того периода сохранилась память об этих событиях: «С Талабских островов да с Чудского озера многих корабельных мастеров и подручных в город пригнали, чтобы на луку, на Великой реке, близ церкви Степана корабли против шведов готовить».

В мае 1702 года военнотружущие псковского гарнизона на стругах и баркасах двинулись в наступление на север и через дельту реки Великой вышли на оперативный простор. В узком проливе, соединяющем Чудское озеро с Псковским, отряд полковника Ф. С. Толбухина был встречен шведской эскадрой под командованием вице-адмирала Лешерна. В результате между шведскими и русскими судами завязался упорный бой, продолжавшийся почти непрерывно в течение трех суток [26, с. 34]. Шведские корабли имели преимущество в артиллерийском вооружении и осыпали русских градом снарядов. Их залпами было разбито и потоплено несколько псковских карбасов. Однако в ответ наши солдаты применили тактику абордажа, мужественно сближаясь с противником под непрерывным огнем и вынуждая его вступать в рукопашные схватки. В результате ожесточенной баталии шведы вынуждены были оставить выгодную позицию, а псковские суда, сломившие сопротивление врага, прорвались в акваторию Чудского озера. 31 мая здесь произошел новый бой между отрядом Толбухина и пятью кораблями из эскадры Лешерна.

Наконец в июле 1702 года четыре шведских корабля Лешерна были атакованы близ устья реки Амовжи (Эмба, ныне Эмайыга) отрядом русских карбасов генерал-майора Гулицца, вышедшего из Пскова за несколько дней до этого. Попутно десант Гулицца разорил шведское укрепление в устье Амовжи.

Во всех развернувшихся в 1702 году на Псковско-Чудском озере схватках шведы понесли ощутимые потери. В первом столкновении псковскими воинами была захвачена яхта «Вахтмейстер», а второе и третье завершились пленением еще двух шведских шкут – «Флундран» и «Виват» [27, с. 118–119]. Эти события стали прелюдией к формированию подразделений русской морской пехоты на Балтике. В боях на Чудском озере получил крещение в качестве командира морского солдатского полка Федот Семенович Толбухин, прославившийся в июне – июле 1705 года героической обороной острова Котлин, которая спасла строившийся Санкт-Петербург от массивной атаки шведского военно-морского флота [26, с.38-40]. Псковский опыт борьбы с лучше вооруженными шведскими кораблями был повторен месяцем позже на Ладожском озере, где неприятель держал эскадру под командованием вице-адмирала Нумерса. 27 июня 1702 года тридцать русских карбасов напали на него поблизости от Кексгольма, причинив шведам серьезный ущерб. В итоге Нумерс не рискнул оставаться в Ладожском озере и отвел свои корабли по реке Неве в Финский залив, что создало благоприятные предпосылки для успешной осады русскими войсками Нотебурга – древней новгородской крепости Орешек. Взятие последнего открывало русским дорогу к Балтийскому морю вниз по течению Невы, к устью которой армия Шереметева и вышла весной 1703 года. Здесь в мае того же года отряд лодок под командованием самого Петра I и Меньшикова взял на

абордаж два шведских корабля «Гедан» и «Астрильд», которые неосторожно отделились от эскадры Нумерса, продолжавшей курсировать в Финском заливе.

Одним из наиболее важных результатов прорыва псковской флотилии в акваторию Чудского озера стал захват русскими замка Сыренска (Нейшлосса) – мощного берегового укрепления на его северо-восточном берегу у истока Наровы [28, с. 82]. Руины этой крепости, виднеющиеся на эстонской стороне в черте поселка Васканарва, до сих производят сильное впечатление своей монументальностью. Гавань Нейшлосса являлась удобным пунктом для приема военных грузов из Пскова, необходимых для обеспечения боевых действий на нарвском операционном направлении. Действуя с данного плацдарма, русские отряды получили возможность делать набеги на окрестности Нарвы и Ивангорода.

Однако основные силы шведской эскадры, укрывавшиеся на Эмайыге, еще представляли серьезную опасность, угрожая с фланга русским коммуникациям между Псковом и Сыренском. В 1703 году шведы напомнили о том, что их рано сбрасывать со счетов, совершив диверсию на Талабские острова в Псковском озере. Однако закрепиться здесь они не могли и, уничтожив монастырь на острове Верхнем, отплыли к Тарту. Окончательно со шведской угрозой на Псковско-Чудском водоеме было покончено следующим летом. Имеется в виду масштабная операция русских против шведской флотилии на реке Эмайыги.

К летней кампании 1704 года активно готовились по обе стороны псковско-свейского рубежа. Шведы опасались большого наступления русских войск со стороны Пскова и хотели максимально спутать их планы. Поэтому было решено вывести суда в Чудское озеро как можно раньше. 16 апреля генерал-майор Шлиппенбах послал тартускому коменданту следующее указание: «Надо полагать, Чудское озеро к данному моменту уже полностью освободилось ото льда, так что флотилия может отплыть с насиженного места. Ситуация такова, что ее бездеятельность для Тарту далее просто нетерпима» [12, с. 107]. После этого началось лихорадочное оснащение шведских кораблей к походу. Однако русское командование в Пскове смогло переиграть противника.

Ставка русских войск в Пскове приняла решение запереть шведов в устье Эмайыги и вообще не выпустить их в озеро. 30 апреля командующий шведской флотилией Карл Густав Лешерн фон Герцфельд, получивший выучку в Голландии, доложил тартускому коменданту, что при попутном ветре его корабли готовы поднять паруса. Но к этому времени в гонке за то, кто первым спустит суда на воду, верх одержали псковичи. Уже 26 апреля генерал-майор Николай фон Верден во главе 7066 солдат и стрельцов с восемнадцатью пушками в придачу отплыл из Пскова в устье Эмайыги. Поднявшись вверх по реке, русский отряд 3 мая высадился на берег в нескольких милях от селения Кастре. Как раз на следующее утро 4 мая 1704 года шведская эскадра наконец двинулась от Тарту в сторону Чудского озера.

После короткой остановки у деревни Луунья Лошер фон Герцфельд узнал от местных рыбаков, возвращавшихся в Тарту, что к устью Эмайыги подходит до сотни русских плавсредств, и велел прибавить ходу. Шведские корабли подняли якоря и тремя группами под развернутыми парусами понеслись вниз по течению навстречу собственной гибели.

К этому времени псковский десант успел устроить шведам ловушку. У деревни Кастре река была перегорожена связанными между собой баркасами, а перед ними, чуть выше по

течению, сооружена преграда из бревен. Часть пехотинцев и два полка стрельцов засели на своих кораблях, а остальные солдаты залегли по берегам реки. Таким образом получился своеобразный «мешок», в который между семью и восемью часами утра на полном ходу и влетела шведская эскадра.

Бой продолжался около трех часов. Дольше всех держался на флагмане «Карлоус» сам Лошер фон Герцфельд. Но видя безнадежность своего положения и не желая сдаваться в плен, шведский адмирал бросил горящий факел в пороховой погреб и погиб вместе со своим взорвавшимся кораблем. У шведов 142 человека попали в плен, около 190 человек погибли или дезертировали, более 240 офицеров и солдат, находившихся в хвосте эскадры, спрыгнули на берег и сумели возвратиться под защиту крепостных стен Тарту. С русской стороны погибли подполковник, майор и 56 солдат, 162 человека получили ранения. В качестве трофеев победителям достались двенадцать кораблей с 86 орудиями. Часть пушек шведы успели утопить в реке, но русские солдаты сумели их поднять.

Отбитые у шведов корабли с большим триумфом перегнали в Псков. Затем их использовали в военных действиях против Тарту и для транспортировки материалов, необходимых при повторной осаде Нарвы. В результате этой победы шведы понесли тяжелый стратегический урон, а судоходство на Чудском озере полностью перешло под контроль России. Водный путь из Пскова на Тарту и Нарву, чрезвычайно удобный для перевозки военных грузов, необходимых для развертывания наступления в Прибалтике, наконец оказался открытым для российских войск.

В Петербурге в только что возведенной Петропавловской церкви состоялся благодарственный молебен в честь «пресчастливой» победы под Кастре. Царь на радостях написал фельдмаршалу Шереметеву в Псков, что остается только от всего сердца благодарить Господа Бога, ибо «таковые случаи Ему единому приписывать достоин». Голландец Адриан Шхонебек посвятил этому событию свою гравюру «Панорама сражения на реке Амовже при впадении ее в Чудское озеро 4 мая 1704 года», ставшую первой в ряду отечественных произведений живописи, изображающих выдающиеся военно-морские победы России.

Вскоре после этой победы из Пскова в направлении Тарту выступили основные силы фельдмаршала Шереметева и обложили этот опорный пункт шведской власти над восточной Лифляндией. Русские корабли, подошедшие с озера, оказывали помощь своим войскам, бомбардируя Тарту с реки Эмайыги. 3 июля под Тарту через Чудское озеро на яхте, отбитой у шведов от осажденной Нарвы, прибыл сам царь.

14 июля 1704 года в результате ожесточенного штурма город был наконец взят. В пятом часу пополудни фельдмаршал Шереметев поставил свою подпись под договором о капитуляции Тарту. В качестве военных трофеев победители получили 97 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц, около 500 тыс. мушкетных пуль, более 1500 пушечных ядер, 500 бомб. Внушительными были и захваченные у неприятеля продовольственные припасы. Эта победа развязала русской армии руки для взятия Нарвы, во время которой псковский корпус осуществлял ее прикрытие от возможной контратаки шведов со стороны Ревеля.

Нарвская виктория имела знаковое значение для морального духа русской армии. Но именно победа псковского корпуса под Тарту стало поворотным пунктом, с которого началось окончательное вытеснение шведов из Прибалтики.

Потенциальная угроза шведского наступления на Псков сохранялась еще несколько лет, но на практике дело ограничилось мелкими диверсиями со стороны противника. В ноябре 1705 года полторатысячный отряд драгун шведского полковника Германа Брокгаузена совершил рейд по Рижской дороге в направлении русских позиций под Псковом и Тарту. В январе 1706 года в направлении Печор сделал набег отряд из трехсот шведских драгун под командованием майора Фрейденфельда. Заметного вреда псковским землям шведы нанести не смогли. Но отступив от старой границы, они всю зиму блокировали Тарту и сожгли в районе селения Луунья стоявшие там русские корабли и запасы сена.

3 января 1707 года был издан приказ о создании между русскими и шведскими армиями мертвой зоны в двухсоткилометровой приграничной полосе, начиная от Пскова через Смоленск до Черкасс, длиной 1400 километров по прямой линии. В Пскове формировалось народное ополчение.

Разгром шведской королевской армии под Полтавой способствовал успешному наступлению русских войск в Прибалтике, что окончательно отвело угрозу боевых действий от Пскова. В июле 1710 года перед армией фельдмаршала Шереметева открыла свои ворота Рига, в августе того же года пала крепость Пярну, а в сентябре – Ревель (современный Таллин) [29, с. 203]. Эти победы закрепили Прибалтику за Россией сначала де-факто, а в конечном счете и де-юре.

После окончательной капитуляции Лифляндии и Эстляндии Псков утратил роль главного оплота российских интересов в прибалтийском регионе. Однако его потенциальное стратегическое значение для обеспечения геополитических позиций русской государственности на Северо-Западе продолжало сохраняться, что и доказали события 20–30-х и 90-х гг. XX века. После присоединения на рубеже XX–XXI вв. стран Балтии к Европейскому Союзу Псков вновь, как и в рассматривавшийся выше период, превратился в ближайшие сухопутные ворота России на Запад.

Литература

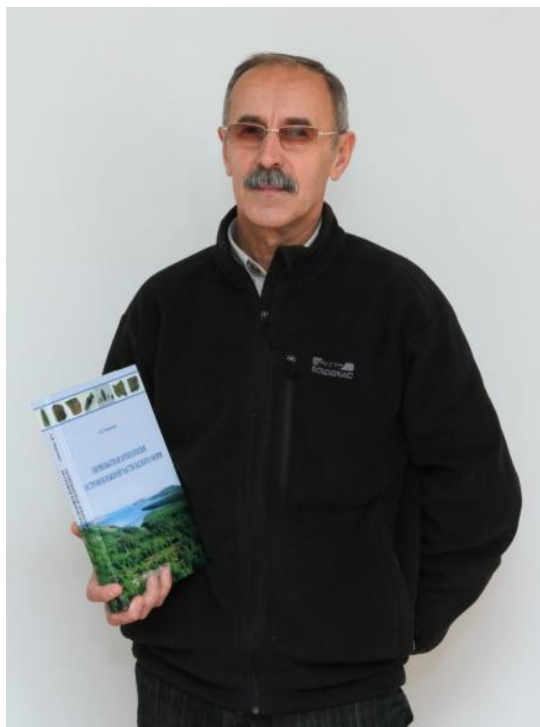
1. Псков – город воинской славы: статьи и документы / Сост. Н. Ф. Левин. Псков, 2010. С. 302.
2. Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / Вступ. Ст. и коммент. д. и. н. А. А. Михайлова; Биограф. очерк Н. Ф. Левина. Псков, 2005. С. 321.
3. Robert I. Frost. The Northern wars. War, State and Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow, 2000. P. 83.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX–XII. Калуга, 1993. С. 142.
5. Ивонин Ю. Е., Ходин А. А. Густав II Адольф // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 55.

6. Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Том V. Выпуск 1. М., 2003. С. 120.
7. Коваленко Г. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 75.
8. Бологов А. А. Псков. Л., 1979. С. 220.
9. Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009. С. 37.
10. История дипломатии: [сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2005. С. 275–276.
11. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2006. С. 510.
12. Лайдре М. Северная война и Эстония. Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллинн, 2010. С. 34.
13. Брикнер А. Г. История Петра Великого. М., 2002. С. 383.
14. История Польши / Под ред В. Д. Королюка и др. М., 1954. С. 284.
15. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В. И. Гальцов, В. С. Исупов, В. И. Кулаков и др. Калининград, 1996. С. 226.
16. Чипола К. Артиллерия и парусный флот. Описание и технология вооружения XV–XVIII веков. М., 2007. С. 20.
17. Захаренко А. Г. Создание оборонительных сооружений вокруг каменных стен Новгорода, Пскова и Печорского монастыря в начале XVIII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 188.
18. Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 64–65.
19. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 167.
20. Тарле Е. В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 2009. С. 73.
21. Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мысль, 1988. С. 41.
22. Павленко Н. И. Петр I. М., 2007. С. 103.
23. Митрофанов В. П., Митрофанов П. С. Школы под парусами: Учебный парусный флот XVIII–XX вв. Л., 1989. С. 9.
24. Скрицкий Н. В. Корсары России. М., 2007. С. 24; Висковатов А. Обзор морских походов русских. IX–XVII столетия. М., 1946. С. 71.
25. Григорьев Б. Н. Карл XII, или пять пуль для короля. М., 2006. С. 90.
26. Зверев Б. И. Страницы военно-морской летописи России. М., 1981. С. 34.
27. Елагин С. Утверждение России на Балтийском побережье // Морской сборник. – 1866. – № 1. – С. 118–119.
28. Полевой Н. А. Русские полководцы, или жизнь и подвиги российских полководцев от времен Императора Петра Великого до царствования Императора Николая Первого / Н. А. Полевой; предисл. Б. П. Уткина – Перепеч. с изд. 1845 г. с испр. – СПб.: «Русская симфония», 2006. – С. 82.
29. Всемирная история войн. М. – Минск, 2008. С. 203.

Рецензент – В. А. Пальмин,
кандидат исторических наук, доцент

УДК 904(470.116)(045)

**Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья
(о древнем освоении беломорских островов
по археологическим данным)**

© **Мартынов** Александр Яковлевич, археолог, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ФГУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Автор 6 книг и 90 статей, посвящённых первобытной истории и культуре Севера. Контактный телефон: +7 911 573 00 45. E-mail: martinov@solovky.ru.

Статья посвящена истории освоения островов Белого моря (Соловки, Кузова, Жижгин, Мудьюг) в эпохи камня – железа (VI тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). На основе археологических источников и экспериментальных данных в ней содержатся ответы на вопросы о характере древних островных поселений, особенностях культуры их обитателей, культурных связях с материковыми культурами, древних морских

путях, происхождении и назначении каменных лабиринтов Беломорья.

Ключевые слова: Белое море, Соловки, острова, древнее поселение, раскопки, артефакты, керамика, каменные орудия, лабиринт, эксперимент, лодка.

The islands of the White Sea, from the Mesolithic to the Middle Ages (the ancient development of the White Sea islands on archaeological data)

© **Martynov** Alexandr, archaeologist, Ph.D. of history, Deputy Director for Science FGUK “Solovki State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve”. Author of 6 books and 90 articles devoted to prehistoric history and culture of the North. Contact Phone: +7 911 573 00 45. E-mail: martinov@solovky.ru.

Abstract

The article is devoted to the history of development of the White Sea Islands (Solovki, Kuzova, Zhizhgin, Mudyug) in the Stone Age – Iron (VI millennium BC. E. – I millennium AD. E.). On the basis of archaeological sources and experimental data it contains answers to questions about the nature of the ancient island of settlements, the culture of their inhabitants, cultural ties with continental cultures, ancient sea routes, origin and destination of stone labyrinths of the White Sea.

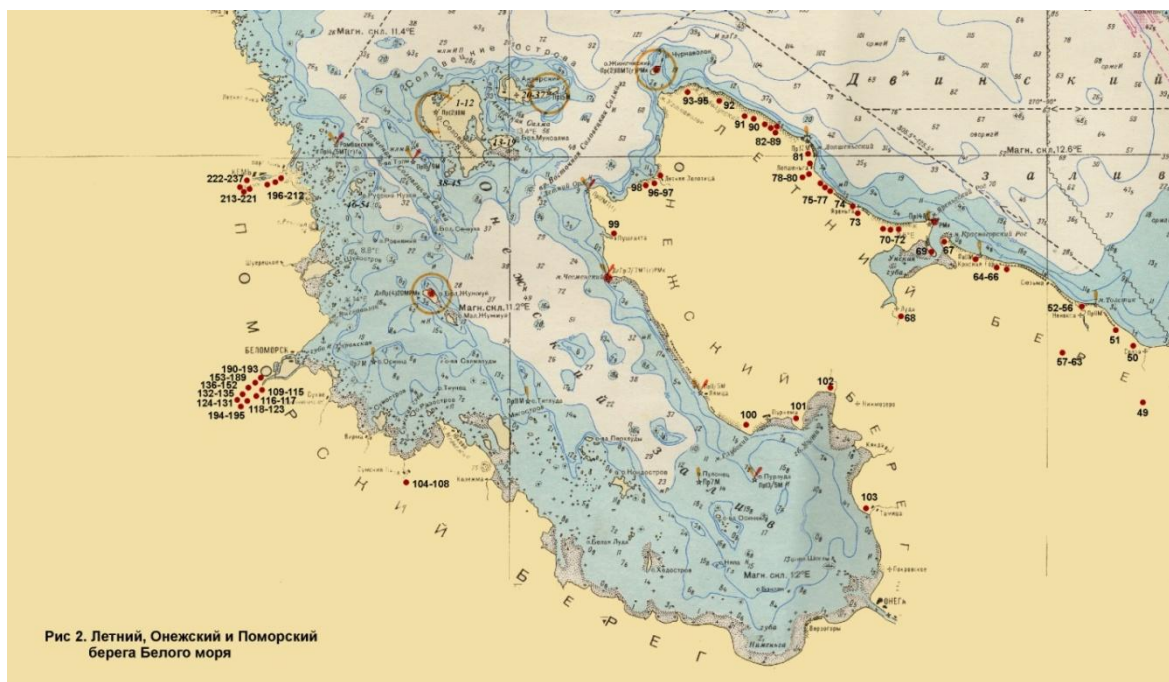
Keywords: White Sea, Solovki Islands, an ancient settlement, excavations, artifacts, pottery, stone tools, labyrinth, an experiment, a boat.

Краткая геолого-географическая характеристика

Белое море – одно из нескольких и самое малое море Северного Ледовитого океана. Его площадь – 90000 кв. км, длина береговой линии – около 2000 км. С северной стороны море ограничено южными – Терским и Кандалакшским – берегами Кольского полуострова, с западной омывает Карельский и Поморский берега (Республика Карелия), с южной – Онежский, Летний и Зимний берега (Архангельская область). Острова Белого моря сосредоточены в основном в западной половине водоёма. Крупнейшими из них являются Большой Соловецкий, Анзерский, Мягостров, Кондостров и Русский Кузов. Два из них объединяют вокруг себя острова крупнейших архипелагов Белого моря: Соловецкого и Кузовов.

Соловецкий архипелаг состоит из 6 крупных и 110 мелких островов, расположенных в западной части Белого моря при входе в Онежский залив. Наиболее короткое расстояние от основного острова архипелага – Соловецкого – до западного побережья «по прямой» составляет 35 км, от Анзерского острова до юго-восточного побережья – стрелки Онежского полуострова – 25 км. В археологическом отношении наибольший интерес представляют крупные острова: Большой Соловецкий (225,28 кв. км), Анзерский (48,51 кв. км), Большая Муксалма (19,91 кв. км), Большой и Малый Заяцкие (соответственно 1,38 и 1,24 кв. км). Общую площадь архипелага природоведы определяют в 295,23 кв. км (Шварцман, Болотов и др., 2007, с. 184).

Архипелаг Кузова (в переводе с саамского – «Еловые острова») расположен в 20 км к западу от Соловецкого архипелага и в 12–15 км к востоку от карельского побережья Белого моря. Отделенный от Кемских островов трёхкилометровым проливом, архипелаг состоит из двадцати островов, представляющих собой скальные купола, сложенные кристаллическими породами и выступающие из воды на высоту до 123 метров. На островах видны следы тектонической деятельности, скальные породы прерываются здесь заметными издалека распадками с таежной растительностью. У основания скал, как правило, есть удобные для проживания значительных человеческих коллективов площадки 8–10 и 16–20-метровой высоты над уровнем моря, соседствующие с источниками пресной воды – единичными, но довольно

большими родниками, а также множеством скальных впадин и углублений, которые наполняются летом дождевой водой. Площадь наиболее крупных островов Русского и Немецкого Кузовов равна приблизительно 7 и 1,5 кв. км. Прочие острова архипелага имеют гораздо меньшие размеры, их высота над уровнем моря колеблется от 15 до 65 м (рис. 1).

Начало геологической истории архипелагов, как и всего Беломорья, уходит в глубокую древность (позднеархейские времена), когда сформировалась толща беломорских гнейсов (Демидов, 2002, с. 10). Новейшая геологическая история беломорских островов весьма сложна. Говоря упрощённо, они сформированы четвертичными ледниковыми и водноледниковыми осадками последнего оледенения, перекрывающими древнюю цокольную платформу, образованную кристаллическими породами. По мере таяния ледникового покрова и уменьшения его площади происходило компенсационное поднятие островов, носившее прерывистый характер. Тогда же произошло формирование «лестниц» морских террас, превышающих в настоящее время уровень Белого моря на высоту от 5–10 до 20–23 м (Хеладзе, 1926; Колосова, Новиков, 1996, с. 134–135; Демидов, 2002, с. 10).

Исследование первобытных памятников беломорских островов (краткая справка)

Профессиональное археологическое изучение первобытного прошлого островов Белого моря осуществляется со второй половины 1920-х годов. В разные годы на Соловках работали археологи Н. Н. Виноградов (1926–1931), А. А. Куратов (1964–1981) и А. Я. Мартынов (с 1984 г. по наст. время).

Н. Н. Виноградовым впервые обследованы около 1000 каменных сложений (лабиринтов, насыпей, «символических» выкладок), опубликованы первая и единственная в XX в. книга, посвященная археологии Соловков (Виноградов, 1927), а также ряд научных и популярных статей. В них сформулированы основные проблемы, связанные с каменными лабиринтами, и предложены гипотезы о датировке, культурной принадлежности и назначении «вавилонов».

А. А. Куратов и основанная им Архангельская археологическая экспедиция осуществили повторное обследование уже открытых каменных выкладок, стационарно исследовали три каменные насыпи, открыли и частично раскопали две первые стоянки архипелага (эпоха бронзы) и таким образом впервые получили подлинные археологические источники. Исследователем опубликован ряд статей и монография (Куратов, 2008), посвящённых проблемам первобытной археологии Соловецкого архипелага.

А. Я. Мартынов и члены археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника открыли 58 первобытных стоянок, мастерских и местонахождений отходов каменной индустрии VI тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Ими раскопаны 25 стоянок и 20 каменных насыпей, получены более 30000 артефактов, открыты и исследованы памятники «домонастырского» Средневековья. Успешно осуществлён проект «Соловки – материк: древние морские пути. Реконструкция маршрутов и способов передвижения по Белому морю в древности и Средние века». Опубликовано три книги (Мартынов, 2002, 2006, 2010) и более 40 статей об истории освоения и культуре островов Белого моря в эпохи мезолита – Средневековья.

Первобытные стоянки архипелага Кузова были открыты и исследовались А. А. Куратовым (1989) и А. Я. Мартыновым (1990, 2002, 2004), а также карельскими археологами Н. В. Лобановой и И. С. Манюхиным (2002), А. М. Жульниковым (2007) и М. М. Шахновичем (2007). Стоянки о. Жижгин частично раскопаны автором статьи (1995, 1998), стоянки о. Мудьюг исследовались А. Я. Мартыновым (1984, 1995) и А. Е. Беличенко (1995, 1996).

Древнейшие стоянки беломорских островов

Начало истории древнего освоения беломорских островов уходит в эпоху позднего мезолита, в период с середины шестого до середины пятого тысячелетий до новой эры. Именно этим временем датируются остатки древнейших стоянок и мастерских, открытых Соловецкой археологической экспедицией на Соловках. И именно к этому времени относятся наиболее поздние стоянки мезолитической эпохи и наиболее древние (ранние) поселения Северной Карелии с керамикой (глиняной посудой), появление которой принято считать главным признаком следующего исторического периода – «новокаменного века», неолита. Впрочем, полной уверенности в том, что археологи не найдут более древние островные стоянки у нас, разумеется, нет.

Древнейшие островные поселения – это сезонные (летние) стоянки, которые располагаются поодаль от современных берегов Соловецкого и Анзерского островов, а также о. Большая Муксалма, на высоких (18–20 метров над уровнем моря) песчаных и песчано-каменных террасах вблизи озёр или болот (рис. 3).

Размеры площадок, которые занимали первооткрыватели островов, невелики (от 400 до 2500 кв. м). Толщина сформировавшегося при их участии культурного слоя (от 3 до 20 см) такова, что можно с некоторым основанием предполагать: их населяли небольшие (10–15 человек) группы людей, которые, скорее всего, многократно посещали места, выбранные ими для проживания. Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты проб угля из кострищ нескольких стоянок и разновременная керамика стоянки-мастерской Муксалма-6.

В процессе раскопок этих сезонных поселений были собраны внушительные коллекции каменного инвентаря, среди которого нашлись и обломки охотничьего оружия (составных наконечников копий, наконечников дротиков и стрел), и бытовые орудия труда (топоры, скребки, фрагменты ножей, проколки, скобели, резцы, скрёбла), и промысловые изделия (рыболовные грузила) (рис. 4).

Не менее интересными оказались наблюдения за тем, как располагались находки на площадках стоянок. Преобладающая их часть была раскрыта в виде разных по величине скоплений, получивших у археологов название «место мастера». Чаще (например, на стоянках Соловецкая-4 и Малое Кумино) это довольно большие по площади, но единичные скопления, иногда (на Немецком Кузове-3) группа более мелких скоплений, расположенных в виде круга с валуном-«наковальней» возле одного из них. Как правило, археолог встречает в таких местах всё, что угодно, кроме целых изделий: расколотые камни, нуклеусы, крупные отщепы, приготовленные для дальнейшей обработки, сколы, чешуйки (мелкие и мельчайшие отщепы), а также заготовки различных изделий и фрагменты заготовок, сломавшихся в процессе изготовления. «Место мастера» – это действительно своеобразная минимастерская под открытым небом, в которой трудился тот, кто обладал достаточными способностями, физической силой и терпением, чтобы превращать аморфные сколы с кварцевого желвака в разные по форме, иногда

даже красивые, топоры, скребки, ножи. Эксперименты специалистов из Института археологии не оставляют сомнений в том, что сделать это было куда как не просто.

Другая категория находок – единичные артефакты, встречающиеся на всей площади поселений в разных горизонтах культурного слоя и на разном расстоянии друг от друга. Их присутствие можно объяснить несколькими причинами. Одни из них были отброшены мастерами, изготавливавшими инвентарь (отщепы, сколы), другие (орудия, пригодные к использованию) обронены владельцами изделий, третьи (фрагменты «сработанных» орудий) выкинуты за ненадобностью. Были и специально принесенные на стоянку «со стороны» предметы: подставки-«наковальни», грузила, якорные камни, крупные кварцевые желваки.

Расположение скоплений инвентаря и отдельных находок привело нас к выводу, что на некоторых стоянках их обитатели довольно отчётливо разделяли две «зоны»: производственную, которая примыкала к краям террас и нередко располагалась на камнях морены, и «жилую», отстоявшую от склонов на 10–15 метров и располагавшуюся на песке. Такое разделение понятно и объяснимо: на камнях легче раскалывать кварцевые желваки, на песке удобнее передвигаться, стоять, сидеть, разжигать огонь, устраиваться на ночлег...

Обязательным элементом древнейших стоянок являются кострища, или очаги, возле которых, надо полагать, первобытные «островитяне» проводили немало времени. Они различаются по размерам (диаметру, толщине зольно-угольного слоя, консистенции) и форме (овальные, круглые, аморфные), свидетельствуя о разной продолжительности жизни на том или ином поселении: совсем коротком на берегу озера Малое Кумино и весьма продолжительном на стоянке Соловецкая-15. Лабораторный анализ угля из кострища стоянки Соловецкая-4 (рис. 5) позволил установить дату одного из древнейших на сегодняшний день памятников археологии беломорских островов – 6460 ± 70 ВР (лет назад).

Ещё более впечатляет датировка угля из культурного слоя открытой в 2011 г. и ещё не раскопанной стоянки Соловецкая-21, установленная изотопной лабораторией РГПУ им. А. И. Герцена, – 7600 ± 70 ВР.

Судя по аналогам в каменном инвентаре (широколезвийные топоры, заготовки наконечников с боковой пластинкой, скребки, отбойники, нуклеусы), в сырье (кварц) и в наиболее ранних образцах керамики с ямочной орнаментацией с материалами стоянок Западного Прибеломорья, обитатели древнейших островных поселений приходили на Соловки с западного побережья Белого моря, точнее с низовьев рек Кемь и Выг.

Соловецкие острова в эпоху развитого и позднего неолита

Освоение беломорских островов было продолжено в IV–III тысячелетиях до н. э., но в этот период острова были уже другими. Строго говоря, они меняли свои очертания и размеры во все эпохи, но, судя по топографии стоянок Колгуевская-2, 3 и 4, Могильники, Муксалма-2, 5 и 9, наиболее заметные изменения произошли именно в развитом и позднем **неолите**. Определить это можно даже по расположению древних памятников. Если ранненеолитические стоянки Соловков и Кузовов отстоят от современной береговой черты на расстояния не менее 500 метров и располагаются на высоте не менее 18 м над уровнем моря, то поздне-неолитические находятся гораздо ближе к берегу (50–150 м), а их высота не превышает 14–15 метров.

Надо заметить, что наиболее ранние представители нового этапа освоения беломорских островов немногим отличались от своих предшественников. Они также приходили с западного – карельского – берега, изготавливали промысловый и бытовой инвентарь преимущественно из кварца и кварцита, но очень редко – из сланца и песчаника. Обживали песчаные площадки у озёр и болот, занимались теми же делами, что и их предшественники: охотились на морского зверя и перелётную птицу, ловили морскую и озёрную рыбу, собирали моллюсков, морскую капусту, съедобные растения прибрежных лугов, ягоды и грибы. Посуда, которую они привозили с материка и изготавливали на архипелаге, имела иную, гребенчато-ямочную, орнаментацию (рис. 6).

Вместе с тем, во второй половине IV тысячелетия до н. э. в истории северного мореплавания и освоения беломорских островов произошли существенные перемены. Заклучались они в том, что помимо западного (с карельского берега) появился юго-восточный «морской»

путь на Соловки с Южного Прибеломорья, с Онежского полуострова (современная Архангельская область).

Островные поселения этих людей разительно отличаются от всех предшествующих и последующих. Древние насельники Летнего берега осваивали дюнные впадины-котлованы Колгуевского мыса на Анзерском острове. Впадины представляют собой ямы в песчаной террасе глубиной до четырёх метров и площадью от 100 до 1500 кв. м. с довольно высокими стенками. В одной из них они обосновались, судя по внушительному культурному слою, на весьма продолжительное время (рис. 7).

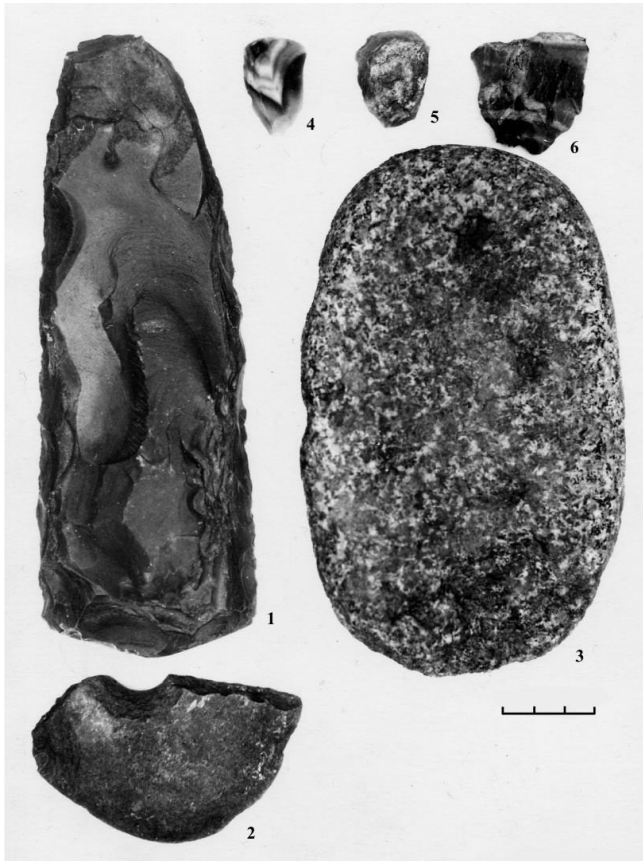

Полтора десятка других впадин использовали в качестве мест, где их мастера раскалывали кварцевые желваки, а из образовавшихся при первичном раскалывании отщепов изготавливали заготовки различных орудий: скребков, проколов, ножей наконечников стрел и дротиков.

Выбор дюнных углублений для проживания и камнеобрабатывающих «мастерских» был не случайным, как не случайно и то обстоятельство, что единственным поселением на побережье Онежского полуострова, в котором археологами ещё в первой половине XX века были найдены аналогичная «колгуевской» керамика и каменный инвентарь, оказалась стоянка в дюнной впадине на берегу речки Галдарей. По всей вероятности, именно обитатели поселения Галдарей-1 были первыми из «онежан», кто, начиная с этого времени и до начала новой эры, посещали время от времени Соловецкий архипелаг. Насельники стоянки Колгуевская-2 владели не только кварцевым инвентарём, хотя он и составлял более 90 % всех изделий, но также орудиями труда, сделанными из кремня, сланца, серого и красноцветного песчаника. Набор промыслового инвентаря этих людей был заметно шире, а сами изделия выполнены более тщательно, чем у их предшественников. Среди них есть разнообразные грузила (овальные с «перехватом» и круглые с отверстиями), скребки, шлифовальные плитки, охотничий топор, а также знакомые читателю ножи, скрёбла, проколки, свёрла, фрагменты наконечников стрел и дротиков, обломки рубящих орудий. Посуда, которой пользовались на

Колгуевской-2, представляла собой большие и маленькие сосуды полуяйцевидной формы, вылепленные из жёлтой, красной и серой глины и украшенные орнаментом из конических ямок, чередующихся с оттисками так называемой «гребёнки».

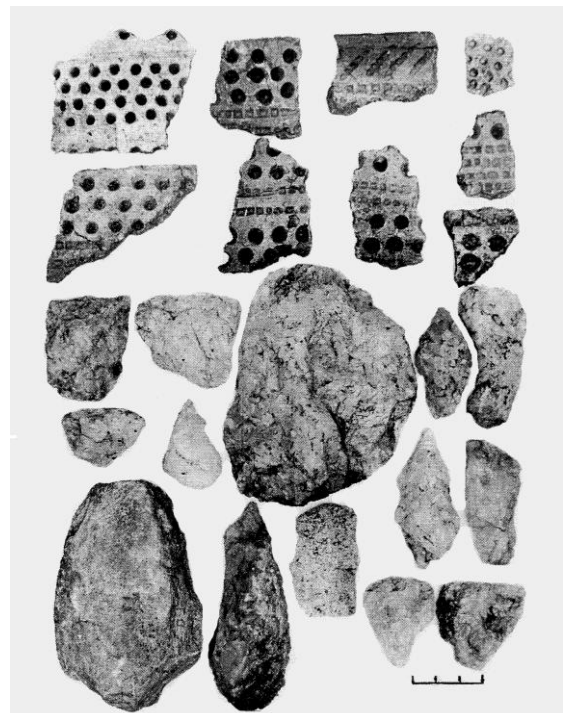
Судя по промысловым орудиям, обнаруженным на стоянке, её обитатели охотились на перелётную птицу, морского и островного зверя, ловили рыбу не только архаичными охотничьими способами (при помощи лука, стрел и дротиков), но и посредством сетей или других рыболовных снарядов, требующих использования грузил. Они привозили с собой орудия труда из кремня (рис. 8), которого нет на Соловках, и, возможно, часть найденных на стоянке глиняных сосудов.

Кремень доставляли исключительно в виде готовых изделий. На это недвусмысленно указывает полное отсутствие в культурном слое памятника отщепов, сколов и чешуек – отходов кремнёвой индустрии, всегда сопровождающих каменные орудия там, где осуществлялось первичное раскалывание кремня и изготовление инвентаря. Что касается керамики, то нельзя исключать, что некоторые сосуды были изготовлены на Соловках; во всяком случае, глину аналогичного цвета нам удалось обнаружить в разных местах архипелага. Судя по следам заглаживания на внутренней стороне сосудов, их изготавливали так называемым ленточным способом. Хорошо промятую и перемешанную с морским песком и растительными волокнами глину раскатывали в виде неширо-

ких лент, которые накладывали по спиральному принципу «снизу вверх», а затем руками и пучками травы заглаживали внутреннюю и внешнюю стенки сосуда. Нанеся орнамент на всю внешнюю поверхность «горшка», древние мастера обжигали его на костре (рис. 9).

Кварцевый инвентарь изготавливался в два этапа. Сначала древние мастера раскалывали кварцевые и сланцевые валуны или сбивали с них так называемую желвачную корку, чтобы проверить качество сырья, затем скалывали отщепы – основу дущих орудий. Осуществлялось это в «мастерских» – дюнных впадинах, расположенных поблизости от

поселения. Отщепы и сколы, которые годились для вторичной обработки, переносили на стоянку, и там сначала превращали их в заготовки орудий, а затем «доводили» (если удавалось) до готовых к употреблению изделий.

Особый интерес вызывает древнейший из найденных на беломорских поселениях якорный камень. Его нельзя назвать каменным якорем, поскольку в нем нет отверстий для линя и деревянных или костяных якорных «рогов», но форма предмета, следы обработки и, в особенности, искусственные углубления на противоположных гранях позволяют с полной уверенностью утверждать, что использовали его именно в этом качестве.

К IV–III тысячелетиям до н. э. относится ещё ряд стоянок, располагающихся на открытых песчаных террасах Анзерского (Колгуевские-3 и 4, Могильники), Б. Соловецкого (Соловецкие-3, 5, 15), Б. Муксалмского (Муксалма-2, 3, 5, 9) островов. На многократно посещавшейся площадке стоянки-мастерской Муксалма-6 в раскопе 2006 года (рис. 10) также было обнаружено несколько лепных сосудов и каменных орудий, датированных поздним неолитом.

Материалы этих поселений весьма существенно дополняют наши представления об островной культуре данного времени. Их обитатели лепили тонкостенные и толстостенные сосуды полуяйцевидной формы разных размеров. Их диаметр колеблется от 20 до 40 см, высота – от 30 до 45 см. Внешнюю поверхность лепных «горшков» первобытные мастера покрывали так называемой гребенчато-ямочной орнаментацией, в которой отиски гребенчатых штампов преобладали над количеством ямок. Вместе они составляли разнообразные и весьма оригинальные сочетания. Изготавливали они и совсем маленькие чашки диаметром не более 12 см и высотой – 6–8 см, украшая их рядами крошечных ямок и отисков мелкой

«гребёнки». Что касается каменного инвентаря, то помимо обычных бытовых и охотничьих орудий из кварца обитатели этих поселений использовали сланцевые грузила «с перехватом», шлифовальные плитки, отбойники, а также массивные подставки-«наковальни» из твёрдого песчаника, в которые упирали кварцевые желваки при скалывании с них отщепов. На стоянке Муксалма-6 был обнаружен сильно сточенный оселок с загадочными насечками на боковой грани изделия и двумя треугольными углублениями по бокам, за которые инструмент привязывали к поясу с помощью ремешка.

Соловки в эпоху раннего металла

В культуре материковых охотников и рыбаков, посещавших беломорские острова в эпоху раннего металла во II–I тысячелетиях до н. э., появилось несколько важных особенностей. Заметные изменения в материальной культуре островного населения прослеживаются уже во второй половине III тыс. до н. э. в материалах **энеолитических** стоянок, и связаны они, прежде всего, с заменой кварцевого сырья на более качественный и податливый для обработки **кремнь**. Если на более древних стоянках изделия и отходы кварцевой индустрии составляют 95–97 % всех предметов из камня, то в энеолите («медно-каменном веке») привозной кремнь «набирает» до 30 %. Орудия, изготовленные из кремня, гораздо прочнее кварцевых, форма наконечников, скребков и ножей приобретает устойчивость, они красивы и привлекательны. Кремнь доставляют на Соловки не только в виде готовых изделий, но и заготовками орудий, и в форме нуклеусов – обколотых со всех сторон кремнёвых желваков, с которых ещё можно скалывать отщепы. Об этом свидетельствует довольно большое количество отходов кремнёвой индустрии, найденных в культурном слое энеолитических стоянок Соловецкая-13 и Муксалма-8. Судя по аналогам в минерале известных месторождений Карелии и бассейна р. Северной Двины, кремнь стоянок этого времени доставлялся на острова с Онежского озера и из Орлецов. На поселениях энеолита появляются новые для Соловков предметы: массивная «разделочная доска», обнаруженная сломанной на три части, изящное тесло, изготовленное явно на материке, и совсем диковинная в островной археологии вещь – янтарная пуговица, аналогичная таким украшениям на энеолитических памятниках Северной Карелии. Появление её на данной территории коллеги связывают с существованием культурных связей первобытных жителей Карелии и Прибалтики. Посуда данного времени отличается от предшествующей формой и орнаментацией. Сосуды, найденные на стоянке

Соловецкая-13, меньше по размерам, по форме они приближаются к шаровидным, а в орнаментации почти полностью исчезли ямки (рис. 11).

Особенно заметные изменения прослеживаются в культуре островных поселений **Бронзового «века»**. Каменный инвентарь на этих стоянках на 90–93 % состоял из привозного (с Северной) кремня, а также сланца и песчаника. Местного минерала – кварца – в культурном слое стоянок практически нет. Набор изделий отличался от неолитического ещё более широким ассортиментом

и более совершенной обработкой. Среди обнаруженных археологами предметов есть не менее пяти типов наконечников стрел, дровиков и копий, шесть разновидностей скребков, три типа ножей, самые разные по форме и размерам проколки, скрёбла, скобели, топоры (рис. 12).

В отличие от неолитических поселений Колгуевское-2 и Муксалма-6 и 9 обитатели стоянок раннего металла Соловецкая-13, Муксалма-1, Капорская, Колгуевская-1, Немецкий Кузов-2 и Русский Кузов-1 изготавливали **шаровидные** сосуды средних размеров, которые украшали «гребенчатым» или «сетчатым» орнаментом. Ямки наносились на поверхность сосудов крайне редко, и они не играли существенной практической роли.

При всей нелюбви археологов к слову «уникальный» несколько предметов данного времени придётся зачислить в этот разряд. Один из них – шлифованный топор, аналогичный «сверлёным боевым топорам с пестиковым обухом», выделенным когда-то археологами А. Я. Брюсовым и М. П. Зиминной (1966, с. 27–28) из множества других рубящих орудий.

Соловецкая находка таких топоров оказалась семнадцатой на территории СССР и самой северной, свидетельствующей об очень далёких связях её древних обладателей с племенами, жившими на Верхней Волге. Особенности островного топора (размеры, изогнутая форма, отверстие для рукоятки диаметром 1,5 см) таковы, что использовать его как боевого и тем более как хозяйственного было невозможно. Поэтому нам оставалось сделать только один вывод – на Соловках данный топор носил функцию ритуального (рис. 13).

Кроме него археологам удалось обнаружить несколько кремнёвых фигурок, изображающих промысловое животное – тюленя, также чрезвычайно редкие находки на островах Белого моря.

Археологи связывают стоянки эпохи раннего металла с населением южного побережья Белого моря.

Древнее освоение беломорских островов в древности закончилось в эпоху раннего железа, в первой половине I тысячелетия новой эры.

Стоянки этого времени располагаются на низких морских террасах, а их инвентарь (невзрачные бытовые предметы и грубая плоскодонная посуда) свидетельствует об упадке каменного «производства» в связи с

постепенным «вхождением» в первобытную культуру Севера металла: меди, бронзы и железа. Поездки материковых жителей эпохи раннего железа, судя по малочисленности их стоянок, были редкими и, возможно, связанными с захоронением умерших соплеменников и посещением так называемых «святилищ» и лабиринтов Соловецкого архипелага, гораздо более известных читающей публике, нежели первобытные стоянки и «мастерские».

Основные занятия древних «островитян»

Чем занимались древние обитатели беломорских островов VI–I тысячелетий до новой эры? Что было предметом их ежедневных забот? От чего зависело благополучие древних островитян?

Добытые нашей экспедицией материалы свидетельствуют о том, что постоянной их заботой было изготовление каменного инвентаря, для которого они нашли на архипелаге несколько видов сырья: кварц и кварцит разного качества (от серого, пористого до прозрачного высококачественного), серый и красноцветный песчаник и сланец. Из кварца делали основную часть промыслового и бытового инвентаря (наконечники стрел и копий, топоры, ножи, скребки, скрёбла, скобели, проколки), из песчаника и сланца – якорные камни, грузила и «наковальни».

Особая «песня» – древние «мастерские», открытые экспедицией на Соловках и Кузовах. Их всего три, но каждая настолько индивидуальна, что заслуживает отдельного описания и интерпретации.

Первую из них наша разведка 2002 года обнаружила на восточном берегу острова Б. Муксалма. Заметить её удалось благодаря большому кварцевому валуну, лежавшему посредине покатой террасы, состоявшей из нескольких каменных гряд. Один край валуна был обколот, а рядом с ним, под дёрном, виднелись подсыхающие отщепы. В шурфе, заложенном рядом с валуном, на площади 1 кв. м, в десятисантиметровом культурном слое были обнаружены более 600 предметов. Среди них фрагменты заготовок изделий (скребков, проколки, наконечников), нуклеусы, сколы, отщепы, чешуйки. Площадка, на которой работал древний мастер, невелика – не больше 6 кв. м, а выбор этого места для такой «минимастерской» обусловлен двумя обстоятельствами: присутствием выше упомянутого валуна и характером террасы, на которой и сейчас можно найти немало кварца. Совершенно ясно и то, что в этом месте осуществлялась только первичное раскалывание кварцевого сырья и его обработка до заготовок, которые превращали в орудия уже на близлежащих стоянках «Муксалма-2, 5 и 6».

Вторая мастерская являла собой нечто прямо противоположное: на длинной и узкой террасе северного берега Соловецкого острова мы зафиксировали до десятка скоплений различных кварцевых предметов: готовых к употреблению орудий, заготовок, отходов кварцевой индустрии. Тут же были исследованы несколько овальных впадин с культурным слоем внутри них – скорее всего, кратковременных летних жилищ древних промысловиков. Эти особенности (наличие орудий и остатков жилищ) нового объекта первобытной археологии позволяют думать, что мастерская была одновременно и сезонным промысловым стойбищем.

Третья мастерская была найдена на склоне гранитной скалы Русского Кузова, около кварцевой «жилы» и представляла собой довольно крупное скопление отходов кварцевой индустрии с несколькими, явно не удавшимися, заготовками наконечников стрел.

Таким образом, на протяжении нескольких тысячелетий древние обитатели беломорских островов изготавливали каменный инвентарь в разных местах: во время кратковременных остановок, в мастерских «под открытым небом», привязанных к выходам сырья – кварца, кварцита и сланца, на стоянках – мастерских и временных поселениях.

Вместе с тем, уже тогда материковые жители привозили с собой каменный инвентарь, изготовленный из гораздо более прочного и качественного минерала – кремня, которого практически нет на островах Белого моря. Судя по крайне редким находкам в культурном слое древнейших островных стоянок только фрагментов сломанных изделий, их обитатели завозили лишь готовые к использованию бытовые и охотничьи орудия. Такая практика, скорее всего, связана с незначительным количеством кремня, бытовавшего, как это показывают раскопки карельских археологов, на раннеолитических поселениях Западного побережья Белого моря. Последний исторический факт находит объяснение в отсутствии естественных выходов кремня в Северной Карелии. Согласно исследованиям А. М. Жульникова, кремень доставлялся в Прибеломорье с Онежского озера и с реки Онеги, и его количество увеличивалось постепенно. По мере увеличения запасов кремня на стоянках западного и южного побережья Белого моря росло и его количество на островных стоянках, пока он практически полностью не вытеснил из употребления основной местный минерал – кварц.

Основным ежедневным занятием этих людей было, безусловно, добывание пищи. Судя по составу каменного инвентаря и размерам охотничьих орудий, древнейшие «островитяне» добывали себе и морского зверя, и островную дичь. На нерпу и морского зайца они охотились с помощью составных орудий, остатки которых в виде так называемых «сечений-вкладышей» (фрагментов ножевидных пластин) нам удалось обнаружить на ранних стоянках. Перелётную птицу могли бить с помощью лука и стрел, заготовки которых были найдены на стоянках Соловецкая-4 и Немецкий Кузов-1. Культурный слой стоянок не сохранил для нас ни дерева, ни кости, но редкие находки грузил позволяют считать, что рыболовство, в том числе с использованием каких-то плетёных рыболовных приспособлений, также было одним из способов добывания пищи. И собирательство, вероятно, вносило известное разнообразие в меню людей, проживавших «при море», которое давало разного рода моллюсков, съедобные водоросли и растения.

Охота на морского и лесного зверя давала первобытному островитянину не только жизненно необходимый продукт – мясо, но также жир и шкуры. Если о характере использования первого мы можем только догадываться в ходе экспериментов, то выделанная шкура убитого зверя заменяла древним «поморам» очень многое из того, чем пользуется современный человек. Из шкур шили одежду и обувь, в шкуру заворачивали только что родившихся младенцев, на шкуре спали и ею же укрывались, шкура морского животного шла на обшивку каркасных лодок и на крышу шалаша, из неё же делали колчаны для стрел, нарезали пояса, верёвки, ремешки...

Древние обитатели Соловецких островов, безусловно, готовили себе пищу на огне, но о применении ими глиняной посуды мы можем говорить, только начиная с рубежа V–IV тысячелетий до н. э. К этому времени (5900 лет назад) относятся фрагменты сосудов с ямочной орнаментацией, обнаруженные на стоянке-мастерской Муксалма-6 (рис. 14).

Древнейшие сосуды, использовавшиеся островитянами, имели полуяйцевидную форму, большие размеры (высота до 45 см, диаметр до 40 см) и толстые стенки, сплошь покрытые с внешней стороны ямками. Такой орнамент выполнял, как минимум, две функции:

обеспечивал сравнительно быстрое нагревание содержимого толстостенного горшка и способствовал его сохранению при обжиге на костре. Эти сосуды, скорее всего, были привезены с материка, но нельзя исключать и то, что нужда могла заставить временных обитателей островов изготавливать посуду прямо на Соловках. Возможно, именно об этом свидетельствуют куски и линзы глины, зафиксированные на стоянках Соловецкая-4, Малое Кумино и Муксалма-6.

Были ли на поселениях древних обитателей беломорских островов какие-либо постоянные жилища, рассчитанные на длительное проживание? Археологические материалы пока дают на это отрицательный ответ: никаких очевидных следов искусственных жилых сооружений в культурном слое стоянок мы не зафиксировали. Нет на стоянках и главных бесспорных признаков зимних жилищ – овальных впадин с «валом» вокруг них, которые практически всегда доживают до нашего времени, если жилища-полуземлянки были когда-то сооружены на древнем поселении. Можно лишь предполагать, что первобытные «островитяне» сооружали себе какие-то простейшие летние укрытия от дождя и ветра типа шалашей и навесов, от которых не сохранилось никаких следов. Во всяком случае, срубить тонкое дерево они могли при помощи небольших топоров, а освободить его от коры, обрезать и заострить позволяли многочисленные бытовые орудия: скребки, скрёбла, ножи, а также необработанные ножевидные пластины.

Данные наблюдения приводят к однозначному выводу: постоянного населения, способного проживать на беломорских островах круглогодично в течение ряда лет, в древности не было. Так первобытная археология подтверждает сделанный очень давно, но без должных научных оснований, вывод о том, что первыми постоянными жителями Соловков были монахи Герман и Савватий, два из трёх основателей Соловецкого монастыря, и произошло это только в первой половине XV века.

Как часто приходили на острова Белого моря древние насельники западного и южного побережий? Учитывая общее количество открытых к настоящему времени островных стоянок и местонахождений (не более 75), довольно большую мощность культурного слоя некоторых из них, большие временные промежутки между радиоуглеродными датами стоянок, а также различия в высотных отметках поселений в рамках «стояночных высот» западного Беломорья, можно вполне уверенно сделать некоторые выводы и предположения. Во-первых,

площадки ряда островных поселений (Муксалма-6, Соловецкая-4, Немецкий Кузов-1) использовались неоднократно. Во-вторых, периодичность посещений островов в разные периоды первобытной эпохи была разной. Если учесть, что семь десятков первобытных стоянок и местонахождений, открытых на беломорских островах, приходится на 6 тысяч лет (!), то становится ясно: между посещениями их древними людьми существовали большие перерывы, и новым поколениям приходилось заново открывать для себя и Кузова, и Соловки.

Каменные лабиринты и «святилища» Соловецких островов

Отдельная большая тема, отчасти связанная с памятниками первобытной материальной культуры, – так называемые «культово-символические» выкладки беломорских островов: «святилища», каменные лабиринты и прочие выкладки из камней. Её обширная проблематика нашла отражение в десятках статей (Мартынов, 2010. Библиография), а также в нескольких книгах исследователей (Виноградов, 1927; Куратов, 2008; Мартынов, 2002, 2006, 2010) и интерпретаторов (Кодола, Сочеванов, 2003). Абсолютное большинство опубликованных гипотез, идей и соображений о лабиринтах, к сожалению, нельзя считать сколько-нибудь доказанными. И всё же освещение первобытного и средневекового прошлого островов Белого моря без представления данных памятников было бы таким же однобоким, каким является и много десятилетий повторяющееся описание только лабиринтов.

В ходе многолетних поисков археологи зафиксировали на Соловецких островах более 20 лабиринтов и три скопления искусственных каменных сложений, интерпретированных А. А. Куратовым как первобытные «святилища» (Виноградов, 1927; Куратов, 1973, с. 63–76). По нашему мнению, часть лабиринтов, очевидно, действительно входит в состав древних «святилищ», остальные, скорее всего, не имеют к ним никакого отношения. Все они располагаются на побережьях трёх из шести наиболее крупных островов архипелага: Соловецкого, Анзерского и Большого Заяцкого. Часть выкладок была зафиксирована исследователями в первой половине XX столетия, но позднее разрушена обитателями Соловков в процессе строительных работ. Помимо лабиринтов и «святилищ» к числу «культово-символических» памятников можно предположительно отнести еще не исследованные в стационарных условиях искусственные выкладки, сопровождающие некоторые лабиринты или составляющие самостоятельные группы.

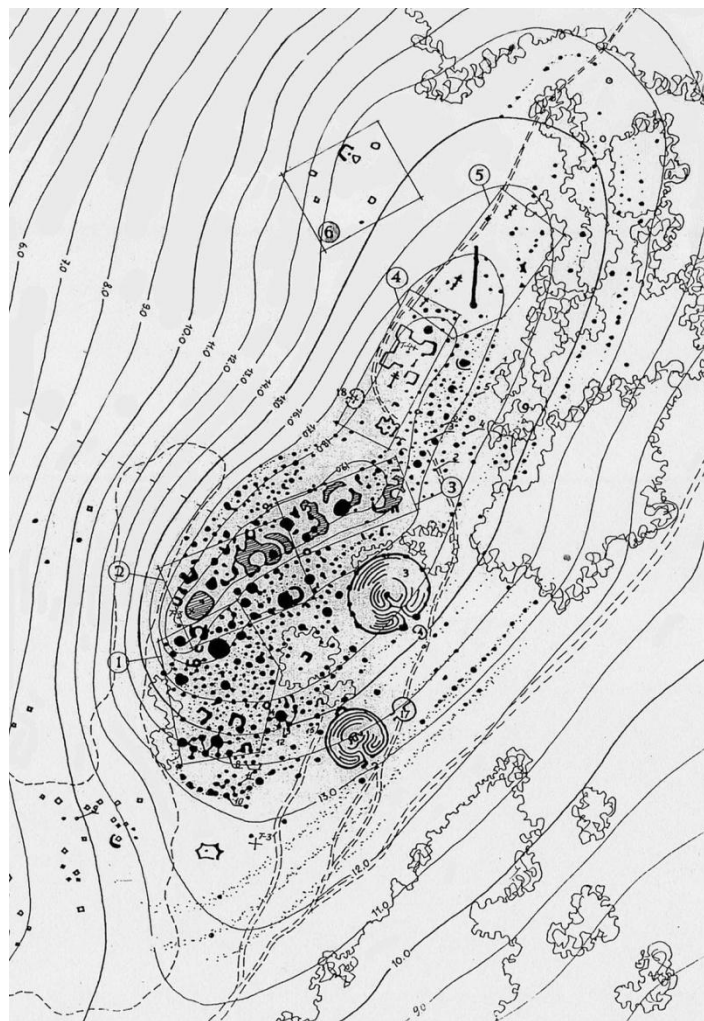
Учитывая дискуссионный характер определений и интерпретаций данных археологических источников, понятия «святилище», «комплекс», «культово-погребальные» и «культово-символические» памятники сознательно заключены в статье в кавычки.

«Святилища»

По мнению А. А. Куратова, «святилища» Соловецких островов включали в себя «культовые и погребальные памятники». В их состав могли входить «каменные лабиринты и груды камней, дольмены, каменные гряды и другие фигурные выкладки из камней» (Куратов, 1973, с. 73). Принимая это определение как гипотетическое, следует заметить, что до тех пор, пока не будет осуществлено стационарное исследование «прочих фигурных выкладок», у археологов есть некоторые основания для включения в состав предполагаемых «святилищ» только ***части лабиринтов и насыпей***. Зарегистрированными к настоящему времени можно считать «святилища» на Б. Заяцком острове и мысе Лабиринтов острова Анзер (сохранились), а

также на мысе Кострище между Школьной и Кислой губами Большого Соловецкого острова (разрушено в 1930-е – начале 1950-х годов).

Святилище **Б. Заяцкого острова** является одним из крупнейших на Севере европейской части России «комплексов» искусственных каменных выкладок («культово-погребальных» памятников), когда-то насчитывавшим не менее 13 лабиринтов, более 600 валунных насыпей и, возможно, десятки других, достоверно не интерпретированных, искусственных выкладок. Всего же на Б. Заяцком острове зарегистрировано около 900 искусственных каменных сложений (Скворцов, 1990, с. 291). Основная группа сооружений располагается на вершине и склонах г. Сигнальной и включает в себя два лабиринта и около 600 насыпей. Высота площадки «святилища» над уровнем Белого моря колеблется от 13 до 18 метров. Строго говоря, лишь эту часть всего «заяцкого» собрания искусственных выкладок можно предположительно интерпретировать как остатки первобытного святилища (рис. 15).

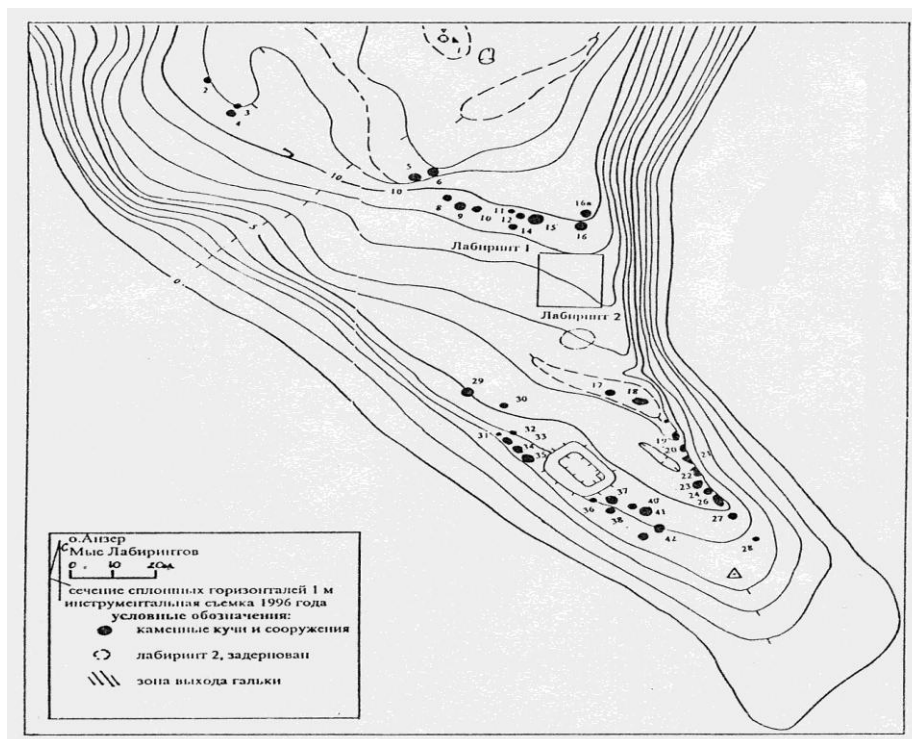
Основанием для датировки данной группы выкладок концом первобытной эпохи можно считать:

- отходы кварцевой индустрии, обнаруженные под большей частью раскопанных насыпей, которые можно предположительно датировать железным «веком»;
- значительно большие размеры лабиринтов № 2 и № 3 по сравнению с другими такими выкладками, что свидетельствует об иной, возможно, более древней технологии;

- большую степень задернованности второго и третьего лабиринтов, а также ближайших к ним каменных груд;
- аналогичные, близкие по размерам, лишайники, зафиксированные на камнях раскопанных насыпей и лабиринтов № 2 и № 3;
- расположение данной группы выкладок на террасе с достаточными высотными отметками (12–16 м над уровнем моря), в отличие от большей части лабиринтов, расположенных на террасах высотой от 2 до 5 м.

Остальные сложения зафиксированы в разных местах острова в виде скоплений или отдельно стоящих насыпей. Все искусственные сооружения сложены из валунов и покоятся на моренных отложениях – мощном слое камней. Они не раскапывались, время сооружения и назначение данных выкладок не известны.

«Святылище» на **мысе Лабиринтов** – компактная группа «культовых и погребальных» объектов, в число которых также входят каменные лабиринты и насыпи. Сложения располагаются на стрелке мыса, ограничивающего с восточной стороны Капорскую губу Анзерского острова. В северной части мыс пересекается с востока на запад естественной моренной грядой. Основная часть археологических объектов располагается к югу от каменной гряды, причем лабиринты – около неё, а каменные груды – вдоль гряды, а также вдоль восточного и западного берегов мыса. Несколько насыпей пересекают мыс в средней части. Он имеет пологий спуск к морю, вследствие чего высота террасы с археологическими памятниками колеблется от 4 до 15 м над уровнем моря. В настоящее время «святылище» состоит из двух каменных лабиринтов и 36 насыпей (рис. 16).

Лабиринты и насыпи

Итак, основными элементами гипотетических «святылищ» Соловецкого архипелага можно предположительно считать **каменные лабиринты и насыпи** («кучи», «груды» «курганы» в интерпретации разных специалистов).

Лабиринты типологически подразделяются на круглоспиральные, подковообразные, «классические» и концентрически-круговые (рис. 17).

Единственной в своем роде является «лабиринтообразная» фигура концентрически-

КЛАССИФИКАЦИЯ КАМЕННЫХ ЛАБИРИНТОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (по А.А.Куратову)		
ГРУППЫ	СПИРАЛЬНО-ПРОЧЕРЧЕННЫЙ ПРИНЦИП КОНСТРУИРОВАНИЯ	КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ
I	Односпиральный	а
		б
II		а б
III	Биспиральный	а б в
IV	Концентрически-круговой	а б в

Их разделяет пространство длиной не менее 150 м, лабиринты № 2, 3 отличаются от прочих сложений данной категории рядом существенных признаков (значительно большие размеры, выкладка стенок в виде «горки», а не в один – два ряда камней, наличие большого количества насыпей в структуре выкладок, в том числе ярко выраженного центрального сооружения). Лабиринт № 1 занимает и территориально и по внешним признакам промежуточное место между данными группами сложений этой категории. Прямым аналогом ему является лабиринт № 1 на м. Лабиринтов Анзерского острова, предположительно датированный археологами эпохой раннего металла (рис. 19).

прямоугольной формы. Предварительно необходимо заметить, что лабиринты Б. Заяцкого острова, как и каменные насыпи, не оставляют впечатления единого целого, и могут быть с достаточным основанием разделены, как минимум, на две группы. Первую из них составляют фигуры № 2, 3, располагающиеся на южном склоне г. Сигнальной в комплексе с насыпями (рис. 18), вторую – остальные выкладки, занимающие более обширную территорию второй территории западной оконечности острова.

Насыпи представляют собой груды камней круглой или овальной формы, которые можно условно разделить на три категории в соответствии с параметрами и наличием или отсутствием у них дополнительных элементов. Основная часть насыпей характеризуется средними размерами (диаметр основания – 1,5–2,3 м, высота до 1 м) и значительной (до половины кладки) задернованностью. Вторую группу составляют небольшие (диаметром до 1,5 м и высотой до 0,5 м) незадернованные кучи. Некоторая часть «курганов» представлена большими, частично задернованными насыпями (диаметр до 4 м, высота до 1,5 м), которые иногда сопровождаются дополнительными кладками в виде так называемых «оградок» – овальных в плане валунных стенок – высотой до 0,7 м и шириной до 0,8 м.

Стационарные исследования каменных насыпей Б. Заяцкого острова производили в разные годы К. П. Рева (1907, с. 107), А. Я. Брюсов (устная информация), А. А. Куратов (1969, с. 19–20) и автор статьи (2010, с. 200–207), однако лишь двум последним археологам удалось получить положительные результаты. Под первой из двух раскопанных насыпей (1,8 x 1,3 x 0,75 м) на нулевой отметке А. А. Куратов зафиксировал «черный гумусовый горизонт в виде линзы пережженной почвы, перемешанной с булыжными камнями, насыщенной золой, углем и размельченными кальцинированными косточками». В этом же слое были обнаружены две кальцинированные человеческие косточки (эпифазы бедренной и берцовой костей) и два кварцевых отщепов. Разборка второй (маленькой) груды (1,3 x 0,7 м) позволила обнаружить овальное гумусовое пятно без признаков захоронения. На уровне пятна были найдены несколько кварцевых отщепов (Куратов, 1969, с. 32). Материалы раскопок позволили исследователю считать каменные груды Б. Заяцкого острова надмогильными сооружениями, содер-

жащими остатки захоронений, «предусматривавших трупосожжение» (Куратов, 1973, с. 72–73).

Экспедицией Соловецкого музея-заповедника к настоящему времени раскопаны 22 насыпи, выбранные по репрезентативному признаку (рис. 20).

Сравнительный анализ материалов раскопанных куч даёт следующую картину. При разборке *малых* груд на уровне дневной поверхности морены выявлены в одном случае большой плоский валун с обожженной поверхностью, в семи других – слой мелких необожжённых камней. При этом в шести случаях под шапкой

насыпей были найдены кварцевые и кварцитовые отщепы и сколы. Раскопки *средних* по размерам куч дали в основном аналогичную, хотя и более содержательную, картину. Под тремя насыпями были зафиксированы горизонты пережженной почвы мощностью до 10 см вперемешку с камнями, при разборке которых обнаружены несколько кальцинированных косточек млекопитающих, а также кварцевые отщепы, нуклеусы и заготовки скребков.

Аналогичные результаты были получены в процессе раскопок разрушавшихся каменных насыпей «святилища» на м. Лабиринтов и м. Кирилова Анзерского острова.

Таким образом, материалы наших раскопок существенно расширили представления о характере каменных груд. С одной стороны, они подкрепили предположение А. А. Куратова о погребальном назначении некоторых из них, с другой – усложнили проблему интерпретации каменных насыпей Соловецкого архипелага в связи с находками в их структуре предметов, не вписывающихся в сложившееся представление о них как о «надмогильных» сооружениях первобытного «святилища».

Основные проблемы «культово-погребальных» памятников Соловецких островов

Круг проблем, связанных с первобытной археологией Соловецкого архипелага и других островов Белого моря, формировался на протяжении всего времени поисков и изучения древних памятников. Первоначально были выделены три основных вопроса, касающихся исключительно каменных лабиринтов: кем, когда и зачем выстроены данные сложения (Виноградов, 1927, с. 140, 144, 149). Позднее были сформулированы проблемы классификации лабиринтов и «технологии» их сооружения, а также «поднят» вопрос о «святилищах» (Куратов,

1970, с. 37–46; 1973, с. 73–76). По мере накопления источников в ходе полевых исследований последних десятилетий возникли проблемы хронологии и периодизации памятников первобытной культуры архипелага, соотношения стоянок и «культово-погребальных» объектов, реконструкции материальной культуры и верований древних обитателей островов, особенностей островной культуры в разные эпохи. В последние годы были сформулированы вопросы о причинах посещения Соловков древним населением, а также о средствах, способах и маршрутах передвижения между архипелагом и материком (Мартынов, 1990, с. 22–23; 2002, с. 94–122; 2004, с. 5–17; 2007, с. 80–96).

Проблемы **датировки и культурной принадлежности** «культово-погребальных» памятников Соловецкого архипелага тесно взаимосвязаны и не могут обсуждаться без учета этой взаимосвязи. Все высказанные по этому поводу гипотезы в той или иной степени не удовлетворительны, прежде всего, из-за неопределенности конечных временных и культурных определений («датируются II–I тыс. до н. э.», «принадлежат к кругу циркумполярных культур», «относятся к эпохе бронзы», «сооружены в Средние века»). Подобные заключения отчасти приемлемы, пока мы рассуждаем о каменных лабиринтах Северной Европы в целом, но вызывают критику, если речь идет о проблемах конкретных локальных культурных комплексов, подобных «святилищам» Соловецкого архипелага. На наш взгляд, методологически правильной будет следующая постановка данных проблем. Когда началось сооружение лабиринтов и формирование соловецких «святилищ» и когда практика их строительства была прекращена? В какое время прекратилось их первоначальное (древнее) функционирование? Какой конкретно территориально обособленной культурной группе Беломорья они принадлежали? Все ли лабиринты архипелага можно относить к числу первобытных, или они строились в разные эпохи?

Исследования двух последних десятилетий позволяют сформулировать гипотезу о «прибеломорском» происхождении создателей первобытных соловецких «святилищ». Наиболее ранние из обнаруженных поблизости от них стоянки Капорская и Колгуевская-1 располагаются на 8-метровых песчаных террасах. Их характеризуют керамика с гребенчатой орнаментацией, а также каменный инвентарь, в котором преобладают кремневые изделия характерных для Южного Беломорья типов. Данные памятники датируются в рамках второй половины II–I тыс. до н. э. и, скорее всего, были связаны со стоянками Онежского полуострова этого времени. Топография, керамика и инвентарь поселений Соловецкая-1, 2 и Андреевская пустынь позволяют с большей степенью вероятности связывать их происхождение с населением Позднебеломорской культуры раннего железа с западного побережья Белого моря.

В определенной цепочке «материковые стоянки» – «островные стоянки» – «святилища» звеном, требующим обоснования, является взаимосвязь некоторых из островных стоянок и «святилищ». Работы А. А. Куратова и наши многолетние раскопки дают возможность привести ряд аргументов в пользу существования такой связи. Прежде всего, это территориальная близость стоянок и «культово-погребальных памятников», а также их топография. Максимальное расстояние между ними составляет 0,4 км¹, минимальное – 150 м. Часть

¹ Исключение составляют стоянка Муксалма-1 и святилище на м. Лабиринтов Анзерского острова, но они располагаются прямо напротив друг друга в пределах видимости.

лабиринтов и груд располагается на высоте 8–14 м над уровнем моря, что соответствует высотным отметкам стоянок. Во-вторых, на это, возможно, указывают аналоги в инвентаре поселений и насыпей. В коллекциях находок из «курганов», раскопанных на 8–15 метровых площадках Б. Заяцкого острова, преобладают кварцевые предметы; инвентарь под насыпями на м. Лабиринтов состоит из *кварцевых*, *сланцевых* и *кремневых* отщепов и скребков. Инвентарь Муксалмы-1, Колгуевской-1 и Капорской изготовлен преимущественно из *кремня*, а также из *сланца*, *кварца* и *песчаника*, и это обстоятельство допускает указанную культурно-временную связь. Закономерным (естественным) при наличии такой связи представляется присутствие в инвентаре Муксалмы-1 ритуального топора, в коллекциях Капорской и Колгуевской-1 – кремневых фигурок промысловых животных, а также находка кремневой скульптурки тюленя в каменной насыпи поблизости от лабиринтов на М. Заяцком острове.

Таким образом, анализ всего имеющегося в распоряжении исследователей археологического материала подводит нас к предположению о том, что комплексы соловецких «культуво-погребальных» памятников начали создаваться во второй половине II–I тыс. до н. э. с появления на о. Анзер стоянок Капорская и Колгуевская-1 и, видимо, первых каменных лабиринтов и насыпей (рис. 21).

Древнейший период строительства и «функционирования» островных «святилищ» закончился, по-видимому, в первой половине I тыс. н. э. Возможно, это связано с исчезновением стоянок раннего железа позднеломорской культурной группы в низовьях рек Кемь и Выг (Косменко, 1991, с. 212–213).

Все прочие лабиринты, располагающиеся на террасах высотой от 3 до 5 м и не связанные с каменными насыпями, могли быть выложены не ранее эпохи Средневековья (рис. 22).

Самой сложной и запутанной проблемой соловецких «святилищ» был и остается вопрос об их **назначении**. Не забывая о спорности интерпретации скоплений лабиринтов и насыпей как первобытных «святилищ», принципиально важно выделить в ней два аспекта: назначение «святилищ» как комплексов погребальных и культовых объектов и назначение лабиринтов как одного из элементов «святилищ». Не менее актуален вопрос о назначении так называемых «одинокых» лабиринтов, выложенных в местах рыболовного промысла или связанных с морскими животными (мыс Белужий, мыс Кирилловский).

До настоящего времени единственным археологом, который специально занимался проблемой назначения «культово-погребальных комплексов» Соловецких островов, был и остаётся А. А. Куратов. Исследователь отмечает, что «святилища посещались людьми для погребения умерших, а также для отправления разнообразных обрядов первобытной религии... Здесь **имели место охотничье-промысловая и рыболовная магия..., проводились инициальные операции**» (Куратов, 1973, с. 73; 1974, с. 18–20). Соглашаясь с таким мнением как гипотетическим, необходимо отметить, что новые археологические материалы позволяют дополнить его рядом существенных соображений. Прежде всего заметим, что формула «погребение умерших» не раскрывает характера обряда и не дает представления о последовательности операций, возможно, производившихся при его отпращивании. Анализируя всю совокупность данных, полученных при раскопках каменных насыпей, нельзя не заметить значительных различий в наборе культурных остатков. В одних случаях (о. Б. Заяцкий) есть основания предполагать, что насыпь сооружена над разложенным и сгоревшим на площадке святилища символическим погребальным костром (культурный слой с угольками, кальцинированными человеческими косточками и отходами кварцевой индустрии), остатки которого были посыпаны раковинами моллюсков. В других (м. Лабиринтов, о. Б. Заяцкий) весь обряд мог сводиться к помещению на площадку будущего «кургана» кальцинированных или не-

обожженных костей млекопитающих, кварцевых предметов и закладыванию их валунами. В третьих (там же) случаях это была операция по выкладыванию каменной кучи на моренной гряде. Наличие в «подкурганых» пространствах костей млекопитающих и птиц допускает предположение о жертвоприношениях, совершавшихся в процессе погребения и являвшихся, вероятно, частью обряда захоронения.

В перечень возможных обрядов первобытной религии, совершавшихся на лабиринтах, исследователями включены действия, связанные с **культуво-промысловой магией и инициациями**. Обоснование первых Н. Н. Гурина усматривала (Гурина, 1948, с. 126–142):

- в расположении (некоторых – А. М.) лабиринтов на морском побережье в местах развитого (по этнографическим данным) морского промысла;
- в схожести выкладок с некоторыми традиционными рыболовными снарядами (например, заколами или венгерем);
- в выборе для постройки лабиринтов участков побережья, напоминающих по форме внешний контур подковообразных лабиринтов.

Данные признаки отчасти распространяются и на островные сложения (в районе м. Белужьего, на м. Кирилловском) с тем отличием, что традиционные зверобойный и рыболовный промыслы в указанных местах были искусственно прерваны в первой половине XX столетия.

В целом, согласиться с таким предположением можно с одной существенной оговоркой: имеются в виду только одиночные (не сопровождающиеся каменными насыпями) лабиринты, расположенные вблизи мест морского промысла.

Что касается обряда инициации, то автор гипотезы В. Р. Кабо обосновывает её, учитывая археологические аналоги, распространение в Австралии подобных сооружений, служивших аборигенам для совершения обрядов посвящения. В целом гипотеза исходит из общего философского понимания данного обряда как смерти посвящаемого и возвращения его к новой жизни (Кабо, 1969, с. 309–314).

Разнообразные обряды первобытной религии, которые могли совершаться на «святилищах», вероятно не ограничивались культуво-промысловой магией и инициальными операциями. Находки в культурных слоях стоянок и вблизи «святилища» Б. Заяцкого острова фигурок промысловых животных наталкивают на предположение о существовании у обитателей островных поселений – создателей «святилищ» – поклонения морским промысловым животным – тюленям и (или) белухам. Присутствие в верованиях островного населения элементов тотемизма представляется естественным и объясняется тем, что его жизнь в значительной степени зависела от успехов или неудач в морском промысле (сало, шкуры, мясо нерпы). Важную роль могло играть и то обстоятельство, что именно белуха и тюлень были теми представителями животного мира в Беломорье, которые оказывали наиболее сильное эмоциональное воздействие на первобытных обитателей архипелага.

Небольшой круг источников дает возможность гипотетически включить в число их верований **культ солнечного божества**. О некоторой вероятности бытования такого культа в системе верований первобытного беломорского населения свидетельствуют, на мой взгляд, отдельные наскальные изображения Залавруги (Савватеев, 1970, с. 66). На совершение обрядов поклонения солнцу-божеству на Соловках, возможно, указывают некоторые каменные

сложения архипелага, а также сами условия жизни и хозяйствования древнего населения побережья и островов Белого моря. Сезонная охота, рыболовный промысел, мореплавание на значительные расстояния, суровые климатические условия, в которых солнце было одним из немногочисленных источников тепла и света, а также ориентиром, позволявшим определить направление движения, были вескими предпосылками для обращения аборигенов к солнцу как сверхъестественной силе, дарующей людям тепло и свет.

Но мог ли иметь какое-то отношение культ солнца к соловецким «святилищам»? Положительный ответ на данный вопрос оправдан, если учесть, что два типа соловецких лабиринтов вполне соотносимы с солнцем. Лабиринты данных типов представляют собой односпиральные сооружения, внешняя стенка которых повторяет круг и концентрически-круговую фигуру в виде системы вписанных друг в друга каменных колец. Если кроме внешнего сходства учесть то обстоятельство, что «святилища» располагаются на мысах, с которых обозревается восход или закат солнца, можно предположить, что некоторые лабиринты и символические фигуры в святилищах сооружались для отправления обрядовых действий, должных вызвать исчезавшее время от времени Светило. Сооружение на святилищах каменных символов солнца вполне допустимо при многодневных отсутствиях последнего в период сезонной охоты, холодного дождливого лета, в иных неблагоприятных ситуациях. Итак, древние «святилища» могли быть местами, где происходила часть «обрядовой» жизни первобытных обитателей Беломорья. Предположительно на них совершались обряды, связанные с символическим погребением умерших, поклонением предкам, охотничье-промысловой и рыболовной магией, инициацией, культом солнечного божества и, возможно, другие, не выявленные или не понятые, магические действия.

* * *

В свете всего вышеизложенного становится более определенным *и назначение каменных лабиринтов как элементов первобытного «святилища»*. Необходимо отметить, что в научной литературе существует целый ряд разных гипотез о назначении этих загадочных сооружений, и абсолютное большинство их рассматривает лабиринты как объекты, функционально не связанные с другими древними искусственными сооружениями. Данное обстоятельство обусловило уязвимость выдвинутых предположений и невозможность их распространения на все памятники данной категории. Не вдаваясь здесь в анализ существующих гипотез о назначении лабиринтов (это сделано А. А. Куратовым), следует, прежде всего, заметить, что и первоначальное, древнее, и позднее, средневековое, назначение каменных лабиринтов Северной Европы, очевидно, было разным. Скорее всего, отличались функции лабиринтов, расположенных группами и сопровождающихся насыпями в «святилищах» Соловецких островов, с одной стороны, и одиночных лабиринтов архипелага и Кольского полуострова, с другой. Неоднозначным было, по-видимому, использование одиночных фигур и скоплений лабиринтов в культово-погребальных комплексах Соловецких островов. Нельзя исключать также специфики функционирования разнотипных фигур. Разные функции могли исполнять лабиринты и в процессе совершения разных обрядов первобытной религии.

Археологические материалы не дают возможности достоверно выявить древние функции каменных лабиринтов, однако позволяют сформулировать некоторые соображения на этот счет.

Как место символических захоронений Соловецкие острова были выбраны, очевидно, не случайно (куда проще и безопаснее было хоронить умерших на материке), а в связи с какими-то представлениями о потустороннем мире² и собственной смерти. Анализируя вероятную последовательность действий в процессе «похорон», можно согласиться с предположением Н. Н. Виноградова о том, что они совершались с осознанной целью – обеспечить невозвращение умершего или его души из потустороннего мира, который при таких представлениях о смерти мог восприниматься чуждым и враждебным. Но присутствие рядом с насыпями лабиринтов, являющихся системой запутанных ходов, позволяет думать, что в их понимании данных процедур было недостаточно. Вероятно, для отправления в иной мир и могли сооружаться, прежде всего, эти фигуры, претерпевшие на Соловках эволюцию от самых простых (круглоспиральных) до гораздо более сложных («классических»). Из этого следует, что каменные лабиринты соловецких «святилиц», выстроенные на границе двух миров, могли быть символами либо потустороннего – «нижнего» – мира, в котором запутывались души умерших, либо пути в него. Это заключение вполне согласуется с распространенными в древности на Европейском Севере представлениями об островах как о «перевалочных» пунктах на пути в «страну заходящего солнца» (Равдоникас, 1940, с. 61), где в древности формировались могильники с разнообразными, подчас очень специфичными, погребениями (Олений остров на Онежском озере) (Гурина, 1956, с. 47). В этой символической роли могла заключаться, на наш взгляд, основная функция лабиринтов, реализовывавшаяся посредством специальных магических операций.

Второе, более конкретное и материализованное назначение данных сооружений в святилищах заключалось, по-видимому, в их использовании как магических инструментов для совершения всевозможных ритуальных действий (танцев, гаданий, предсказаний, общений с духами и т. д.).

Кто, зачем и как «ходил» на острова в древности?

Исследовав древнейшие островные стоянки и сопоставив их топографию, керамику и каменный инвентарь с материалами известных поселений данного времени на материке, мы без особого труда нашли аналоги только в двух, но самых важных для понимания древней исторической ситуации в Беломорье, местах. Это – западное побережье, низовья рек Кемь и Выг с прилегающими к ним территориями, а также Летний берег Белого моря. И высотные отметки, и расположение стоянок на морене и песке, и геоморфология (тонкий, слабо окрашенный культурный слой), и каменный инвентарь материковых и островных стоянок аналогичны. Сама география (наличие между западным побережьем и Кузовами множества островов, разделённых расстояниями 0,5–1,5 км) исключает всякие сомнения в том, что первоот-

² Согласно распространенному в науке мнению, первобытное население ойкумены делило вселенную на три мира: верхний (мир небесных светил и добрых духов), средний (мир людей, животных, птиц и растений) и нижний (подземный и подводный, населенный темными потусторонними силами и злыми духами).

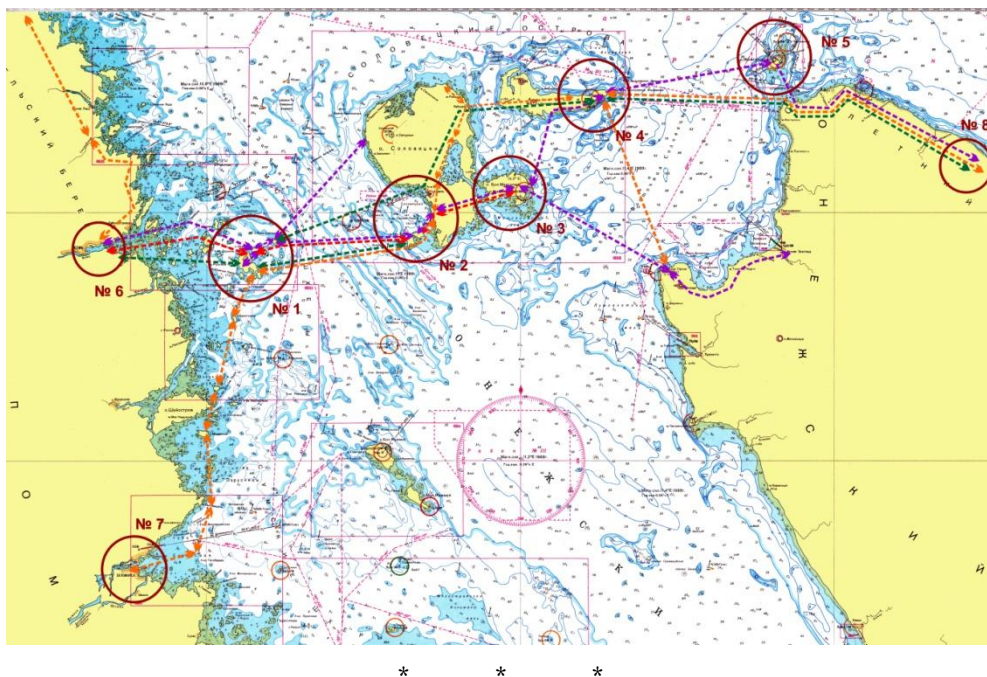
крывателями островов были обитатели кемских позднемезолитических и раннеолитических поселений (Мартынов, 1995, с. 68–79; Манюхин, Лобанова, 2002, с. 19–27).

Итак, первыми островами, открытыми в древности в Белом море, были наиболее близкие к материку Кузова, а первооткрывателями следует считать население западного побережья, проживавшее там с **VII тысячелетия до н. э.**

Открытие Соловецкого архипелага произошло также в эпоху мезолита. Помимо столь же выразительных аналогов между стоянками двух соседних архипелагов на это указывает ещё одно обстоятельство: как и сейчас, в древности Соловки как цель морского путешествия были видны только со скальных вершин Немецкого и Русского Кузовов, да ещё со стрелки Онежского полуострова – мыса Ухт-Наволоок. Но на Онежском полуострове нет ни мезолитических, ни неолитических стоянок с кварцевым инвентарём, а в нескольких десятках метров от скал Немецкого Кузова уже раскопаны поселение и мастерская этого времени (рис. 23).

Да и без всякой археологии любому здравомыслящему человеку ясно, что древние люди могли осваивать беломорские острова только по принципу «с материка – к близлежащему острову, от него – к следующему и так далее», направляясь к видимой издалека цели морского путешествия. Древнейшим морским путём с материка на Соловецкие острова, который существует с середины VI тысячелетия до н. э. и по сей день, является «западный»: с низовьев р. Кемь через архипелаг Кузова (рис. 24).

Особый интерес представляет **вопрос о первопричинах открытия Соловецкого архипелага**, которое, безусловно, было опасным и рискованным предприятием. Традиционным в археологии является мнение о том, что миграции на новые земли в древности вызывались чаще всего исчезновением объекта охоты – зверя и необходимостью поисков неосвоенных, богатых промысловым зверем и рыбой, территорий. В данной ситуации, когда одним из объектов охоты был морской зверь, такую причину можно признать возможной, если охотники наблюдали в районе Кузовов за миграцией тюленей или белух в направлении Соловецкого архипелага. Однако быть основной причиной опасного хождения «за море» это не могло; значительно проще было добыть и лесного и морского зверя на побережье. Гораздо более вероятной представляется иная первопричина – **присущая человеческой природе во все времена любознательность**, любопытство, неистребимое желание рассмотреть вблизи тёмные полосы далёкого берега. Наблюдая со скальных вершин Немецкого Кузова эти непонятные, просматривавшиеся только в ясную погоду, возвышения на горизонте, они могли решиться и решились на первые поездки. Немаловажным обстоятельством был и накопленный ими опыт прибрежного плавания (между Кемскими островами и Кузовами), в существовании которого сомневаться не приходится.

* * *

Интересной проблемой, от решения которой во многом зависит достоверность наших представлений о первобытном мореплавании, является **реконструкция средств передвижения** по Белому морю. Круг археологических источников для этого весьма узок и не бесспорен, однако и они дают основания для формулировки гипотезы.

Прежде всего, это каменные «якоря», или, точнее, «якорные камни», обнаруженные в культурном слое стоянок Соловецкая-4, Муксалма-2 и Колгуевская-2. «Якорные камни» представляют собой сланцевые или песчаниковые плиты со слабо заметными или ярко выраженными (на Колгуевской-2) углублениями, выполненными на противоположных гранях для ли-

ня, соединявшего камень с лодкой. Размеры «якорных камней» варьируют от 32 × 30 × 4 до 44 × 31 × 5 см, вес изделий – от 5 до 18 кг (рис. 25).

Отдельной группой источников является каменный инвентарь, использовавшийся при заготовке и обработке дерева (рубящие орудия, скобели, скрёбла), охоте на морских животных (наконечники копий, охотничьи топоры) и обработке шкур (ножи, скребки, проколки). Данная категория источников в той или иной мере присутствует на большей части поселений эпох кам-

ня и раннего металла.

Важными источниками для реконструкции морских средств передвижения можно считать одну категорию наскальных изображений, обнаруженных в низовьях реки Выглотки. Согласно мнениям карельских исследователей профессора Ю. А. Савватеева (1970, с. 92, 172) и к. и. н. А. М. Жульникова (2006, с. 143–144), среди беломорских петроглифов были изображены долблѣнки и каркасные лодки, которые могли нести на себе от 1 до 24 человек (рис. 26).

Итак, имеющиеся в распоряжении археологов источники указывают на два наиболее вероятных способа передвижения по Белому морю в древности: на каркасных лодках и лодках-долблѣнках. Но указывают только косвенно. В поисках дополнительных аргументов в пользу данной гипотезы можно было

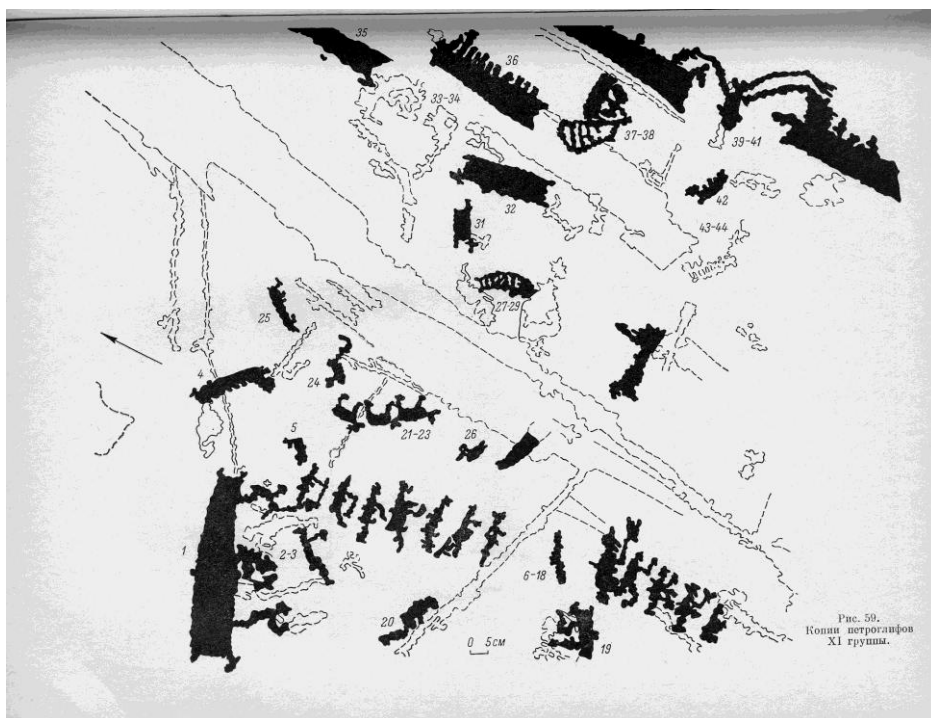

Рис. 59. Копии петроглифов XI группы.

сделать одно из двух: либо найти остатки лодок в культурном слое островных стоянок, либо построить такие лодки и пройти на них с западного побережья на Соловки. Поскольку дерево и кожа в песке первобытных стоянок Соловецких островов не сохранились, остаются эксперименты.

В 2009–2010 гг. на Белом море были осуществлены два эксперимента. Их участники: сотрудники Соловецкого музея-заповедника А. Я. Мартынов, С. Б. Балан и А. Л. Шарков, народный мастер по бересте А. В. Шутихин (г. Котлас), мастер по дереву А. А. Казаков (деревня Бородинская Устьянского района Архангельской области) и их единомышленники.

Эксперимент № 1: каркасная лодка «берестянка»

Строительство «морской» каркасной лодки и экспериментальное испытание её в условиях Белого моря осуществлялось в несколько этапов.

Этап 1. Заготовка материала (береста, сосновый корень, смола и ветви хвойных и лиственных деревьев).

Для изготовления лодки необходима молодая, эластичная, без трещин и «пороков», береста толщиной не менее 3 мм. Материал следует заготавливать в конце мая – первой половине июня, когда кора хорошо отходит от ствола. Снятую бересту нужно скрутить в рулон и в таком виде хранить до начала строительства. Идеальным можно считать случай, когда строительство лодки начинается сразу после заготовки, пока береста ещё не высохла. Кору двух берёз диаметром «в комле» не менее 30 см хватает на одну лодку.

Ветви ели идут на шпангоуты и на верхние края бортов («раму»). Для «рамы» нужно 8 длинных (свыше трёх метров), плавно изогнутых ветвей диаметром в основании от 4 до 5 см. Для шпангоутов используются ветки длиной от 1 до 2 м, толщиной до 2,5 см. Все ветки, выбранные для строительства, необходимо очистить от коры и сучков.

Для формирования прокладки между берестяной обшивкой и еловыми шпангоутами можно использовать длинные (2–2,5 м) и тонкие (1,5–2 см) стволы молодых лиственных деревьев, предварительно «окорённых» (частично освобождённых от коры и полностью – от сучков). Условное название данных деталей лодки – стрингеры.

Заготовку соснового корня легче всего производить на песчаных (боровых) террасах, где, как правило, находятся северные стоянки эпох мезолита и раннего металла. Корень таких сосен обнаруживают на расстоянии 2–3 м от дерева на глубине 5–10 см. Толщина корня должна составлять от 5 до 15 мм. Перед употреблением корень размачивают в воде, очищают от коры и расщепляют надвое.

Еловую смолу собирают на елях в местах повреждения ствола (сломанный сучок, естественная трещина и т. д.). Для использования годится и высохшая, и свежая смола. При нагревании она расплавляется, и в неё добавляют любой животный жир (свиной, гусиный, тюлений, китовый). Стандартное соотношение: 10 частей смолы на одну часть животного жира.

Этап 2. Строительство.

Для строительства лодок использовались простейшие орудия труда: топор, нож и шило. На земле по контурам днища будущей лодки были вбиты колья высотой 60–70 см, береста уложена между кольями и прижата к земле камнями. Для днища лодки использовались самые длинные и прочные куски бересты (3 × 1 м). К ним пришили сосновым корнем сверху дополнительные куски бересты, которые сформировали борта (рис. 27).

Верх бортов зажали между двумя толстыми ветвями верхней «рамы», которые связали сосновым корнем. Через 60–100 см верхние борта соединили между собой шестью поперечными «стяжками», которые впоследствии служили спинками для гребцов. Шпангоуты расположили через каждые 7–12 см, уперев в борта. Между шпангоутами и бере-

стой проложили «стрингеры», смастерив, таким образом, второе – деревянное – дно и вторые борта. Швы на берестяном полотнище промазали еловой смолой. Рабочая группа в составе А. Шутихина, А. Полежаева, В. Ярыша, А. Мартынова, И. Дубровского и М. Хохлиной построила «морскую» лодку за три дня (рис. 28).

Этап 3. Переход по маршруту Кемь (порт) – Кузова – Соловки.

Переход от Кемь до о. Немецкий Кузов (около 23 км) был осуществлён за 6 часов со средней скоростью 3–3,5 км/час с двумя короткими (по 15–20 минут) остановками на промежуточных островах, которые были вызваны необходимостью вылить накопившуюся в лодке воду и «размять ноги» гребцам (А. Мартынов и А. Шутихин).

Первые два часа перехода совпали со средней фазой отлива, когда скорость течения наиболее велика, поэтому на данном этапе была зафиксирована максимальная скорость движения

лодки – 6 км/час. Остаток пути пришлось идти в ситуации, когда, с одной стороны, движению способствовало постепенно ослабевающее отливное течение, а с другой – ему препятствовал встречный ветер, поэтому скорость лодки упала до 2,5–3 км/час. В зависимости от местонахождения лодки высота волны колебалась от 20 до 80 см, а направление – от «носовой» до бортовой. Данные обстоятельства осложняли движение, но в то же время позволяли проверить возможности лодки в естественных условиях Белого моря (рис. 29).

После короткой остановки на о. Немецкий Кузов лодка взяла курс на Б. Заяцкий остров Соловецкого архипелага. Движение на этом, наиболее сложном и длинном, участке пути было осложнено двумя обстоятельствами:

сильным встречным ветром и усталостью, накопившейся за дол-

гий рабочий день. По этим причинам удалось пройти за два с половиной часа наиболее сложный участок («сувои» между о. Олёшин и о. Б. Топ), а часть пути до Пёсей луды залива Благополучия проделать «на буксире». Финальный отрезок данной части маршрута был пройден на лодке без помех.

В течение лета 2009 года на ней периодически ходили по Святому озеру. В июле сотрудниками музея А. Мартыновым и С. Балан был успешно пройден маршрут протяжённостью около 10 км от царской пристани Б. Соловецкого острова до гавани о. Б. Заяцкий.

Эксперимент № 2: лодка-долблёнка

Этап 1. Заготовка материала.

Согласно этнографическим данным, единственным видом лиственных деревьев, из которых в XIX–XX вв. изготавливали на Севере лодки-долблёнки («однодеревки»), была осина. Этим объясняется происхождение ещё одного названия северных долблёнок – «осиновки». Современная практика строительства долблёнок позволяет утверждать, что «осиновка» размерами 4,5–5 м способна перевозить не более 3 человек, лодки большей длины на реках просто не строили, в этом не было необходимости. Для строительства «морского» варианта долблёнки были заготовлены два ствола осины длиной по 10 м и диаметром 80 см в местах спила.

Этап 2. Строительство лодки-долблёнки.

«Морской» вариант лодки-долбленки («осиновки», «однодеревки», «камьяги») был выполнен по заказу Соловецкого музея-заповедника мастером А. А. Казаковым в 2010 году. Помощниками мастера в строительстве лодки были его односельчанин А. Ипатов и автор статьи.

Основные этапы работы (рис. 30):

- освобождение ствола от коры (окашивание) в тёплое время года, когда кора отсоединяется от блестящей поверхности дерева с потрескиванием;
- разметка будущей лодки по стволу с напуском на обрезку и по торцу;
- оформление формы носа и кормы будущей лодки;
- выдалбливание древесины стальным (в древности – кварцевым, кремнёвым или сланцевым) теслом по принципу: сначала центральную часть, затем боковые;
- зачистка внутренней и внешней поверхности лодки стальным скобелем (в древности это можно было сделать каменными скребками и скобелями);
- поэтапная разводка бортов до необходимой ширины посредством нагревания до кипения налитой в лодку воды (в древности – помещая в воду раскалённые камни) и распиравания бортов толстыми еловыми ветками;
- установка шпангоутов из еловых загнутых веток путём прикрепления их к выступам – клампам;
- просушка и пропитка лодки тюленьим жиром.

Параметры «морской» лодки: длина – 8 м, максимальная ширина – 1,2 м, высота бортов 40–45 см, вес – около 200 кг, грузоподъёмность – более 1,2 т. По имеющимся у нас данным, лодка таких размеров построена на Архангельском Севере впервые за два последних столетия.

Этап 3. Испытание долблёнки в условиях Белого моря.

Бесценная помощь в реализации проекта была оказана спонсором ООО «Экологические технологии» (руководитель – Ю. Н. Рогачёв, пос. Октябрьский Устьянского района Ар-

хангельской области), предоставившим мастеру исходный материал, а также доставившим изготовленную лодку за 1200 км на западный берег Белого моря (рис. 31).

В процессе строительства лодки сложился экипаж в составе 6 человек: А. Мартынов – капитан и рулевой, С. Балан и А. Шарков (Соловки), А. Казаков и Ю. Рогачёв (Устьяны), С. Денисов (Москва). Испытания лодки-долблёнки состоялись в июле 2010 года в разных погодных условиях: при попутном, встречном и боковом ветре до 5 м/сек, по течению и против течения, против течения и ветра, на волне высотой до 30 см и в штиль. Работали пятью вёслами, предоставляя возможность гребцам отдыхать по очереди. Переход от Кеми (порт) до о. Немецкий Кузов был осуществлён за 6 часов с коротким (на 20 минут) отдыхом на одном из Кемских островов (рис. 32).

В связи с усилением ветра и высокой волной на участке о. Немецкий Кузов – о. Б. Заяцкий, а также не имея возможности задержаться на Кузовах до следующего дня, данную часть маршрута лодку протащили на буксире за музейным катером Печак, убедившись при этом в её способности держаться на воде при волне до 1 м высотой и движении со скоростью до 8 узлов.

Переход от гавани XVI века на о. Б. Заяцкий до монастырского дока Б. Соловецкого острова был осуществлён при штилевой погоде за два с половиной часа. Максимальная скорость, зафиксированная на данном участке, также составила 8 км/час.

* * *

Наблюдения за «поведением» лодок, осуществлённые в процессе переходов, позволили сделать несколько выводов, важных для практики хождения по Белому морю на столь мелких и хрупких судах:

- 1) берестяная лодка и долблёнка устойчивы при условии, что сидения для гребцов и пассажиров находятся на уровне ватерлинии (чем ниже сиденья, тем устойчивей лодки). Степень устойчивости напрямую зависит также от общего веса гребцов и груза (чем больше вес, тем устойчивее лодки);
- 2) скорость движения зависит от нескольких обстоятельств. Максимальную скорость (6–8 км/час) лодки достигали при движении в русле магистрального течения, минимальная (1,5–2 км/час) была зафиксирована при движении против течения и ветра в проливе между островами Русский и Немецкий Кузова. Средняя скорость составила 3–4 км/час;
- 3) при движении по морю в условиях часто меняющегося ветра (прежде всего между островами) необходимо использовать разные способы гребли на долблёнке: парами вёсел при попутном или встречном ветре, тремя (или даже четырьмя) вёслами против одного при боковом ветре, всеми пятью вёслами с одного борта при сильных порывах бокового ветра;

- 4) для выдерживания заданного курса на тяжёлой лодке-долблёнке, в отличие от лёгкой каркасной лодки, необходимо **постоянно** работать рулевым веслом, а также контролировать и регулировать работу гребцов;
- 5) и «берестянка» и лодка-долблёнка «прорезают» встречную волну, бортовая волна до 50 см высотой поднимает и опускает их, при встрече с волной «в скулу» в лодки попадает небольшое количество воды;
- 6) благодаря пропитке днища и бортов еловой смолой и тюленьим жиром лодки пропускают незначительное количество воды («берестянка») либо не пропускают воду вовсе; попасть в долблёнку она может только через борта;
- 7) на берестяной лодке длиной 5,5 м могли ходить по 3–4 человека, на долблёнке длиной 8 м – до 12 человек.

* * *

Таким образом эксперименты, осуществлённые Соловецким музеем-заповедником, мастерами А. В. Шутихиным и А. А. Казаковым, а также рабочей группой и экипажами, доказали **возможность** строительства каркасных берестяных лодок и лодок-долблёнок и плавания на них по Белому морю в любую из исследуемых археологами Севера эпох. Они также подтверждают достоверность изображений двух видов лодок в петроглифах Залавруги (выполнены в технике сплошной и контурной выбивки) и правомерность их интерпретации как каркасных и долблёных. В качестве доказательств исторического **факта** существования такой практики в древности могут служить лишь непосредственные археологические источники – фрагменты берестяных лодок и деревянных долблёнок, связанные с первобытными стоянками и, возможно, территориями, прилегающими к ним (например, болото, примыкающее к террасе, на которой находятся шесть древних стоянок, обозначенных названиями «Соловецкая-4, 5, 6, 13, 15, 21»). Учитывая незначительную раскопанную площадь памятников (не более 10 % от общей площади культурного слоя первобытных стоянок Беломорья), можно надеяться, что такие источники появятся в процессе будущих стационарных работ. Что касается лодок с балансирами и парусами, катамаранов и иных «маломерных» судов, то возможность их использования на Белом море также нужно проверить экспериментально. Кожаная лодка построена, и её испытание в условиях Белого моря запланировано осуществить в мае 2012 года.

* * *

В процессе изучения «домонастырского» прошлого Соловков большинство исследователей ограничились описанием и интерпретацией каменных сложений. Благодаря легкомысленному отношению и к источникам, и к истории в целом, популяризаторы разнесли по сотням страниц своих публикаций совершенно бездоказательные «гипотезы» и «выводы» о времени, авторстве и назначении лабиринтов и «святилищ». Никто при этом не вспоминает, что в действительности данные памятники **не дают ответа ни на один вопрос**, связанный с первобытным освоением островов Белого моря. А вопросов много. Когда и почему были открыты впервые беломорские (и Соловецкие, конечно) острова? Кто и откуда «ходил» на них, и как долго это продолжалось в древности? Как, на каких «судах» они добирались до островов? Где, в каких местах современных Соловков проживали древние островитяне? Только летом

или круглый год? Какими были их поселения, и что сохранилось от них до настоящего времени? Чем они занимались, какими способами добывали себе пропитание на разных этапах древнего освоения островов? Откуда брали каменное сырьё для орудий труда и глину для посуды? Какой была техника изготовления каменного инвентаря? Чем различались их «глиняные горшки» в разные эпохи? Какие из поколений первобытных «соловчан» сложили загадочные лабиринты и всевозможные каменные выкладки не всегда понятного назначения? И т. д. и т. п.

Как выяснилось в ходе наших работ, ответы на них дают другие памятники – затерявшиеся в лесах и скрытые под тундровыми лишайниками **первобытные стоянки и мастерские**. Если лабиринты по-прежнему остаются загадкой для всех, то поселения и артефакты, как видите, способны вполне достоверно рассказать нам о первобытном прошлом знаменитых архипелагов.

Литература:

1. Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР // Свод археологических источников. Вып. В-4. – М.: Наука, 1966.
2. Виноградов Н. Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы СОК. Выпуск VII. Соловки, 1927.
3. Виноградов Н. Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага // Материалы Соловецкого общества краеведения. Выпуск XII. Соловки, 1927.
4. Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. – 1948. – № 10. – С. 125–142.
5. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА, 1956.
6. Демидов И. Н. История развития ландшафтного заказника «Кузова» на Белом море в поздне- и послеледниковье // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
7. Жульников А. М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
8. Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
9. Кодола О. Е., Сочеванов В. Н. Путь лабиринта. СПб, 2003.
10. Колосова Г. Н., Новиков В. С. Краткая физико-географическая характеристика острова Большая Муксалма // Соловецкие острова. Большая Муксалма. М., 1996.
11. Косменко М. Г. Генезис и хронология культурных формирований эпохи железа в юго-западной и северной Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
12. Куратов А. А. Отчёт о работе археологической экспедиции АОКМ и АГПИ им. М. В. Ломоносова в 1969 году // Архив АОКМ. 462а.
13. Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы. Опыт классификации // СА. – № 1. – 1970.

14. Куратов А. А. Каменные лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973.
15. Куратов А. А. К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Вопросы советского финно-угроведения. XV Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1974.
16. Куратов А. А. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988.
17. Манюхин И. С., Лобанова Н. В. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
18. Мартынов А. Я. О некоторых проблемах Соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
19. Мартынов А. Я. Первобытные стоянки архипелага Кузова в Белом море // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1995.
20. Мартынов А. Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. III тысячелетие до н. э. – XV век. Архангельск – Соловки, 2002
21. Мартынов А. Я. Первобытное археологическое прошлое островов Белого моря: итоги и проблемы изучения // Вестник Поморского университета. № 1 (5). Архангельск, 2004.
22. Мартынов А. Я. Древними тропами Соловецких островов. М., 2006.
23. Мартынов А. Я. О начале северного мореплавания (по археологическим источникам) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.
24. Мартынов А. Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.
25. Огороков А. В. Якоря корабельные. М., 1986.
26. Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Онежском озере // СА. – 1940. – № 6.
27. Рева К. П. О раскопках в 1907 году // ОАК за 1907 г.
28. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники р. Выг. Ч. 1. Петроглифы. – Л.: «Наука», 1970.
29. Скворцов А. П. Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
30. Хеладзе И. Краткий очерк геологического строения Соловецких островов // Материалы СОАОК. – 1926. – Выпуск 1.
31. Шварцман Ю. Г., Болотов И. Н. и др. Природная среда Соловецкого архипелага в условиях меняющегося климата. Екатеринбург, 2007.

Рецензент – А. А. Куратов,
кандидат исторических наук, профессор

Новые публикации

УДК [327+327.51](98)(045)

Действия НАТО в Арктике и их влияние на милитаризацию региона

© **Ershova** Юлия Владимировна, студентка 3 курса отделения регионоведения и международных отношений Института управления и регионологии САФУ (г. Архангельск). E-mail: ers-yulya@yandex.ru.

В статье описываются основные вехи милитаризации Арктического региона на современном этапе и роль НАТО в данном процессе. В заключении делается вывод о низкой вероятности военного столкновения в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, милитаризация, НАТО, Дания, Норвегия, США, Россия, Канада.

NATO's actions in the Arctic and their influence on the militarization of the region

© **Ershova** Yliya, 3rd year student of Department of Regional Studies and International Relations Institute of Management and regional studies NArFU (Arkhangelsk). E-mail: ers-yulya@yandex.ru.

Abstract

This article describes the major years of militarization of the Arctic region at present and NATO's role in this process. In conclusion, we can say about a low probability of military confrontation in the Arctic.

Keywords: Arctic, militarization, NATO, Denmark, Norway, USA, Russia, Canada.

Появление привлекательных перспектив в Арктике в связи с глобальным потеплением вызвало обострение международных отношений между приполярными государствами в борьбе за арктические территории. Особенно активно проявляют свои позиции арктические государства: Канада, Дания, Норвегия, США и Россия. Но и другие государства, такие как Швеция, Финляндия, Исландия, которые также входят в состав Арктического Совета, всяческим образом пытаются отстоять свои интересы в регионе. Не стоит забывать и о Китае, для которого Северный морской путь выглядит достаточно привлекательно в качестве альтернативы южному проходу (последний длиннее СМП на несколько тысяч километров).

Каждое из выше упомянутых государств пытается отстоять свои национальные интересы в Арктическом регионе и принимает все возможные меры для расширения своего влияния на данной территории. Между государствами ведется борьба за приобретение наиболее значимой роли в Арктике. Помимо экономической конкуренции все быстрее набирает

оборота конкуренция в области военных потенциалов. Милитаризация становится одним из основополагающих факторов распределения сил в Арктическом регионе.

Не стоит отрицать, что Россия также ведет довольно агрессивную политику в регионе, если взглянуть на складывающуюся ситуацию глазами других государств. В 2007 году русский полярник установил государственный флаг на дне Ледовитого океана. Произошедшее событие мгновенно вызвало неоднозначную реакцию государств, в сферу интересов которых входят приарктические территории и собственно Арктика¹. Данное событие не ушло из области внимания и такой организации, как НАТО. Нельзя не отметить, что во многом именно действия России побудили данный военно-политический блок перейти к активным действиям, в том числе и к милитаризации Арктики. Все чаще на территориях северных государств, членов НАТО, стали проводиться военные учения. Так, например, одно из крупнейших учений НАТО состоялось в Швеции в 2009 году. Назывались эти маневры «Loyal Arrow 2009» («Верная стрела 2009»). К учениям были привлечены 10 стран [1], но стоит отметить, что РФ не было среди участников.

В последние три года руководство Канады неоднократно выражало озабоченность ситуацией в Арктике, в том числе военной активностью России, претензиями США на Северо-Западный проход и территориальными спорами с Данией. В связи с этим предполагалось увеличить численность рейнджеров с 4,1 до 5 тыс. чел., построить в Резольюте центр сухопутных войск по обучению боевым действиям в арктических условиях [2]. Однако эти планы не реализованы.

Дания также принимает меры по обеспечению своей безопасности в Арктике, начав модернизировать и расширять военную базу в Гренландии и размещать силы быстрого реагирования для защиты своих интересов в северных широтах [3].

В 2008 году Исландией было сделано предложение России о позиционировании сил на военной базе Кефлавик, которая ранее принадлежала США. Российская сторона вежливо отказалась от столь неожиданного предложения. Такой ответ РФ можно объяснить тем, что подобные действия могли бы привести к дальнейшему развертыванию милитаризации Арктического региона. А со стороны Исландии такие действия диктовались тяжелой экономической ситуацией, сложившейся в стране из-за кризиса. Маленькое островное государство ожидало помощи от своих ближайших соседей (Дании и Швеции), но те медлили. В итоге президент Исландии Олафур Рагнар Гримсон заявил о поиске новых союзников. На данный момент военная база остается пробелом в вопросе милитаризации, хотя перспектива приобретения ее остается как у НАТО, так и у РФ.

Несмотря на реально существующие споры между США и Канадой, а также между Канадой и Данией, эти три члена НАТО в августе прошлого года приняли участие в операции «Нанук 2010», и это было ясным указанием на то, что они смыкают ряды против единственного претендента, не являющегося членом НАТО, – против России [4]. Парадокс в том, что у большинства стран есть противоречия друг с другом. Но Норвегия, Дания, Канада и США так или иначе действуют сообща, поскольку являются членами одной организации.

¹ См статью в этом номере журнала: Лукин Ю. Ф. Арктические социальные фобии // Арктика и Север. – 2012. – № 1 (5). URL: <http://narfu.ru/aan>.

В результате Канада получила особый статус представителя интересов НАТО в Арктике и главного оппонента России. В рамках этой стратегии США и Дания стали принимать участие в военных маневрах канадских ВМС в Арктике, которые с каждым годом приобретают все больший масштаб.

В начале 2009 года НАТО провела беспрецедентный саммит в Исландии, который был посвящен, как сообщалось, перспективам безопасности в районах Крайнего севера. Тогда НАТО открыто признала наличие у нее стратегических интересов относительно Арктического региона. Россия, в свою очередь, озаботилась усилением военного контроля над принадлежащей ей акваторией [5].

В марте 2009 года на сайте Совета Безопасности РФ появился документ «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Согласно ему планировалось создать «активно функционирующую систему береговой охраны ФСБ РФ в Арктической зоне» [6]. Документ уже два года находится в подвешенном состоянии, и ни одна из поставленных перед государством задач не была достигнута. Более того, не каждая задача задействована в процессе реализации стратегии.

На сегодняшний день Россия всячески отрицает возможность войны в Арктике. Об этом было сказано и на II Международном Арктическом форуме «Арктика – территория диалога», проведенном в Архангельске. По словам В. В. Путина, Россия планирует потратить на освоение арктического шельфа в течение ближайших 30 лет почти 10 трлн. рублей. По сути, был сделан поворот на 180 градусов, ведь еще в 2009 году планы звучивали иные [7], носящие более жесткий характер и яркое желание отстоять свои интересы в Арктике.

В начале 2011 года Великобритания, Исландия, Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия, Эстония, Латвия и Литва обсуждали укрепление сотрудничества и идею создания северной мини-НАТО [8]. Некоторые аналитики считают, что главная цель будущей организации – присматривать за Россией в Арктике. В ответ на это глава Минобороны России А. Э. Сердюков предложил развивать военное сотрудничество арктических государств, проводить коллективные мероприятия, в первую очередь по оказанию содействия в кризисных ситуациях [9]. Так, в 2011 году Россия и Дания начали планировать совместные военно-морские учения. Помимо этого РФ и Норвегия уже провели совместные учения «Помор-2011 в акватории Баренцева и Норвежского морей» [10]. Совместная деятельность Норвегии и России на сегодняшний день в рамках вопросов, связанных с Арктическим регионом, на мой взгляд, является наиболее прогрессивной. Данные государства уже заключили и ратифицировали в 2011 году «Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане».

Но никакие действия перечисленных стран пока не привели к серьезным изменениям в расстановке сил. Военное присутствие США, несмотря на то, что значительная часть американских ресурсов дислоцирована южнее Полярного круга, намного превосходит возможности других членов «арктической восьмерки». Достаточно напомнить об американских военных базах и системах ПРО, расположенных на Аляске и в Гренландии. Тем не менее, Канада считается государством, которое наиболее активно проводит милитаризацию в Арктике.

И хотя сложившуюся обстановку в Арктике уже назвали «последним переделом мира», все же никакого вооруженного конфликта в Арктике быть не может. Уже сейчас идет информационная и дипломатическая война, но не более того. Милитаризация – это лишь еще один элемент в споре за Арктику, носящий демонстративный характер, который может сыграть в последствии главенствующую роль в распределении сил в Арктическом регионе. Тезис о разрывании войны в Арктике очень сомнителен. Ни одно государство на данный момент не станет вести войну за столь неоснащенный, малоизученный и труднодоступный регион.

Литература

1. Rick Rozoff, Scandinavia And The Baltic Sea: NATO's War Plans For The High North. URL: <http://rickrozoff.wordpress.com/2009/08/31/scandinavia-and-the-baltic-sea-natos-war-plans-for-the-high-north/> (дата обращения: 12.11.2011).
2. Нестёркин В. Военная деятельность Канады в Арктике // Зарубежное военное обозрение. – 2007. – № 11. – С. 21–32.
3. Ищенко С. Ледокол «Россия» брошен в бой за Арктику. URL: <http://svpressa.ru/society/article/31733/> (дата обращения: 30.10.11).
4. Роблс Дж. Милитаризация Арктики. URL: <http://www.inosmi.ru/arctica/20110708/171774600.html> (дата обращения: 30.10.11).
5. Серова Н. Милитаризация Арктики: Россия против неизбежного? URL: <http://www.arcticuniverse.com/ru/analytics/20101028/00238.html> (дата обращения: 30.10.11).
6. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html> (дата обращения: 30.10.11).
7. Милитаризация Арктики: Россия против неизбежного? URL: <http://www.arcticuniverse.com/ru/analytics/20101028/00238.html> (дата обращения: 30.10.11).
8. Россия возражает против «арктического НАТО». URL: <http://www.dni.ru/polit/2011/9/14/218783.html> (дата обращения: 30.10.11).
9. Минобороны: Россия против милитаризации Арктики. URL: http://ria.ru/arctic_news/20110208/331769796.html (дата обращения: 30.10.11).
10. Российско-норвежские учения // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/12/ucheniya-anons.html> (дата обращения: 4.10.2011).

Рецензент – Ю. Ф. Лукин,
доктор исторических наук, профессор

Summary

Авторы

1. Глязнецова Юлия Станиславовна – кандидат химических наук, старший научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН.
2. Гореликов Лев Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национальной металлургической академии Украины.
3. Егоров Андрей Михайлович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы, кандидат исторических наук.
4. Ершова Юлия Владимировна – студентка 3 курса отделения регионоведения и международных отношений института управления и регионоведения САФУ (г. Архангельск).
5. Зайков Константин Сергеевич – докторант, институт истории и религиоведения, Университет Тромсе, (Норвегия).
6. Зеленина Лариса Ивановна – кандидат технических наук, доцент, Всероссийский заочный финансово-экономический институт (г. Архангельск).
7. Зуева Ираида Николаевна – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН.
8. Комлева Елена Владимировна – научный сотрудник института философии и политологии Дортмундского технического университета (Германия).
9. Лифшиц Сара Хаимовна – кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН.
10. Лукин Юрий Федорович – профессор, доктор исторических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, директор Института управления и регионоведения САФУ имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск).
11. Мартынов Александр Яковлевич – археолог, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ФГУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник».
12. Нильсен Йенс Петтер – профессор Института истории и религиоведения, Университет Тромсе, (Норвегия).
13. Палкина Оксана Альбертовна – кандидат биологических наук, доцент Института физкультуры, спорта и здоровья САФУ имени М. В. Ломоносова.
14. Федькушова Светлана Ивановна – Всероссийский заочный финансово-экономический институт (г. Архангельск).
15. Чалая Ольга Николаевна – кандидат геолого-минералогических наук, заведующая лабораторией геохимии каустобиолитов, ведущий научный сотрудник Института проблем нефти и газа СО РАН.
16. Шубин Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений ИУиР САФУ имени М. В. Ломоносова.

Аннотации, ключевые слова**© Комлева Е. А. Природоантропосоциальный феномен ядерной энергии**

Идентифицированы основные понятия. Выполнены пионерные для России комплексные исследования антропосоциальной компоненты феномена ядерной энергии. Феномена, без которого жизнь на Земле исключена. Исследования доведены до прагматичного образа SAMPO.

Ключевые слова: *ядерная энергия, человек, социум, материальная и духовная культура.*

© Лукин Ю. Ф. Арктические социальные фобии

Данная статья представляет первый опыт философского осмысления арктических фобий как социального явления. Фобии рассматриваются здесь не просто как навязчивые страхи или опасения отдельного человека, а как длительные угрозы, тревожные ожидания социальных общностей и групп, имеющие отношение к арктической проблематике и требующие их концептуального анализа. Делается попытка определения социальных фобий, их классификации; содержательно исследуются мировоззрение homo sapiens и страхи современных россиян. Раскрываются полифобия арктической природной среды, арктические социально-культурные фобии, страхи перед НААРР, изменениями климата; русофобия с полярным перфомансом.

Ключевые слова: *социальные фобии, классификация, мировоззрение, городские страхи, арктические фобии, НААРР, русофобия, полярный перфоманс.*

© Гореликов Л. А. Арктический проект в формировании глобального социума

В статье исследуются духовно-нравственные и объективно-исторические основания формирования глобального социума в содержании мировой целостности. Раскрывается историческая логика в развитии мирового социума как возвышение общественной практики от требований природной необходимости к стратегии творческой, вселенской свободы. Обосновывается ведущая роль арктической цивилизации в гуманистической консолидации человечества.

Ключевые слова: *глобальный социум, духовное творчество, национальная идея, вселенский гуманизм, арктическая цивилизация, мировая целостность.*

© Зайков К. С, Нильсен Й. П. Норвежско-российское пограничье: от общих округов к Поморской зоне

В статье авторы анализируют основные вехи в истории российско-норвежской границы, выделяя три ключевых этапа: 1) Средние века и раннее Новое время – это период существования фронтальной зоны и общего фискального округа, постепенно сокращающихся в процессе проникновения государства на Север; 2) советский период с почти герметичной государственной границей; 3) современный период, отличающийся интеграционными процессами, прозрачными границами и инициативами по созданию современных форм «общего округа».

Ключевые слова: *российско-норвежская граница, Поморская зона, общие округа, история, российско-норвежские отношения.*

© **Шубин С. И. Энергетику Севера в синергетику России**

История административно-территориального деления Европейского Севера России свидетельствует о том, что только в качестве консолидированного региона, объединенного общими интересами (губернии, края, экономического района), он способен выполнять роль плацдарма освоения арктических территорий. О новой модели территориального устройства, способной превратить энергетику Севера в синергетику России, размышляет автор статьи.

Ключевые слова: *синергетика, Россия, энергетика, регион, укрупнение регионов, северный экономический район, Северный федеральный округ, Двино-Печорский край.*

© **Глянцева Ю. С., Зеленина И. Н., Чалая О. Н., Лифшиц С. Х. Вопросы экологического мониторинга и реабилитации нефтезагрязненных почв Арктической зоны Якутии**

При изучении мерзлотных почв для характеристики особенностей природного фона, идентификации нефтезагрязнения почв, характеристики его состава и границ распространения использован комплекс аналитических методов: ИК-Фурье спектроскопия, газожидкостная хроматография, хромато-масс-спектрометрия и геохимический подход при интерпретации полученных данных. Приведены результаты эксперимента по изучению деградации нефтезагрязнения в почвах криолитозоны под действием нефтеструктуров на основе аборигенной углеводородокисляющей микрофлоры.

Ключевые слова: *нефтезагрязнение, биodeградация, мерзлотная почва, микрофлора, природный фон.*

© **Зеленина Л. И., Федькушова С. И. Прогнозирование и последствия изменения климата Арктического региона**

В статье определена роль Арктического региона. Рассмотрены причины изменения климата. Приведена статистика изменений основных климатических показателей. Разработана математическая модель полиномиального тренда минимальной площади арктических льдов.

Ключевые слова: *Арктический регион, изменение климата, модели прогнозирования.*

© **Палкина О. А. Особенности внешнего дыхания у студенток в условиях Севера**

У студенток исследован аппарат внешнего дыхания. Установлено небольшое напряжение функциональных способностей аппарата внешнего дыхания.

Ключевые слова: *студентки, дыхательная система, кислород.*

© **Егоров А. М. Героический вклад Пскова в защиту Русского Севера в эпоху «северных» войн кон. XVI – нач. XVIII вв.**

В статье рассматриваются сложные проблемы трансграничных отношений на севере Европы, не потерявшие своего значения и актуальности до настоящего времени. В работе нашли отражение события так называемых «северных» войн сер. XVI – нач. XVIII вв. в том виде, как они выглядят через призму ключевого пограничного города на северо-западной границе России, т. е. Пскова, который являлся в рассматриваемый период главным оплотом российской государственности на Северо-Западе страны и оказался в самом эпицентре международных противоречий. Статья вводит в научный оборот некоторые малоизвестные факты, которые позволяют более объективно взглянуть на историю и настоящее Севера и Северо-Запада России.

Ключевые слова: *централизованное государство, геополитический вакуум, стратегическое значение, военный конфликт, династические противоречия, претензии, привилегии, международный договор, нейтралитет, интервенция, граница, перемирие, дипломатия, демаркация, коалиция, диспозиция, капитуляция.*

© **Мартынов А. Я. Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья (о древнем освоении беломорских островов по археологическим данным)**

Статья посвящена истории освоения островов Белого моря (Соловки, Кузова, Жижгин, Мудьюг) в эпохи камня – железа (VI тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). На основе археологических источников и экспериментальных данных в ней содержатся ответы на вопросы о характере древних островных поселений, особенностях культуры их обитателей, культурных связях с материковыми культурами, древних морских путях, происхождении и назначении каменных лабиринтов Беломорья.

Ключевые слова: *Белое море, Соловки, острова, древнее поселение, раскопки, артефакты, керамика, каменные орудия, лабиринт, эксперимент, лодка.*

© **Ершова Ю. В. Действия НАТО в Арктике и их влияние на милитаризацию региона**

В статье описываются основные вехи милитаризации Арктического региона на современном этапе и роль НАТО в данном процессе. В заключении делается вывод о низкой вероятности военного столкновения в Арктике.

Ключевые слова: *Арктика, милитаризация, НАТО, Дания, Норвегия, США, Россия, Канада.*

Contents

Christmas interview of Patriarch Cyril on January, 7th, 2012 on TV channel “Russia”	4
--	---

Social Philosophy

Komleva E. A. Natural-antroposocial phenomenon of nuclear energy	18
Lukin Y. F. Arctic social fears	32
Gorelikov L. A. Arctic project to a global society	63

Geopolitics

Zaikov K. S., Nilsen I. P. Norwegian-Russian Arctic frontier: from the whole districts to the Pomor region	72
Shybin S. I. Energy of the North to the Synergetic of Russia	86

Ecology of Arctic and North, nature resources

Glyaznezova Y. S., Zelenina I. N., Chalaya O. N., Lifshiz S. H. The questions of environmental monitoring and rehabilitation of oil-contaminated soils of the Arctic zone of Yakutia	99
Zelenina L. I., Fedkyshova S. I. Forecasting and the results of climatic changes in the Arctic region	111

Human capital

Palkina O. A. Features of external respiration of female students in the conditions of the North	116
---	-----

History

Egorov A. M. Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian North during the “northern” wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries.	120
Martinov A. Y. The islands of the White Sea, from the Mesolithic to the Middle Ages (the ancient development of the White Sea islands on archaeological data)	140

New Publications

Ershova Y. V. NATO's actions in the Arctic and their influence on the militarization of the region	180
---	-----

Summary

Авторы	184
АННОТАЦИИ, КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА	186
Contents	189
Authors	190
Abstracts, keywords	191
Contacts	194

Authors

1. Glyaznezova Yliya Stanislavovna – Ph.D. of Chemistry, senior researcher at the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS.
2. Gorelikov Lev Aleksandrovich – Ph.D. of Philosophy, professor of the department of social and humanitarian disciplines of the National Metallurgical Academy of Ukraine.
3. Egorov Andrei Mihailovich – Associate Professor of Public and legal disciplines Pskov Law Institute FSIN of Russia, colonel of internal service, candidate of historical sciences.
4. Ershova Yliya Vladimirovna – 3rd year student of Department of Regional Studies and International Relations Institute of Management and regional studies NarFU (Arkhangelsk).
5. Zaikov Konstantin Sergeevich – Ph.D., Institute of History and Religious Studies, University of Tromsø (Norway).
6. Zelenina Larisa Ivanovna – Ph.D. of Technical Sciences, Associate Professor, Russian Correspondence Financial and Economic Institute (Arkhangelsk).
7. Zueva Iraida Nikolaevna – candidate of geological-mineralogical sciences, senior researcher at the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS.
8. Komleva Elena Vladimirovna – The scientific research worker of the Institute of Philosophy and Political Science, Technical University of Dortmund (Germany).
9. Lifshiz Sara Haimovna – Ph.D. of Chemistry, senior research worker of the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS.
10. Lukin Yriy Fedorovich – Professor, Doctor of Historical Sciences, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of Institute of Management and regional studies of NarFU (Arkhangelsk).
11. Martinov Aleksandr Yakovlevich – archaeologist, Ph.D. of history, Deputy Director for Science FGUK “Solovki State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve”.
12. Nilsen Yens Petter – Professor, Institute of History and Religious Studies, University of Tromsø (Norway).
13. Palkina Oksana Albertovna – Ph.D. of biological sciences, associate professor of Institute of Physical Culture, Sport and Health NArFU.
14. Fedkyshova Svetlana Ivanovna – Russian Correspondence Financial and Economic Institute (Arkhangelsk).
15. Chlaya Olga Nikolaevna – candidate of geological-mineralogical sciences, head of the Laboratory of Geochemistry caustobioliths, a leading researcher at the Institute of Oil and Gas Problems SB RAS.
16. Shybin Sergei Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the department of the International Relations and Regional Studies NArFU.

Absrtacts, keywords**© Komleva E. A. Natural-antropo-social phenomenon of nuclear energy**

Identified the main concepts. Performed pioneering researchers for Russia, antropo-social complex components of the phenomenon of nuclear energy. Phenomenon without which, life on Earth is excluded. Researchers have brought to the pragmatic way of SAMPO.

Keywords: *Nuclear energy, man, society, material and spiritual culture.*

© Lukin Y. F. Arctic social fears

This article presents the first experience of philosophical understanding of the Arctic phobias as a social phenomenon. Phobias are here considered not like as obsessive fears or apprehensions of the individual, as well as long-term threat, anxiety, expectations of social communities and groups related to Arctic issues and requiring their conceptual analysis. We try to make an attempt to identify social phobias, their classification of content studied philosophy Homo sapiens, and fears of modern Russians. It is opened polifobiya of the Arctic environment, Arctic social and cultural phobias, fears of HAARP, climatic changes, with the polar Russo phobia with Arctic performances.

Keywords: *Social fears, classifications, point of views, urban fears, arctic fears, HAARP, Russo-phobe, polar performance.*

© Gorelikov L. A. Arctic project on the development of global society

The article investigates the spiritual, moral and historical grounds of objectively formation of a global society in the world content integrity. Expands the historical logic of the development of world society as the rise of social practice from the requirements of natural necessity to creative strategies, universal freedom. Substantiates the key role of the Arctic in a humanistic civilization and consolidation of humanity.

Keywords: *global society, spiritual creation, the national idea, the universal humanism, Arctic civilization, the world's integrity.*

© Zaikov K. S, Nilsen I. P. Norwegian-Russian Arctic frontier: from the whole districts to the Pomor region

In this magazine, the authors analyze the major years in the history of Russian-Norwegian border, highlighting the three key stages: 1) the Middle Ages and early modern times – a period of frontier zone and overall fiscal district, gradually diminishing in the process of penetration of the state to the north; 2) the Soviet period with nearly hermetic state border; 3) the modern period, with the process of integration, transparent boundaries and initiatives to create a modern form of “general district”.

Keywords: *Norwegian-Russian border, Pomor land, general district, History, Russian-Norwegian relations.*

© Shybin S. I. Energy of the North to the Synergetic of Russia

The history of the administrative-territorial division of the European North of Russia suggests that only a consolidated region, which is united by common interests (province, territory, economic region), it can play a role of a springboard development of Arctic areas. A new model of territorial organization, able to convert energy of the North to synergetic of Russia, reflects the author of the article.

Keywords: *Synergetic, Russia, energy, region, enlargement of the regions, the northern economic region, the Northern Federal District Dvina-Pechora region.*

© Glyaznezova U. S., Zelenina I. N., Chalaya O. N., Lifshiz S. H. The questions of environmental monitoring and rehabilitation of oil-contaminated soils of the Arctic zone of Yakutia

In the study of permafrost soils to characterize the features of the natural background, the identification of oil pollution of soil, its composition and characteristics of the boundaries, it was used a complex of analytic methods: IR-Furie spectroscopy, gas-liquid chromatography, chromatography mass-spectrometry and geochemical approach to the interpretation of the data. The results of an experiment of the study of the degradation of oil pollution in the soils of permafrost under the effect of oil destructors on native micro flora of hydrocarbon.

Keywords: *oil pollution, biodegrading, permafrost soil, micro flora, the natural background.*

© Zelenina L. I., Fedkyshova S. I. Forecasting and the results of climatic changes in the Arctic region

The article defines the role of the Arctic region. The causes of climatic changes have been studied. The statistics of changes in key climate indicators is written. A mathematical model of a polynomial trend of the minimum area of Arctic sea ice is created.

Keywords: *Arctic region, climatic changes, forecasting models.*

© Palkina O. A. Features of external respiration of female students in the conditions of the North

The respiratory apparatus of the female students have been studied. A small voltage functional capacity of respiratory apparatus is found.

Keywords: *female students, the respiratory system, oxygen*

© Egorov A. M. Heroic contribution of Pskov in the protection of the Russian North during the “northern” wars at the end of XVI – to the beginning of XVIII centuries

The article deals with difficult problems of cross-border relations in the north of Europe, have not lost their importance and relevance to the present. In the work we showed the events reflected and so-called “Northern” wars middle. XVI – the beginning. XVIII centuries. In the form how they look through the lens of a key border town in the north-western border of Russia, Pskov, which was at this period the main city of Russian statehood in the Northwest and the country was in the middle of international controversy. Article introduces the scientific revolu-

tion, some little known facts that allows to use more objective look at the history and present of the North and North-West Russia.

Key words: *centralized state, a geopolitical vacuum, strategic, military conflict, dynastic controversy, claim, privilege, an international treaty, neutrality, intervention, border truce, diplomacy, the demarcation, the coalition, disposition, surrender.*

© **Martinov A. Y. The islands of the White Sea, from the Mesolithic to the Middle Ages (the ancient development of the White Sea islands on archaeological data)**

The article is devoted to the history of development of the White Sea Islands (Solovki, Kuzova, Zhizhgin, Mudyug) in the Stone Age – Iron (VI millennium BC. E. – I millennium AD. E.). On the basis of archaeological sources and experimental data it contains answers to questions about the nature of the ancient island of settlements, the culture of their inhabitants, cultural ties with continental cultures, ancient sea routes, origin and destination of stone labyrinths of the White Sea.

Keywords: *White Sea, Solovki Islands, an ancient settlement, excavations, artifacts, pottery, stone tools, labyrinth, an experiment, a boat.*

© **Ershova U. V. NATO's actions in the Arctic and their influence on the militarization of the region**

This article describes the major years of militarization of the Arctic region at present and NATO's role in this process. In conclusion, we can say about a low probability of military confrontation in the Arctic.

Keywords: *Arctic, militarization, NATO, Denmark, Norway, USA, Russia, Canada.*

АРКТИКА и СЕВЕР

Электронный научный журнал

2012. № 5 (январь)

Главный редактор: *Ю. Ф. Лукин.*Ответственный секретарь: *Е. С. Типпель.* Тел.: + 7 902 199 12 00.Редактор на русском языке: *Е. А. Суворова.* E-mail: suvorova.elena@pomorsu.ru, e.suvorova@narfu.ru. Тел. +7 (818-2) 68 34 47.Редактор на английском языке: *М. А. Малаховская.*Компьютерная верстка (дизайн, обложка): *А. Э. Ерёмин.*Размещение на сайте: *Ю. В. Новиков.*

Свидетельство о регистрации – Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года.

Учредитель – ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова».

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17.

Электронный адрес редакции: mba@pomorsu.ru, iuprk@pomorsu.ru.

Адрес редакции: Россия, 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 8, каб. 4–3а.

Подписано для размещения на сайте <http://narfu.ru/aan>: 12.01.2012.Размещено на сайте <http://narfu.ru/aan>: 12.01.2012.**ARCTIC and NORTH**

Electronic scientific magazine

2012. Issue 5 (January)

Editor in chief: *Y. F. Lukin.*Executive secretary: *E. S. Toppel.* Tel.: + 7 902 199 12 00.An editor on Russian language: *E. A. Suvorova.* E-mail: suvorova.elena@pomorsu.ru, e.suvorova@narfu.ru. Tel.: +7 (818-2) 68 34 47.An editor on English language: *M. A. Malahovskaya.*Computer design and cover: *A. E. Eremin.*Placement on the webpage: *Y. V. Novikov.*

Registration certificate – El № FS77-42809 From 26 of November 2010.

Founder – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education “Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov”.

An address of founder: Russia, 163002, Arkhangelsk, Northern Dvina River Street, 17.

Electronic address of editorial office: mba@pomorsu.ru, iuprk@pomorsu.ru.

An address of editorial office: Russia, 163002, Arkhangelsk, Novgorodskii Street, 8, room. 4–3a.

Signed for placement on the webpage: <http://narfu.ru/aan>: 12.01.2012.Webpage: <http://narfu.ru/aan>: 12.01.2012.